

[Polaris]

ВИКТОР КОЗЛОВ

СТРАНА ЭКЗОТИКИ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССР

Salamandra P.V.V.

**Виктор
КОЗЛОВ**

СТРАНА ЭКЗОТИКИ

Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Козлов В. Д.

Страна экзотики. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 28 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СССР. Факсимильное изд.).

Действие приключенческой повести В. Д. Козлова «Страна экзотики», впервые опубликованной в 1912 г., разворачивается на Дальнем Востоке в период Русско-японской войны.

СТРАНА ЭКЗОТИКИ

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

В. Д. Козлова.

I.

Въ весенніе дни, за нѣсколько лѣтъ передъ русско-японской войной, Портъ-Артуръ былъ взволнованъ загадочнымъ событіемъ: пропала безъ вѣсти жена крупнаго коммерсанта, американскаго подданаго, Томаса Тринклера.

Хотя въ то время Конантъ-Дойль еще не пользовался нынѣшней популярностью, но гдѣ и когда не было Шерлоковъ-Холмсовъ? Объ исчезновеніи г-жи Тринклеръ говорили въ ресторанахъ, на улицахъ, въ конторахъ, за столиками кафе. Доискивались, дѣлали предположенія, выуживали откуда-то новые и новые факты. Мѣстная газета хранила молчаніе, шанхайская же

и японская почты принесли цѣлый букетъ подробностей.

Парисовалась такая картина: Томасъ Тринклеръ больше шести лѣтъ проживалъ въ Китаѣ и на русскомъ Дальнемъ Востока. Дѣла его, благодаря связямъ и кредиту въ Санъ-Франциско, сразу же пошли блестяще, онъ велъ крупныя операціи со многими торговыми фирмами. Нѣсколько разъ за эти 6 лѣтъ Тринклеръ бывалъ въ Америкѣ и въ одну изъ поѣздокъ женился на красивой женщинѣ, вдовѣ коммерсанта, богатой и молодой. По какимъ-то обстоятельствамъ Клара Тринклеръ не могла переселиться къ мужу въ Портъ-Артуръ. Они сдѣлали свадебную прогулку по Китаю, затѣмъ, послѣ годовой разлуки, мужъ ѣздитъ въ женѣ въ Америку, а въ прошломъ году г-жа Тринклеръ пріѣхала въ Шанхай, гдѣ они прожили половину лѣта, очень радушно принятыя европейской колоніей. Судя по рассказамъ, молодая женщина нѣсколько разъ бывала въ Россіи и прекрасно знала Китаѣ, въ послѣдніе годы особенно интересуясь имъ. Еще съ первымъ мужемъ она неоднократно посѣщала Пекинъ и даже удостоилась рѣдкой чести быть представленной императрицѣ въ богдыханскомъ дворцѣ. О своемъ окончательномъ пріѣздѣ въ Портъ-Артуръ г-жа Тринклеръ извѣстила мужа за два мѣсяца. Онъ ждалъ. Его друзья встрѣтили американку въ Шанхай съ цвѣтами, торжественно проводили на пароходъ, отходящій въ русскую столицу Маньчжуріи... Ничто не предвѣщало катастрофы. Встрѣча съ мужемъ была очень сердечна и, благодаря любопытному участію многочисленныхъ знакомыхъ, помпезна. Всѣ видѣвшіе американку на артурской пристани нашли ее прелестной. Такъ какъ Портъ-Артуръ былъ весьма бѣденъ женщинами и всѣхъ городскихъ дамъ знали наперечетъ, то о пріѣздѣ г-жи Тринклеръ говорили, какъ о событіи. А на слѣдующее утро она вышла погулять, сказала прислугѣ, что вернется къ двухчасовому завтраку, и съ той минуты всѣ ея слѣды рѣшительно обрывались.

Въ главной конторѣ «Торговаго дома Томаса Тринклера и К^о» царило вполне естественное оживленіе. Съ жгучимъ любопытствомъ служащіе набрасывались на шанхайскія газеты, а черезъ восемь дней послѣ происшествія они первые разнесли по городу вѣсть, что патронъ объявилъ премію въ 5.000 руб. тому, кто укажетъ хотя бы слѣдъ пропавшей жены.

Лишь Рудольфъ Германовичъ Пиргель, завѣдующій иностранной корреспонденціей торговаго дома, хранилъ спокойствіе. Какъ честный рижскій итѣмецъ, онъ считалъ пустяками абсолютно все, что не имѣло отношенія къ его конторскимъ обязанностямъ.

Въ восьмомъ часу вечера Рудольфъ Германовичъ сложилъ свои бумаги въ бюро, заперъ тщательно на ключъ и истягиваясь спросилъ у кассира:

— Неужели пять тысячъ?

— А какъ же, ровно пять—консечка въ

консечку,—отвѣтилъ тотъ живо.—Еще бы, такое несчастье!

Обыкновенно, какъ добродѣтельный семьянинъ, Пиргель со службы шелъ домой. Сегодня же его потянуло на бульваръ. Онъ вспомнилъ, что жена, Берта Людвиговна, получила опять безплатный билетъ въ оперетку и все равно придется одному сидѣть весь вечеръ.

Майскій день красиво умиралъ. Играла военная музыка и по аллеямъ крошечнаго бульварика гуляла молодежь, преимущественно военная.

— А вѣдь куда nibудь эта г-жа Тринклеръ дѣлась же,—думалъ Пиргель, сидя на скамейкѣ.—Вотъ бы узнать!..

Какъ то сама собою мысль его взяла подъ руку американца-патрона и пропавшую американку, а пятидесятилетний посулъ зашуршалъ въ карманѣ новенькими бумажками. Думалось такъ:

— Гм... Что же здѣсь собственно невѣроятнаго!.. Ну я, скажемъ, домой обѣдать—вдругъ, слѣдъ! И очень просто. Если даже эта странная женщина провадилась сквозь землю, такъ и то должна остаться дырка... Почему эту дырку суждено найти другому, а не мнѣ?..

Солнце зашло и изъ-за крижистой массивной горы видимо старалось надуть почтенную публику: ослѣпительно зажгло вершину кряжа прощальными лучами, отчего простые камни и глина стали похожими на сверкающее золото. Эти штуки оно продаывало довольно долго, но никто не поймался на удочку. Можно было подумать, что, не найдя среди артурцевъ ни одной наивно-довѣрчивой души, солнце разгнѣвалось и послало городу хмурыя сумерки. Жалко заморгали фонари, черныя улицы казались провалами въ какое то подземное царство. Стало жутко. Пиргель ужиналъ въ ресторанѣ «Саратовъ» и даже позволилъ себѣ кутежъ въ видѣ четырехъ бутылокъ пива. Чуть-ли не впервые со дня пріѣзда жены онъ отправился домой послѣ полуночи. «Саратовъ» находился на набережной бухты и здѣсь сравнительно было освѣщено, но уже начиная съ Театральной улицы Рудольфъ Германовичъ вступилъ въ сплошную мракъ. Шагая наизусть и по чутью, Пиргель опять размышлялъ о пяти тысячахъ. Не обладая пылкой фантазіей, онъ рисовалъ открытіе слѣдовъ просто:

— Ну, вотъ хотя бы то окно... Свѣтитслучайно на дорогѣ, и прохожу, заглядываю—лежитъ связанная женщина... Только и всего, пожалуйста денешки! Или, наиримѣрь, такъ: убійцы везутъ трупъ г-жи Тринклеръ, чтобы бросить куда nibудь въ каналъ, а мнѣ какъ разъ нужно проходить мимо канала. Стопъ, голубчики! Попалось... И вполне возможно, потому что теперь ночь, а этакая дѣла когда-же и дѣлаются, какъ не ночью.

Размышляя такимъ образомъ, Пиргель перешелъ каналъ по Санерному мосту и очутился въ улицѣ еще глуше, еще темнѣй, чѣмъ пройденная. Мягкимъ, пушистымъ

ковромъ стлалась уличная пыль, перетертая ногами и колесами, какъ тонкая пудра. Ни звука, ни огня. Скученныя китайскія фанзы, приспособленныя артурцами подъ европейское жильѣ, кажутся мрачными и зловѣщими. И вдругъ въ этой напярженной, притановѣвшей тишинѣ проносится шумъ. Пиргель приостановился и вытянулъ шею. Шумъ повторился, раздался сдержанные голоса и коротко предребезжали колеса. Будь это въ другое время, честный итѣмецъ, возможно, не обратилъ бы вниманія. Шумять—и пусть ихъ. Но теперь фантазія его была настроена въ сторону самыхъ необычайныхъ приключеній. Перебѣжавъ черезъ улицу, Пиргель притановѣлся, не рѣшаясь заглянуть за уголъ, боясь выдать себя даже дыханіемъ. Онъ открылъ и зажалъ въ рукѣ перочинный ножъ—единственное свое оружіе. Нѣсколько минутъ изъ-за угла раздавался все тотъ же глухой шумъ, а затѣмъ необыкновенно громко и рѣзко пронесся женскій крикъ, сразу же заглушенный.

— Она! Похищенная американка!—метнулась мысль въ мозгъ Рудольфа Германовича.

Воображеніе съ поразительной ясностью нарисовало, какъ ее волокутъ куда то, какъ она рвется изъ сильныхъ рукъ, какъ грубая ладонь зажимаетъ ей ротъ. Всѣ итѣмцкая уравновѣшенность и все хладнокровіе, пятнадцать лѣтъ тренировавшіеся на канцелярской перепискѣ,—полетѣли въ чорту. Съ крѣпко зажатымъ ножомъ въ рукѣ Пиргель побѣжалъ въ переулокъ.

— Помогите!.. Караулъ!—закричалъ онъ дикимъ голосомъ и бросился на какихъ то людей.

Случилось все съ необыкновенной быстротой. Пиргель не успѣлъ даже рассмотреть, сколько у него противниковъ. Замѣтилъ лишь, что два или три, а можетъ быть и четыре человека кого то несутъ, надъ чѣмъ то копошатся. Съ разбѣга онъ налетѣлъ на нихъ, ткнулъ ближайшаго обѣими руками въ спину и, снова услышавъ женскій вопль, ударилъ другого ножомъ. Въ слѣдующій моментъ отъ здоровенной затрещины у него замелькали въ глазахъ огни. Какъ сквозь сонъ храброму итѣмцу почудилось, что кто то еще разъ оглушилъ его ударомъ въ голову.

— Караулъ!—хотѣлъ онъ крикнуть, но слово вырвалось наружу жалкимъ стономъ.

— Конецъ... убили!—мелькнуло послѣднимъ соображеніемъ.

Впрочемъ, впоследствии Рудольфу Германовичу казалось, что память его сохранила и то, какъ чей то сапогъ съ силой обрушился ему на голову, и то, какъ починные бандиты свалили свою ношу въ экипажъ, и даже визгъ женщины, свѣтавшійся со стукомъ разбитой протетки и потонувшій гдѣ то вдали.

(Прод. слѣд.)

В. Д. Козлова.

(Продолжение *).

П.

Штаб-ротмистр Андрей Иванович Погожев проснулся поздно и сучающими глазами поспрашивал сначала в окно, потом на стены, расписанные прихотливыми узорами плесени и сырости.

— Лучшая гостиница, черт бы ее взял, — буркнул он вло и збвнул. — Эй, бой! Давай воды, что ли.

Китаец-бой явился с тѣмъ выраженіемъ полусерьезности—полусмуга, съ какимъ всегда китайская прислуга относится къ русскимъ, особенно къ военнымъ.

Умываясь, Погожевъ недовольно фыркнулъ. Последние дни онъ чувствовалъ себя скверно. Ничто не удавалось—словно говорились все дѣлать ему, штаб-ротмистру Погожеву, на зло. Приѣхалъ въ Портъ-Артуръ съ расчетомъ застать генерала Круглова, а тотъ, оказывается, въ отпускѣ. Мѣтилъ занять вакантную должность артурскаго полицеймейстера и никакого толку. Проситъ три кандидата, все имѣютъ связи—очевидно, дѣло не выгоритъ... Третьяго дня продулся въ макео. Вчера генералъ сказалъ, что даже на сотню трудно рассчитывать. Обижаются два года, водить за носъ, а чуть освободится командирское мѣсто,—сейчасъ приотривать какого нибудь фенриша. Но, ладно! Больше штаб-ротмистръ не станетъ разгивать дурана. Иначе, какъ командиромъ сотни, онъ изъ Артура не уйдетъ. Имъ только дай повладу—готовы хоть на голову сѣсть!..

—Чего лѣшь мимо, болванъ!—сердито окрикнуваетъ Погожевъ бойку. Тотъ пугливо жмется и еще больше проливаетъ на полъ.

—Фу, образина! Пошелъ вонъ!

Андрей Ивановичъ брестетъ и ругаетъ кривое зеркало, затѣмъ фыркаетъ на дурачій одеколонъ, попавшій въ глаза. Просто «до противности» не везетъ штаб-ротмистру Погожеву!..

—Бой! А сапоги?—причитъ онъ на всю гостиницу и когда сапоги поданы, то подъ носъ ворчитъ:—Лучшая въ городѣ, пать цѣпковыхъ въ сутки, а звонковъ нѣтъ... Только шкуру умѣютъ драть, подлецъ!..

На улицѣ настроеніе нѣсколько исправляется. Снуютъ прохожіе, яркое солнце все скрашиваетъ, на всемъ рѣшительно—даже на горахъ чернаго каменнаго угля—блеститъ и искрится. Похоже, словно бы улица что то празднуетъ и поэтому нестро и кокетливо вырядилась. Штаб-ротмистръ беретъ извозчика и съ остаткомъ испаряющейся досады думаетъ:

—Недурно, чертъ возьми! Мечтаю стать полицеймейстеромъ, а къ главному сопернику їду просить денегъ. Нечего сказать, похвальное поведеніе!

Однако хмурые мысли не думаются. Какая то молодая дама внимательно смотритъ въ его сторону, и Похожевъ слегка приподнимаетъ плечи, а голова его сама собою нѣсколько откидывается назадъ. Онъ вовсе не имѣетъ въ виду плѣнить проходившую незнакомую даму, онъ даже не думаетъ о ней. Однако фигура его, затянута въ бѣлый нитѣ, покачивается на сидѣннхъ экипажа и лѣше, и самоувереннѣй, и словно бы съ какой то напружи-

ненностью парочно выставленной напоказъ мужской силы.

Погожевъ входитъ въ полицейское управленіе, городовые всакиваютъ и тянутся.

—Поручикъ Золотницкій здѣсь?—спрашиваетъ онъ.

Поручикъ Золотницкій товарищ Погожева и соперничающій кандидатъ на должность полицеймейстера. Такъ какъ штаб-ротмистру до зарѣзу нужны деньги, то онъ, входя въ кабинетъ товарища, уже не терзается мыслью, что просить у соперника недиبلوماسية. Въ мозгу лишь копошится смутное опасеніе: «а вдругъ не дастъ!»...

—Ба, кого я вижу!—съ преувеличеннымъ радушіемъ, а потому несотвѣстно, встрѣчаетъ Золотницкій Погожева.—Садись, голубчикъ. Ты ужасно кетати. Не хочешь ли послушать, сейчасъ я буду чинить допросъ по поводу исчезновенія этой американки Тринклера.

—Развѣ отыскались слѣды?

—Еще не знаю. Кажется... Да ты садись и все услышишь самъ... Эй, дежурный! За Тринклера послани?

—Онъ здѣсь. Ждетъ.

—Проси въ кабинетъ и приведи арестованнаго.

Американецъ Тринклеръ, высокій, прямой человѣкъ, съ сухимъ бритымъ лицомъ, вошелъ первымъ. Золотницкій предложилъ ему сѣсть и сказалъ официально:

—Я пригласилъ васъ, мистеръ Тринклеръ, по дѣлу, касающемуся пропажи вашей супруги. Ночью мои полицейскіе подняли и доставили неизвѣстнаго человѣка, который утверждаетъ, что его хотѣли убить похитители вашей жены. Вамъ угодно присутствовать при допросѣ?

Что же онъ собственно говорить?—быстро спросилъ Тринклеръ.

—Это мы сію минуту узнаемъ. Я его еще не видѣлъ.

Двое городовыхъ ввели маленькаго человѣчка, одежда и лицо котораго носили слѣды жаркой схватки. Американецъ взглянулъ и вскрикнулъ:

—О, это вы, г. Пиргель!

Это былъ действительно Рудольфъ Германовичъ Пиргель. Подъ глазомъ у него зловѣще надуты снѣгъ, губы тряслись.

—Это я, мистеръ Тринклеръ, но будьте добры объяснить: за что меня заперли на замокъ въ компаніи съ какими то ворами и жуликами?—дрожащимъ и возбужденнымъ тономъ произнесъ онъ.—И сдѣлать ночью большое открытіе, и пострадать, меня чуть не убили, мистеръ Тринклеръ! За что же меня взяли за рѣшетку? О, мистеръ Тринклеръ!..—дальше онъ говорить не могъ и, опустившись на ближайшій стулъ, зарыдалъ.

—Такъ вы то и есть Рудольфъ Германовичъ Пиргель?—съ нескрываемымъ изумленіемъ воскликнулъ Золотницкій.—Боже мой, какое странное недоразумѣніе!

Успокоившись и съ официальной серьезностью выслушавъ извиненіе поручика, Пиргель рассказалъ о ночномъ приключеніи.

По мѣрѣ разсказа на лицѣ Золотницкаго отражалось все большее и большее недоумѣніе.

—Позвольте, такъ вы говорите въ Хабаровскомъ переулкѣ?

—Ну-да. Почему это васъ удивляетъ?

Поручикъ смутился.

—Нѣтъ, это я такъ... Продолжайте, пожалуйста.

Погожевъ наблюдать за всѣми. Пир-

гель былъ торжественъ, американецъ поблѣднѣлъ и, повидимому, очень изволновался, а на Золотницкаго разсказъ нѣмца дѣйствовалъ какъ-то странно. Въ началѣ онъ нервничалъ, привскакивалъ, прерывалъ Пиргеля поумѣстными вопросами. Въ концѣ-же безпричинно и совсѣмъ некстати расхохотался.

—Господи! Пиргель, вы хорошо помните, что ударили одного негодяя пощечей?—спросилъ Тринклеръ и впился въ своего служащаго глазами.

—Еще-бы, мистеръ Тринклеръ.

—Какъ вы били, на какой приблизительно высотѣ?

Подумавъ, Пиргель отвѣтилъ увѣренно:—Я билъ правой рукой, на уровнѣ своего плеча.

—Такъ, такъ... Это совершенно то, что мнѣ нужно. Человѣка ниже себя ростомъ вы ранили-бы въ шею?

—Да.

Съ сухимъ и блѣднымъ лицомъ американецъ обратился къ Золотницкому:

—Я хотѣлъ-бы знать, г. офицеръ, могу ли я рассчитывать, что вы немедленно арестуете виновниковъ похищенія моей жены, если я ихъ укажу?

—Конечно, это моя обязанность.

—Благодарю васъ. Я знаю преступниковъ. До свиданья.

Офицеры изъ полиціи поѣхали въ «Саратовъ» завтракать, и дорогой Золотницкій говорилъ Погожеву:

—Въ нашей полицейской службѣ очень важную роль играетъ чутье, такъ сказать, инстинктъ... Гм... Какъ-бы это лучше тебѣ выразить?... Необходимо предчувствовать преступника. Понимаешь? Инюхотъ находить слѣды. И вотъ, по моему, Тринклеръ на ложномъ пути,—разсуждая такъ, по-

ручникъ избѣгалъ смотрѣть товарищу въ глаза.

Позавтракавъ, офицеры долго сидѣли за бутылкой вина, потомъ перешли въ бильярдную и заигрались до вечера. Часовъ въ девять, когда уставшіе, нагло уставшіе мѣловой пылью, они собирались уходить, неожиданно явился Тринклеръ.

—И открылъ преступниковъ, сказалъ онъ взволнованно. Это китайцы.

—Китайцы?!—широко отарывъ глаза, нереспировавъ поручикъ.

—Что-же тутъ необыкновеннаго?... Вчера ночью, войдя случайно на кухню, я засталъ своего боя-повара за перевязкой. Онъ смутился. Ранъ была свѣжая, на шеѣ, съ лѣвой стороны. Тогда я не обратилъ вниманія. Моя прислуга живетъ у меня давно, и была далеко отъ подозрѣній. По разсказу Пиргеля... Вы понимаете, онъ открылъ мнѣ глаза. Теперь-же послѣднія сомнѣнія разсѣялись... Взгляните на это портмоне,—американецъ передалъ офицеру маленькій дамскій кошелекъ англійской кожи.—И узналъ его. Съ нимъ никогда не разставалась моя жена. И какъ вы думаете, гдѣ и нашелъ его?

—Неужели у повара?

—Да, у повара!.. И нарочно отослалъ всю прислугу изъ дому и обшарилъ кухню. Подъ лавкой, въ какой-то старой мискѣ съ крупой, я нашелъ это портмоне.

Золотницкій покачалъ плечами и пробурчалъ:

—Ничего не понимаю!.. Если вы такъ увѣрены, то, позвольте, я ихъ арестую.

—Конечно, арестовать!—горячо проговорилъ Погожевъ.

(Прод. слѣд.).

III.

—Мы пройдемъ ишкомъ и у воротъ вы подождете. Я сначала осматрюсь, а ужъ затѣмъ вступлю вась,—сказалъ Тринклеръ.

—У васъ сколько человѣкъ прислуги?—спросилъ Золотницкій.

Его дѣловой видъ показывалъ, что сомнѣніе и недовѣрчивость сброшены—остался лишь травленный полицейскій служака.

—Четыре, но двоихъ я не подозреваю. Повидному, участвовали въ преступленіи поваръ и взрослый бой, по имени Шин-хуа. Они очень дружны. Кромѣ нихъ, есть еще мальчикъ-китаецъ и японка—горничная. Эти врядъ ли знаютъ что-нибудь.

—Вы думаете, что не надо брать городскихъ?

—Справимся и безъ нихъ, хотя дѣлайте, какъ знаете. На всякій случай у моей квартиры караулятъ двое моихъ служакъ изъ товарнаго склада—русскій и американецъ. Противъ пятерыхъ европейцевъ, мнѣ кажется, они не станутъ сопротивляться.

Остальную дорогу шли молча.

—Интересно знать, что эти подлецы сдѣлали съ несчастной американкой?—думалъ Погожевъ, шагая по пыли рядомъ съ спутниками. —Какая зловѣщая судьба! Приѣхать къ мужу послѣ долгой разлуки и на дру-

гой же день попасть въ жестокаго лапы длинноносыхъ дикарей! Бррр!..

У воротъ ихъ встрѣтилъ рослый человекъ и, вытянувшись по-военному, громко отпортовалъ:

—Такъ что, китайцы ушли.

—Какъ ушли?—не понялъ американецъ.

—Ушли, ваша честь. Я говорилъ Марку, чтобы задержать, а онъ шепнулъ: «молчи, дескать»—и пошелъ за ними слѣдомъ. Мнѣ приказалъ караулить здѣсь.

—Давно ушли?—спросилъ американецъ и энергично выбранился.

—Въ скорости за вашей милостью. Примерно часа два тому времени.

—Неужели уйдутъ?—съ тревогой спросилъ Погожевъ.

—Я такъ и думалъ, что они попытаются бѣжать. Мой обыскъ, конечно, не укрылся отъ нихъ... Не правда ли, эта попытка ускользнуть еще нагляднѣе доказываетъ, что преступники—именно они. Но ничего—Маркъ ловкій парень.

Приказавъ служащему ждать у воротъ, Тринклеръ ввелъ офицеровъ въ домъ. Повидному, американецъ давно готовился къ пріему жены—квартира была обставлена нарядно и дорого. Погожевъ съ перваго взгляда опредѣлилъ, что вся мебель, картины, ковры—привозные изъ Шанхая и Америки. Въ передней ихъ встрѣтилъ китайченокъ-бой. При видѣ русскихъ офицеровъ его глаза раскосы заюлили. Отъ штаб-ротмистра это не укрылось и, не разсуждая,—хорошо ли это выйдетъ или худо—онъ рѣшительно шагнулъ впередъ, взявъ китайчонка за плечо и спросилъ строго:

—Говори, что ты знаешь? Куда дѣли мадаму?

Бойка затрепетала и зашаталась. Длинная коса съ черной шелковой кистью на концѣ вдругъ очутилась въ рукѣ офицера.

—Ну! Мадама гдѣ?

—Моя не знаетъ, капитана... Моя ничего не знаетъ!

Погожевъ вдругъ сдѣлалъ бѣшенное лицо и рывнулъ такъ, что гулъ пошелъ далеко по улицѣ:

—Отвѣчай, подлецъ! Убью!..

—О, капитана! О добрый капитана!.. Моя ей-Богу ничего не знаетъ. Моя только видѣла, какъ поваръ и большой бойка покупали бѣлье для мадамы

—Какое бѣлье?

—Разное бѣлье. Ходили въ магазинъ и покупали. Бѣлье, платье... Много покупали, цѣлую корзину...

Признаніе было настолько неожиданно, что Золотницкій и Тринклеръ слушали, широко открывъ глаза. А Погожевъ продолжалъ допрашивать:

—Когда покупали?

—Давно покупали. Сразу покупали, какъ пропала мадама.

—Куда же они дѣли бѣлье?

—Понемногу покупали и складывали въ корзину въ кладовой. Потомъ унесли... Не знаю, куда унесли.

—Почему же ты раньше не сказалъ?

—Поваръ—бойка замѣтилъ, что я подглядываю. Они взяли меня въ кладовую и пригрозили пожомъ. Хотѣли зарѣзать.

Бойка гнусаво заплакалъ и, трясаясь отъ страха, что-то забормоталъ по-китай-

ски. На всѣ дальнѣйшіе вопросы штаб-ротмистра онъ только причиталъ:

—Я не знаю... Моя ничего больше не видѣла.

Американецъ отпустилъ его спать и проговорилъ:

—Для меня очевидно одно: они не убили мою жену. Если покупали для нея вещи, то значитъ она была спрятана ими гдѣ-то вблизи. Можетъ быть они выжидали случая, чтобы увести ее куда-нибудь.

—Необходимо во что бы ни стало захватить мерзавцевъ,—сказалъ Погожевъ.—Весь секретъ въ нихъ.

На дворѣ слышались голоса, и Тринклеръ, открывъ дверь, спросилъ въ темноту:

—Это ты, Маркъ?

—Я, мистеръ Тринклеръ. Если угодно, мы можемъ взять ихъ въ любой моментъ.

—Гдѣ же они?

—Сначала они намѣревались, кажется, совсѣмъ удрать изъ города. Тогда я рѣшилъ, что за городомъ мнѣ придется либо перестрѣлать ихъ изъ револьвера, либо связать другъ съ другомъ за косы и привести обратно. Другого выбора не было, не такъ ли, мистеръ Тринклеръ?.. Но они передумали и отправились въ китайскій городъ. Я спокойно слѣдилъ, не подходя близко. Они зашли въ одну китайскую гостиницу, поелъ въ другую и, наконецъ, обстоятельно посоветовавшись, направились въ опикурильню. Здѣсь есть такихъ нѣсколько. Тогда, немного обождавъ, я отправился доложить вамъ, мистеръ Тринклеръ.

—Но они скроются, уйдутъ!—испуганно вскрикнулъ американецъ.

—Изъ курилки то? Не извольте беспокоиться, мистеръ Тринклеръ, если китаецъ попалъ въ опикурильню, то пока хозяинъ не выброситъ силой—его не вытянешь. Ужъ я знаю...

—Господа, времени тратить нельзя. Идемъ, рѣшительно произнесъ американецъ.

—Русскаго вы оставьте дома—пусть онъ покараулитъ этого мальчишку,—посоветовалъ Золотницкій.—А дорогой я прихвачу парочку городскихъ.

Такъ какъ разстояніе было довольно большое, то наняли извозчиковъ. Золотницкій заѣхалъ въ управленіе, взявъ свободныхъ городскихъ, и черезъ часъ восемь вооруженныхъ людей безъ шума окружили небольшой дворъ, въ которомъ ютилась опикурильня. Изъ-за прикрытыхъ наглухо циночныхъ ставенъ доносился какой-то споръ и шумъ. Кто-то кричалъ, кажется, даже дрались. Золотницкій самъ разставилъ городскихъ по мѣстамъ и тихо сказалъ:

—Ну, господа, все въ порядкѣ. Приготовьте на всякій случай оружіе, чѣмъ чортъ не шутитъ.

Онъ рѣшительно постучалъ въ дверь эфесомъ шапки и крикнулъ:

—Эй, хозяинъ, открой-ка!

Слышно было, какъ внутри разомъ стихло.

—Чего притаились? Открой, говорю!

Ни звука. Слабый свѣтъ, пробивавшійся сквозь циночку въ ближнемъ окнѣ, погасъ. Погожевъ стоялъ рядомъ съ поручикомъ и думалъ, что должность полицеймейстера совсѣмъ не такая ужъ желанная и блестящая.

—Ну се къ чорту! Лѣзь въ каждую пору по ночи... Дастъ кто-нибудь въ рожу—и не увидишь, кто далъ.

—Да откроете-ли вы, проды! заоралъ Золотницкій. Навали, ребята!

Ребята навалили. Дверь, устроенная по китайски на деревянныхъ петляхъ и запорахъ, сразу рухнула.

Въ ту-же минуту Погожевъ услышалъ, какъ мимо него съ ловкостью мышей проскользнули какіе-то люди—однаго, два нѣсколько.

—Держи! крикнулъ поручикъ и выстрѣлить въ воздухъ.

Тринклеръ поспѣшно жегъ спички, Маркъ, напавъ на лампу, а съ улицы несли визгъ, повидному, тамъ городские основательно кого-то улавливали.

Вошли въ первую комнату. По-китайски грязная и низкая, она до одури была пропитана тагучимъ, противнымъ запахомъ гашниша. На широкихъ канахъ, застланныхъ рваными циночками, на лавкахъ и прямо на земляномъ полу валялись одурманенные, накурившіеся опиума люди. Полуголые, съ закатившимися подъ лобъ глазами, въ неестественно-разслабленныхъ позахъ, хрипящіе, что-то бормочущіе, стонущіе, словно-бы придавленные дикимъ кошмаромъ—курильщики были противны и страшны. Столбомъ стоялъ не то паръ, не то дымъ и отъ махрово-промоглаго запаха, лдовитаго, какъ укусъ змѣи, кружилась голова.

(Прод. слѣд.)

IV.

Общих комнат въ опіекурильнѣ было четыре. Два городскихъ и Маркъ свѣтили и переворачивали навзничъ тѣхъ, лица которыхъ были спрятаны. Тринклеръ внимательно вѣматривался и переходилъ въ слѣдующему. Потому, что у китайцевъ тускло и безжизненно глядѣли наружу бѣлки глазъ, и еще потому, что зубы были скаты, а лица перекошены въ неестественную гримасу—все казались похожими одинъ на другого. Было ихъ около тридцати человекъ и лишь двое сдѣлали усиліе приподняться на локти и посмотреть на вошедшихъ европейцевъ. Но головы ихъ не слушались, мускулы отказались повиноваться. Захрипѣвъ, они опрокинулись на лавку.

Странное и жуткое впечатлѣніе производили эти ряды живыхъ труповъ. Въ разслабленныхъ, свисшихъ плетями рукахъ и ногахъ словно бы уже замерла жизнь. А изнутри съ клокотаньемъ вырывалось дыханіе. Тамъ, около сердца—этой цитадели тѣла—еще шла борьба. Мучительно искаженные лица безъ словъ говорили, какъ цѣлко впился смертельный ядъ въ свою жертву. И чувствовалось, что изъ этихъ трехъ десятковъ людей далеко не все выйдутъ побѣдителями.

Погожевъ совершенно не зналъ наружности разыскиваемыхъ китайцевъ. Тѣмъ не менѣе, едва лампы освѣщали новое лицо, онъ жадно и пылливо впивался въ него глазами. Штабъ-ротмистръ слышалъ, будто онъ приноситъ необыкновенно лучезарныя видѣнія и образы, такіе манящіе, что маіакамъ-курильщикамъ не жаль разстаться съ жизнью. Онъ смотрѣлъ, силится прочесть отраженіе этого непередаваемого, якобы, блаженства—и не могъ. Искривленныя лица и вывероченные бѣлки глазъ не вязались съ представленіемъ о сказочныхъ снахъ. Скорѣе это было похоже на дьявольскія муки, какихъ на яву человѣчскій умъ изобрѣсти не въ состояніи.

Когда обошли все комнаты и послѣдній курильщикъ былъ осмотрѣнъ, то у Погожева вырвалось съ облегченіемъ:

—Фу, какая гадость! Наконецъ-то!..

—Да, они надули насъ, сказали Тринклеръ.—Убѣжали.

Маркъ что то еще осматривалъ и къ чему то прищипывался.

—Здѣсь еще есть помѣщеніе, проговорилъ онъ тихо.

—Гдѣ же?

—Нужно найти дверь. Смотрите, этотъ кантъ у стѣны не оканчивается и стѣна совсѣмъ не наружная. За перегородкой кантъ отапливается еще какую то комнату... Однако, погодите. Для вѣрности слѣдуетъ на дворѣ оцѣнить эту часть фанзы городскими.

Онъ скрылся и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, сталъ уже безъ стѣсненія осматривать перегородку, ища входа.

Китайскіе каны, устроенные вдоль стѣны и отапливаемые фанзу, замѣняютъ и скамьи, и диваны, и кровати. Наблюдательность не обманула Марка—стѣна оказалась перегородкой. Полицейскіе полѣзли на чердакъ и вскорѣ послышались оттуда голоса:

—Пожалуйте сюда, ваше благородіе... Тамъ что, здѣсь люкъ... Запертый.

Люкъ былъ небольшой, замаскированный ворохомъ бамбуковыхъ стружекъ. Когда его открыли, то чернымъ квадратомъ обозначился провалъ внизъ и оттуда по несло тепло и тягуче-противнымъ запахомъ гашниша.

—Свѣти. Пѣтъ ли лѣсенки?—распоряжался Золотницкій.—Нѣтъ?... Чортъ съ ней, обойдемся... Свѣти!..

Схватившись за края, онъ спустилъ ноги и повисъ. Оказалось невысоко, какъ и въ другихъ комнатахъ.

Погожевъ и городской подняли надъ головами фонари, Маркъ лампу—комната была пуста. Въсто циновокъ на канѣ разостланъ толстый матъ изъ морскихъ травъ и сверху покрытъ желтой шелковой матеріей. И вообще комната производила впечатлѣніе чистоты, даже нарядности. Очевидно, она служила секретнымъ помѣщеніемъ для привилегированныхъ посѣтителей. Стѣны тоже были обтянуты вышитыми шелками.

—Убѣжали!—глухо повторилъ Тринклеръ.

Погожевъ вскочилъ на кантъ и дотронулся до задней стѣны—она заколебалась полнами. Не давая себѣ труда разыскивать

секрета этой занавѣски, штабъ-ротмистръ рванулъ. Шелкъ жалобно пропѣлъ и оборвался по краю. Съ силой Погожевъ рванулъ еще разъ и въ страхѣ понялся. У столпившихся вдоль кана вырвался крикъ испуга, городской упустилъ фонарь. На двухъ крикахъ, вбитыхъ въ стѣну въ разстояніи двухъ аршинъ другъ отъ друга, висѣли два китаецъ съ выкатившимися изъ орбитъ глазами, съ кровавой пѣной у рта. Ихъ вывалившіеся языки были такъ страшны, такъ огромны, что казалось, будто они то и подавились давленниками, будто они то и есть причина нечеловѣческихъ предсмертныхъ мученій.

—Фу-ты, дьявольщина!—внезапно осипшимъ голосомъ пробормоталъ Золотницкій и, сбросивъ минутную разстерянность, шагнулъ на кантъ.—Ого, совсѣмъ холодные... Здорово ихъ обработали!.. А ну-ка, Парфеньевъ, лети живо въ управленіе, вызови изъ резерва пятнадцать человекъ. Пусть идутъ сюда. Да скажи дежурному, чтобы сообщилъ по начальству. Скорѣе, братъ.

Тринклеръ, блѣдный и сосредоточенный, помогъ городскимъ снять повѣшенныхъ и уложить. Потомъ онъ минутъ пять осматривалъ ихъ и сказалъ увѣренно:

—Они.

—Ваша прислуга?

—Да.

—Но кто же ихъ убилъ?

—Кто?—Тринклеръ задумался. Гм... Это же ясно, кто убилъ. Убилъ тотъ, кому нужно было скрыть слѣды похищенія моей жены. Разъ выяснилось для насъ, что эти

несчастные—соучастники преступленія, то ихъ потребовалось устранить, иначе они выдали бы главнаго руководителя. Кому они служили, увозил мою жену, тотъ отблагодарилъ ихъ этими шелковыми шнуркомъ... А вотъ погляньте—это рана, нанесенная Пиргелемъ... Видите?

Можно было подумать, что американецъ не коммерсантъ, а профессиональный сыщикъ. Онъ не торопясь осматривалъ каждую мелочь, вывернулъ карманы китайцевъ, изслѣдовалъ одежду, обнаружилъ всю комнату, даже шелковый шнурокъ снялъ съ шеи одного удушеннаго и спрятавъ. Маркъ дѣлательно помогалъ хозяину, и они не обмѣнялись ни словомъ. Офицеры и оставшіеся городской молча же слѣдили.

—Такъ... Теперь, кажется, все. Я уѣзжаю, г. офицеръ,—проговорилъ Тринклеръ, закончивъ работу.—Если бы вы нашли что либо интересное, то не откажите сообщить мнѣ.

—Хорошо. Непремѣнно,—поспѣшилъ отвѣтить Золотницкій. Погожеву показалось, что поручикъ отъ неожиданности событій растерялся и нервничаетъ.

Извозниковъ въ китайской части города не было. Погожевъ догналъ американца и спросилъ:

—Вы что нибудь понимаете, мистеръ Тринклеръ? Вы рассчитываете найти концы въ этомъ дѣлѣ?

—О, концы должны найтись! Не могутъ же безслѣдно скрыться хозяева этого притона. Когда курильщики проснутся, я ихъ допрошу со своимъ переводчикомъ. Какая

нибудь мелочь выплыветъ же наружу!

—Мнѣ кажется, — задумчиво сказалъ штабъ-ротмистръ,—что здѣсь видна работа хорошо организованной шайки. Должно быть, вашего повара и боя убили именно за то, что они были ненадежны.

—Можетъ быть,—согласился американецъ.

—Однако, нужно знать, насколько въ Китаѣ низко цѣнится человѣческая жизнь. Многие сравнительно пустые расчеты завершаются убійствомъ. Происходить это потому, что преступленія въ большинствѣ остаются безнаказанными. Полиція такъ мало и она такъ плоха, что смѣлые преступники смѣются надъ нею. Кромѣ того, въ Китаѣ нѣтъ ни метрическихъ, ни административныхъ записей, ни паспортной системы,—почти никакого учета населенію, кромѣ учета семейнаго, родственнаго. Здѣсь пропадаетъ человекъ и его не ищутъ, потому что и некому искать, и напрасный это трудъ... Ежегодно хоронятъ десятки тысячъ труповъ, которыхъ никто не опознаетъ. Стараются поскорѣе сбыть съ рукъ, а судебныя и полицейскія разслѣдованія начинаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть возможность съ кого то что то сорвать. Неудивительно, что въ опіекурильнѣ повѣсили двохъ—это не рѣдкость. Ночью хозяева выволокутъ трупы на отдаленную улицу и никто ничего не добьется. О, Китай изумительная страна! Простая случайность, что мы открыли преступленіе. Промедли мы до утра—и нѣтъ концовъ! (Прод. слѣд.).

В. Д. Нозлова.

(Продолжение *).

У.

Рудольф Германович Пиргель, еще сиди въ участкѣ, ощутилъ въ жилетномъ карманѣ пустоту—пропали часы. Такъ какъ дежурный околоточный, у котораго онъ справился, отзывался полнымъ незнаемъ, то Пиргель рѣшилъ, что часы утеряны въ ночной свалкѣ. Было досадно и жалко. Конечно, на тѣ пять тысячъ, что чудомъ выпали на его долю, онъ могъ купить хотя десятокъ часовъ, но пропавшіе имѣли особое значеніе—ихъ подарила жена, Берта Людвиговна, въ первую годовщину свадьбы. Не случись этой пропажи, Рудольфъ Германовичъ чувствовалъ бы себя совсѣмъ счастливымъ человѣкомъ.

—Синякъ, конечно, вздоръ,—разсуждалъ Пиргель, направляясь на участокъ домой. —Надѣну повязку, а черезъ недѣлю—другую не останется слѣда. Пять же тысячъ—это, чортъ возьми, не вздоръ! И расположеніе мистера Тринклера тоже не вздоръ. О, далеко не вздоръ.

Въ радужномъ настроеніи Пиргель перешагнулъ порогъ своей квартиры и съ перваго мгновенія почувствовалъ, что дома не ладно. Въ столовой шторы спущены, въ гостиной тоже. Онъ заглянулъ въ спальню—тамъ совершенно темно.

—Въ чемъ дѣло? Болея мадамъ?—спросилъ Пиргель боя—прислугу, понижая голосъ до шопота.

—Мадамъ спитъ.

На ципочкахъ Рудольфъ Германовичъ пробрался въ спальню. Ему нужно было достать чистое бѣлье, платье, а всѣ эти вещи хранились въ спальнѣ.

—Это ты, Рудольфъ?—окликнула его жена.

—И, душечка. Что случилось? Болея?

—До утра сталъ пропадать,—слабымъ голосомъ проговорила Берта Людвиговна. —Нечего сказать, не дурно!

Мужъ склонился къ постели и счастливой скороговоркой зашепталъ о приключеніи. Пахло ароматическимъ уксусомъ и одеколономъ. У жены болѣла голова и она даже къ пяти тысячамъ отнеслась безучастно. Приподнявъ тяжелую штору, Пиргель суетливо разыскивалъ вещи и горничная все тѣмъ же радостнымъ шопотомъ:

—Ты лежи, лежи, дѣточка. Я сію минуту. Вотъ только въ шкафъ... Сію минуточку.

Хорошенькое, розовощекое лицо г-жи Пиргель выглядело утомленнымъ и поблѣднѣвшимъ. Подъ глазами темные круги, губы занеклись. Рудольфъ Германовичъ набралъ охапку вещей, поцѣловалъ жену въ полное теплое плечо, и устроивъ темноту, ушелъ на ципочкахъ.

—Ахъ, эта головная боль!—думалъ онъ огорченно.—Постоянно послѣ театра засидится у Розали Карловны и возвращается подѣ утро съ мигренью... Сколько разъ умолялъ не ходить ни въ театръ, ни къ этой Розали Карловнѣ—слышать не хочетъ.

Пиргель тяжело вздыхаетъ, моется на кухнѣ, одѣвается въ гостиной. По пути въ контору онъ говоритъ самъ себѣ:

—Не поискать ли часовъ? Все равно на службу опоздаю уже.

Онъ знаетъ, что жену огорчитъ пропажа ея подарка. Движимый лучшими семейственными побужденіями, Рудольфъ Германовичъ входитъ въ Хабаровскій переулокъ, вспоминаетъ мѣсто схватки, наклоняется, ищетъ. Переулокъ узкій, маленькій и мрачный. Съ правой стороны тянется низкая каменная стѣна, съ лѣвой—нѣсколько обгорѣлыхъ глинобитныхъ фанзъ черно и зловѣще смотрятъ полуразваленными остовами. Явилась было мысль зайти внутрь—авось тамъ сыщется что либо интересное, проливающее свѣтъ на эту странную ночную исторію. Но обгорѣлыя окна смотрятъ, какъ черная маска наемнаго убійцы. Пиргель зябко ежится, безпокойно озирается по сторонамъ. Пыль лежитъ толстымъ зыбкимъ слоемъ. Онъ ворошитъ се ногами и вдругъ вскрикиваетъ—что то блеснуло на солнцѣ... Въ слѣдующій моментъ онъ вскрикиваетъ еще изумленнѣе. Какая странность! Въ мѣсто часовъ въ рукѣ Рудольфа Германовича оказывается портсигаръ. Ужасно странно! Новый, серебряный, съ монограммой, которая такъ причудливо выгравирована, что сразу не разберешь буквъ. Пиргель смѣется и удивленъ. Проходить по переулку разъ, другой, десятый—часовъ нѣтъ. Потомъ, сиди за своимъ бюро, онъ работаетъ съ такой разсѣянностью, какъ никогда. Мысль упрямо возвращается къ портсигару... Въ самомъ дѣлѣ, что же это значитъ? Какъ понимать эту находку? Не перестъ ли это всевидящаго, всезнающаго, тысячаекаго и неумолимаго возмездія? Если пропажа часовъ, приведшая Рудольфа Германовича въ переулокъ, отдала въ его ру-

ки портсигаръ похитителя г-жи Тринклеръ—такъ вѣдь это же фатумъ!.. Да, да, фатумъ!..

Бумаги остаются непрочитанными. Пиргель положилъ передъ собой портсигаръ и долго, упорно смотритъ на него, будто ищетъ въ этой четверти фунта серебра отвѣта на свои недоумѣнные мысли. А къ вечеру рѣшеніе въ его умѣ ясно оформляется: портсигаръ несомнѣнно улика, онъ снесетъ его къ патрону и пусть тотъ дѣлаетъ, что знаетъ.

Въ контору Тринклеръ въ этотъ день не пришелъ, дома его Пиргель не засталъ и, пообедавъ, пришелъ снова въ одиннадцатомъ часу вечера.

—Подожду,—рѣшилъ онъ, не заставъ патрона вторично.

Американецъ и Погожевъ, въ сопровожденіи Марка, пришли изъ китайскаго города пѣшкомъ, такъ какъ извозчика имъ не попалось. У воротъ ихъ окликнулъ Пиргель, не осмѣлившійся ждать въ квартирѣ и считавшій ниже своего достоинства сидѣть въ кухнѣ.

—Что вамъ угодно, г. Пиргель?

—У меня очень важное дѣло, мистеръ Тринклеръ. Секретное дѣло.

—Ужъ не новыя ли открытія по поводу несчастія?

—Вы угадали, мистеръ Тринклеръ.

—Въ такомъ случаѣ можете говорить.

—Я былъ на мѣстѣ происшествія въ Хабаровскомъ переулкѣ и нашелъ тамъ вотъ это,—сказалъ Рудольфъ Германовичъ, протягивая портсигаръ.

—Что такое?—не разглядѣвъ въ темнотѣ американецъ.

—Портсигаръ.

—Ну, и что же?

—Какъ что, мистеръ Тринклеръ? Я увѣренъ, эта вещь принадлежитъ одному изъ похитителей вашей супруги.

—Да? Вы думаете? живо отзывался Тринклеръ.—Это интересно. Зайдемте и посмотримъ его при свѣтѣ.

Едва Погожевъ взглянулъ на портсигаръ, какъ память подсказала, что онъ его видѣлъ гдѣ то раньше.

—Дайте-ка, попросилъ онъ взыволнованно.

Форма, шелковый шнуръ—трутъ, оригинальная насѣчка по краю—все знакомо. Перевернувъ, онъ воскликнулъ съ изумленіемъ и даже съ испугомъ:

—Не можетъ быть!..

—Вы знаете хозяина?—быстро спросилъ Тринклеръ.

Погожевъ вдругъ покраснѣлъ до шеи и почувствовалъ, что на лбу выступаетъ

потъ, а бровь лѣвая дергается нервнымъ живчикомъ:

—Но это же невозможно!.. Это недоразумѣніе!.. бормоталъ онъ растерянно.

Буквы, которыя съ трудомъ разобралъ Пиргель, причѣмъ даже не былъ увѣренъ, что разобралъ вѣрно—эти буквы были знакомы Погожеву. Онъ читалъ ихъ нѣсколь-ко разъ раньше и восторгался замысловатостью рисунка.

—Вамъ извѣстенъ владѣлецъ? Я вижу, вамъ онъ извѣстенъ!—настойчиво повторялъ американецъ.

—Я... Я не понимаю... Я ничего не понимаю!—разводи руками, сказалъ штабъ-ротмистръ.

—Вы должны сказать!

—Это просто глупое совпаденіе.

—Вы не имѣете права скрывать! Если это совпаденіе, то оно выяснится.

Погожевъ вдругъ выпрямился и сказалъ твердо:

—Пожалуйста не старайтесь припереть меня въ стѣнѣ. Сію минуту я ничего не скажу. Мнѣ нужно подумать.

—Ага, я понимаю.

—Ничего вы не понимаете.

—Нѣтъ, понимаю! Вы сами себя выдали. Это офицеръ, одинъ изъ вашихъ товарищей—и потому вы колеблетесь...

Штабъ-ротмистръ ничего не отвѣтилъ. Онъ опустился на стулъ и нѣсколько минутъ сидѣлъ неподвижно, глядя себѣ на руки. Если бы не глаза, не видяшіе окружающаго, ушедшие внутрь собственной мысли, то можно было подумать, что онъ безцѣльно разсматриваетъ ноги.

Тринклеръ же въ это время изучалъ монограмму, водилъ по линіямъ рѣзбы спичкой и вдругъ тихо вскрикнулъ. Погожевъ нервно обернулся и глаза ихъ встрѣтились.

—Здѣсь выгравировано Б и З... Слышите, г. офицеръ: Б и З!..

И въ глазахъ другъ друга они прочли то имя, котораго одинъ не хотѣлъ говорить, а другой пылливо доискивался.

—Я готовъ поклясться, что этого не можетъ быть. Онъ не способенъ на преступленіе,—сказалъ Погожевъ, но голосъ его звучалъ неубѣдительно. Было ясно, что онъ самъ не увѣренъ въ томъ, что утверждаетъ

(Прод. слѣд.).

В эту ночь штаб-ротмистру Погожеву мерещились невидимые сны. То китайцы его атаковали, с вывороченными наружу бляхами плясали дикий танец, то, наоборот, атаковал он китайцев, а они хрипели и клекотали, как тѣ, что вазались въ опіекуритель. Погожевъ вскакивалъ съ постели въ холодномъ поту, жадно пилъ воду, но чуть засыпалъ—снова лѣзли со всѣхъ сторонъ страшныя рожи и вслепая чертовщина. Его товарищъ, Борисъ Золотницкій, представлялся вовсе не поручикомъ, а какимъ то злобно хохочущимъ безобразнымъ чудовищемъ. Онъ насылалъ на штаб-ротмистра Погожева толпы мрачныхъ дьяволовъ, съ бляхами вмѣсто глазъ, и всю ночь напролетъ длилась кошмарная борьба.

Въ 7 часовъ утра Андрей Яковлевичъ Погожевъ всталъ съ тяжелой головой и отправился купаться. Тамъ, гдѣ море сливалось съ прозрачно-дымчатой завѣсой горизонта, едва приметными сѣренькими пятнышками видѣлись паруса рыбацкихъ шаландъ. Вѣтра почти не было и лишь мелкая рябь шаловливо бѣжала по водѣ, ломая и отсвѣчивая солнечныя лучи, какъ движущееся зеркало. Казалось, будто бы мерещились съ солнцемъ, зыблется въ капризной улыбкѣ и увлекаетъ, играя блестящими явками молодого и свѣжаго лица. На прибрежныя старыя камни вода то набѣжитъ, то схлынетъ и со стороны это производило впечатлѣніе забавнаго

фокуса: точно камни снабжены пружиной, заставляющей ихъ ритмично высовываться надъ поверхностью и прятаться, высовываться и прятаться. Въ общемъ картина взморья была мирная и ласковая. Она успокоила мятущуюся душу Погожева и, выкупавшись, поплававъ, пофыркнувъ, штаб-ротмистръ далъ своимъ мыслямъ здоровое направление.

—Если поручикъ Борисъ Золотницкій укралъ у американца Тринклера жену, то съ какой стати я буду скрывать его?—думалъ онъ. Чортъ его знаетъ, изъ какихъ побужденій онъ сдѣлалъ это. Развѣ въ чужую душу вълезешь? А затѣмъ это убійство двухъ китайцевъ... Что, если и оно связано съ похищеніемъ!.. И даже, если-бы я захотѣлъ скрыть владѣльца портегара, то поздно—американецъ угадалъ. Но каковъ однако фруктъ!.. Каковъ фруктъ, чортъ возьми!..

Андрей Яковлевичъ никогда и ни за что не позволялъ бы себѣ злорадствовать. Все-таки Золотницкій былъ товарищемъ, иногда выручалъ. Но въ глубинѣ души что то такое нащентывало Погожеву радужныя соображенія. Главный соперникъ на должность полицеймейстера самъ собою устраненъ. Шансы штаб-ратмистра растутъ!..

Около полудня Погожевъ отправился къ Тринклеру.

—Всесторонне обсудивъ это дѣло, я рѣшилъ, что скрывать имени владѣльца портегара не имѣю права,—сказалъ онъ официальнымъ тономъ. Это—Борисъ Золотницкій, поручикъ, занимающій должность офицера при мѣстной полиціи. Вы его знаете.

—Благодарю васъ,—сухо отвѣтилъ американецъ. Для меня это уже не составляеть секрета.

Погожевъ поколебался и добавилъ бо-лѣе простоудшно:

—Но какаа это неожиданность! Кто бы могъ думать!.. Меня это такъ взволновало, что я всю ночь не спалъ.

—Взволновало? переспросилъ Тринклеръ и испытующе посмотрѣлъ офицеру въ глаза. Да. Это можетъ взволновать!.. Скажите откровенно, вы все еще склонны покрывать своего товарища?

—О, нѣтъ! искренно отвѣтилъ штаб-ротмистръ.

—Дѣло, видите ли, въ томъ, что у меня есть косвенныя улики, указывающія на Золотницкаго, какъ на руководителя не только похищенія моей жены, но и вчерашняго двойного убійства. Врядъ ли такого человека можно считать товарищемъ и покрывать отъ правосудія.

—Вы не шутите? У васъ дѣйствительно есть улики?

—Есть. И при томъ тяжкія. Я выяснилъ, что вчера около десяти вечера, то-есть за часъ до нашего прихода, въ опіекуритель были двое китайскихъ полицейскихъ, а китайская полиція находится въ подчиненіи у Золотницкаго. Вы понимаете?

—Вы думаете, что убійцы они и послали ихъ Золотницкій?

—Несомнѣнно. Что убійцы они—это уже доказано.

—Чѣмъ?

—Пока не время говорить, уклончиво отвѣтилъ Тринклеръ. Это вы узнаете позже. Но, повторяю, это совершенно и безусловно подтверждено: двое китайцевъ-полицейскихъ повѣсили моихъ слугъ и ограбили ихъ. А чѣмъ они посланы—можно лишь догадываться.

—Но Золотницкій послѣ вчерашняго утренняго допроса провелъ весь день со мной.

—И онъ ни разу не уходилъ? Ни на минуту?

—Нѣтъ, уходилъ. Былъ въ отсутствіи съ полчаса.

—Вотъ видите.

—У васъ есть еще доказательства?

—Я нашелъ того извозчика, который везъ мою жену, схваченную похитителями. Это было нетрудно—здѣсь на весь городъ меньше тысячи экипажей. Повидимому, Золотницкій держалъ жертву у себя на квартирѣ, и она сумѣла ночью бѣжать. Онъ погнался, настигъ ее въ Хабаровскомъ переулкѣ и, такъ какъ на рукахъ нести было далеко и опасно, то туда привели извозника. Орудовали вчетверомъ: два китайца, Золотницкій и еще какой то военный. Извозникъ прекрасно знаетъ поручика и сразу откровенно все описалъ.

—Но, позвольте, чѣмъ вы объясняете это похищеніе?

—Цѣлей можетъ быть двѣ. Или онъ намеревался сорвать крупный кушъ, инсценировавъ всю исторію такимъ образомъ, что, якобы, похитили и взяли выкупъ китайцы. Если такъ, то все обдуманно и недурно. Помимо того, что я не пожалѣю денегъ за освобожденіе жены, она и сама обладаетъ крупнымъ состояніемъ!.. Или же, въ худшемъ случаѣ, преступленіе совершено изъ гнусныхъ побужденій.

Было замѣтно, что второе предположеніе для Томаса Тринклера очень мучительно. Онъ говорилъ о немъ, выдавливая слова, съ лицомъ безъ кровинки.

Нѣсколько минутъ помолчали, а затѣмъ американецъ спросилъ:

—Считаете-ли вы раскрытіе подобнаго преступленія дѣломъ благороднымъ, не маравшимъ чести? Согласились бы вы помочь мнѣ?

—Чѣмъ хотите,—не задумывался отвѣтить Погожевъ.

—Ваша помощь мнѣ очень нужна. Я не могу обратиться къ начальству Золотницкаго до тѣхъ поръ, пока не соберу подавляющихъ уликъ. Я знаю хазатность русскихъ властей. Пока они соберутся, пока рѣшится принять серьезныя мѣры противъ офицера полиціи, пока арестуютъ, онъ успеетъ начисто уничтожить всѣ слѣды. Въ средствахъ, повидимому, онъ не стѣсняется.

—Что же я долженъ сдѣлать?

—Какъ товарищъ, вы имѣете возможность побывать у него на квартирѣ, разузнать, посмотреть. Возможно, моя жена еще тамъ, а если ее скрыли, то пустынная забытая мелочь поможетъ напасть на слѣдъ.

Въ первую минуту кровь бросилась въ лицо штаб-ротмистра. Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

—Гм... Щекотливо, чортъ возьми!.. Явись, какъ къ товарищу, и подсматривать—это пахнетъ предательствомъ!..

—Но вѣдь мы имѣемъ дѣло съ преступникомъ, съ убійцей,—рѣзко возразилъ Тринклеръ. —Онъ носитъ мундиръ обманно. Неужели подобные люди—ваши товарищи?

—Такъ то оно такъ, но все таки!..

—Не понимаю вашихъ колебаній. Тутъ выборъ простъ. Или Золотницкій опасный преступникъ, негодяй и вашимъ товарищемъ ни въ какомъ смыслѣ быть не можетъ. Или вы сомнѣваетесь въ его вѣрности и продолжаете заступаться, защищать его, какъ коллегу-офицера. Въ послѣднемъ случаѣ вы опять-таки должны быть заинтересованы, чтобы истина всплыла наружу и человекъ, носившій одинъ съ вами мундиръ, вышелъ чистымъ изъ тѣхъ таже-

лыхъ, обоснованныхъ подозрѣній, которыми его ими окружено

Погожеву вспомнилась странная взволнованность Золотницкаго при допросѣ Паргелли. Потомъ его нервозность и загадочныя улыбки при отанывахъ о сыскѣ Тринклера... Положительно, онъ замѣшанъ! Кромѣ того портегартъ, показанія извозника и эта твердая увѣренность американца... А вчера, когда Тринклеръ явился въ ресторанъ и потребовалъ ареста своихъ слугъ, развѣ не протестовалъ Золотницкій, развѣ не выказалъ все той же странной возбужденности? И когда открыли повѣшенныхъ—Погожевъ отлично помнитъ, что дѣлалось съ поручикомъ. Онъ не могъ скрыть растерянности и явнаго смущенія. Все это, конечно, доводы психологическіе, такъ сказать, неослаемые, но вѣдь въ положеніи штаб-ротмистра важно личное внутреннее убѣжденіе, а не вещественныя доказательства!..

Такъ думалъ Погожевъ, а какой-то голосъ тихо шепталъ ему:

—И все таки идти подъ личиной товарища, такъ въ душѣ предательство, не офицерское дѣло.

—Ну, что же—согласны вы?—настаивалъ американецъ.

—Я подумаю,—колебался и возмущался, отвѣтилъ штаб-ротмистръ.

—Однако, вы понимаете, что дѣло это не можетъ ждать.

—И отвѣчу вамъ вечеромъ сегодня же,—сказалъ Погожевъ и выбѣжалъ изъ дому.

(Прод. слѣд.).

VII.

Низенькая фанза была темна, улица

Не оставалось сомнений, что жена Триклера здесь, за этими стенами. Однако, штабс-ротмистр Погожевъ не представлялъ собою никакого исключенія изъ всѣхъ людей, добровольно путившихся въ сыщичество. Помимо результатовъ работы, его властно захватилъ самый процесс выслеживания, всѣ тѣ приключенія, вся напряженность нервовъ, вся острота отдельныхъ моментовъ, съ которыми, какъ на охотѣ по опасному звѣрю, связана ловля преступниковъ. Азартнаго игрока не удовлетворить простое перемѣщеніе денегъ изъ партнер-

! — Что ты врешь. Говорю же, я только на

Едва бой вышелъ, какъ штабъ-рот-мистръ зорко оглядѣлся. Все въ этой комнатѣ говорило о недавнемъ присутствіи женщины. Для нея, очевидно, были фрукты и двѣ коробки конфетъ. Не станеть же Золотиницкій или обладатель синлаго баса ѣсть шоколадъ!.. Пахло духами, хорошій китайскій коверъ словно-бы таилъ слады маленькихъ каблучковъ, на подушкѣ ясно обозначилось углубленіе. Штабъ-рот-

Американец, хотя и взволнованным

—Хорошо. Подождите въ приемной. Я распоряжусь, сказать генераль отрывисто, и круто повернувшись къ Погожеву спиной.

(Прод. слѣд.)

В полном молчании Погожев и адъютант генерала разставили вокруг фанзы поручика Золотницкого караул и, позвонив, адъютант отчеканил:

— По приказанию его превосходительства, извольте открыть.

Тринклер стоял здесь же, Погожев нервничал. Из-за двери заговорил было бойка, но тотчас же звякнула задвижка и на пороге при свѣтѣ лампы вырисовалась высокая, статная фигура Золотницкого.

— Пожалуйте. Что случилось? сказал онъ, всматриваясь въ темноту.

Первымъ вошелъ адъютантъ, за нимъ штабъ-ротмистръ и американецъ. Сзади влились еще люди. Золотницкій поблѣднѣлъ, красивые небольшие усики слабо дернулись — онъ растерялся.

— Я... Я не понимаю... Что вамъ угодно?

— Генералъ приказалъ васъ арестовать и освободить немедленно ту даму, которая у васъ находится, — салютуя шпорами, проговорилъ адъютантъ. — Эй, тамъ... войдите. Поставить караулъ у этихъ дверей... Извольте, поручикъ, показать вашу квартиру.

Вышло такъ, что Золотницкій не успевалъ, а шель сзади всѣхъ, все такой же блѣдный и растерянный. Вѣроятно, для

большой значительности, чтобы подчеркнуть серьезность событія, адъютантъ кинулъ на ходу.

— Пожалуйста не пытайтесь бѣжать. Домъ оцѣпленъ взводомъ солдатъ, которымъ отдано приказаніе стрѣлять.

Въ столовой безъ кителя, въ разстегнутой рубашкѣ, сидѣлъ толстый большой человѣкъ. Возлѣ него на столѣ была бутылка шампанскаго и большой чайный стаканъ. И адъютантъ и Погожевъ его сразу узнали.

— По приказанию его превосходительства, я долженъ арестовать васъ, г. подполковникъ, — также щелкая шпорами, сказалъ адъютантъ.

— Арестовать?! спросилъ тотъ сипло и засмѣялся.

Вошедшіе поняли, что подполковникъ пьянъ и врядъ ли соображаетъ значеніе слова «арестовать». Миновали еще двѣ комнаты — гостинную и совершенно пустую, должно быть, гимнастическую, потому что у стѣны лежали гири и штанги. Въ кабинетѣ дверь была закрыта.

— Откройте, сказали адъютантъ.

— У меня нѣтъ ключа, она закрыта изнутри, отвѣтилъ Золотницкій, волненіе котораго возрастало.

— А другой ходъ туда есть?

— Да, изъ гостинной.

Пошли въ гостинную, но и тамъ дверь оказалась запертой на ключъ.

— Но вѣдь я вѣлю сломать, — началъ нечестно возвысить голосъ адъютантъ.

Золотницкій пожалъ плечами. Лицо его такъ поблѣдѣло, что казалось, будто онъ сію минуту лишится чувствъ.

— Могу одно сказать, проговорилъ онъ дрожащимъ, срывающимся голосомъ. — То, что вы дѣлаете, не честно по отношенію къ извѣстной вамъ женщинѣ и... и я не заслуживаю этого...

— Потрудитесь, поручикъ Золотницкій, осторожно выбирать выраженія, тихо, но четко и внушительно, сказалъ адъютантъ.

— Я исполняю приказаніе. Здесь можетъ быть рѣчь только о правосудіи, а не о честности... Эй, ломай двери!..

Четыре приклада съ силой треснули въ тонкую филенку. Одна доска выскочила, унтеръ-офицеръ просунулъ руку и повернулъ ключъ. Кабинетъ оказался пустъ. На диванѣ уже не одна, а двѣ подушки и безпорядокъ большой, чѣмъ раньше, но женщины не было.

— Что за фокусы! — произнесъ Погожевъ изумленно. Куда же она могла дѣться?

— Потрудитесь сказать, куда вы ее спрятали? — строго проговорилъ адъютантъ.

Золотницкій и не подумалъ. Опершись спиной о косякъ двери, онъ стоялъ всетакой же блѣдный, но словно бы успокоившійся, застывшій.

Открылъ секретъ Тринклеръ. На стѣнахъ висѣли два ковра и одинъ изъ нихъ скрывалъ дверь. Ее сломали.

— Оставайтесь здѣсь, приказалъ адъютантъ солдатамъ и, взявъ со стола лампу, первый вошелъ съ спальню.

Подъ потолкомъ висѣлъ голубой фонарикъ, а потому вся комната тонула въ голубомъ полумракѣ. У Тринклера лицо было неподвижное, сухое, и лишь въ глазахъ вспыхивалъ мрачный огонекъ. Онъ молча шагнулъ къ кровати, дернулъ край широ-

каго полога и, заставъ, въ ужасѣ отшатнулся. Тихонько приблизившись, адъютантъ и Погожевъ заглянули не безъ любопытства. Все было смито, скомкано. Подушки, простыни, легкое шелковое одѣяло образовали груды, подъ нею же кто то лежалъ, притаясь.

— О, негодяи!.. Негодяи! — шепталъ американецъ, закрывъ руками лицо.

Плечи его тряслись. Погожевъ и адъютантъ не смотрѣли другъ на друга и чувствовали такую гнетущую неловкость, словно бы и они были участниками совершенной въ этой спальнѣ гнусности.

— Базан подлость! — думалъ штабъ-ротмистръ съ омерзѣніемъ. — Украсть женщину только для того, чтобы надругаться! Чортъ знаетъ!.. Парантъ, настоящий парантъ!

Вдругъ Золотницкій, точно ослѣпленный какой-то внезапной мыслью, шагнулъ впередъ, заслонилъ собою кровать и быстрой скороговоркой, глотая слова, проговорилъ:

— Господа, это не она!.. Клянусь вамъ!.. Мистеръ Тринклеръ, я даю честное слово — это не ваша жена!..

Онъ покраснѣлъ, глаза горѣли.

— Мерзавецъ!.. Подлецъ! — шипящимъ, злобымъ голосомъ кинулъ поручику американецъ и хотѣлъ отстранить его рукой.

Если бы глаза имѣли способность убивать, то, конечно, Золотницкій лежалъ бы труномъ. Но они лишь презирали, а поручикъ въ эту минуту врядъ ли былъ способенъ разбираться въ психологическихъ тонкостяхъ. Онъ вѣрно стоялъ у кровати, бормоталъ что-то и не пускалъ Тринклера. Между ними завязалась борьба. Зо-

лотницкій, какъ болѣе сильный, отбросилъ американца къ противоположной стѣнѣ и еще разъ прокричалъ:

— Клянусь вамъ, господа!.. Даю честное слово офицера!..

— Извольте отойти къ сторонѣ! Я прикажу связать васъ, поручикъ Золотницкій, — жестоко сказалъ адъютантъ.

Теперь уже поручикъ, какъ раньше Тринклеръ, закрылъ лицо руками и затрясся.

Американецъ рѣшительнымъ жестомъ рванулъ одну подушку, другую, потомъ простыни, одѣяло, еще подушку. Сначала показалась стройная нога, а въ дальнѣйшемъ обнаружилась вся фигурка, свисавшая въ комочекъ и потому казавшаяся маленькой и жалкой. Цѣлый котокъ шелковистыхъ, мягкихъ, блондурихъ волосъ облилъ плечи, голову, грудь — скрылъ до пояса. Тринклеръ осторожно, какъ больному ребенку, приподнял еѣ голову и, заглянувъ въ лицо, дико крикнулъ:

— Боже мой! Г-жа Ниргель!..

Она, повидимому, не сознавала, что съ нею дѣлаютъ, чего хотятъ. Въ страхѣ и стыдѣ она билась, дрожала всѣмъ тѣломъ, стараясь ускользнуть въ отдаленный уголъ постели. Тринклеръ же и адъютантъ съ Погожевымъ стояли, какъ истуканы, не шагнувъ даже настолько, чтобы прикрыть обнаженную Бертю Людвиговну.

Потихоньку, будто изъ комнаты умирающаго, они вышли въ кабинетъ. Адъютантъ взглянулъ на штабъ-ротмистра, тотъ на американца и всѣ трое беззвучно захохотали. Въ смѣхѣ не было ни задора, веселости, ни наглаго безстыдства — онъ

прошуршалъ жалко, смущенно, растерянно. Такъ бессмысленная улыбка кривитъ лицо человѣка, внезапно получившаго позорную пощечину. Вошелъ Золотницкій, строгій, серьезный. Не глядя на офицеровъ и американца, онъ произнесъ сухо:

— Потрудитесь, г. адъютантъ, обо всемъ доложить его превосходительству. Думаю, что хоть и сквернымъ путемъ, но недоразумѣніе исчерпано и меня арестовывать не станутъ. Только глупость мистера Тринклера и... и оригинальная роль штабъ-ротмистра Погожева были причиной скандала. Затѣмъ, господа, я надѣюсь, что все происшедшее не вынесется на люди. Это было бы позоромъ не только для меня... Генералу передайте, что извѣстная вамъ дама ни у кого заступничества не просила и не проситъ.

— И сію минуту даю съ докладомъ. Генералъ приказалъ быть у него немедленно, — сказалъ адъютантъ, а шпоры его смущенно звенѣли: «Развѣ я виноватъ? Развѣ могъ я ослушаться?..»

— Позвольте, но вѣдь кто нибудь укралъ же у меня жену? — восклицалъ обезкураженный американецъ, нѣя по улицѣ радомъ съ Погожевымъ. — Вѣдь приказалъ же похититель убить моихъ братьевъ? Вѣдь ранилъ же Ниргель моего повара въ шею? Портенаръ то вѣдь его, Золотницкаго, и утерпѣлъ на мѣстѣ преступленія? Что же это? А?

Погожевъ молчалъ. Онъ былъ угрюмъ, съ языка просились одиѣ лишь дерзости.

(Прод. слѣд.).

Есть в Маньчжурин затерявшийся живописный городок Лингай, известный лишь тем, что в нем до последнего времени сохранились гробницы первых императоров царствующей династии. Хранитель этих реликвий старины — принц Лян-Си, отпрыск богдыханской фамилии. Его полный титул так пышен и длинен, что не уместился бы в цѣломъ газетномъ столбѣ. Но в самомъ принце Лян-Си нѣтъ ничего напыщенного и страшнаго. Это маленький, сухонькій, подвижной и привѣтливый старичекъ, нѣбось въ средѣ русскихъ офицеровъ не только друзей, но и родню, такъ какъ одна изъ дочерей принца замужемъ за нашимъ казачьимъ офицеромъ, а младшій сынъ женатъ на русской барышнѣ изъ военной семьи.

Отъ принца Лян-Си я слышала такую легенду о Маньчжурин:

—Когда Великій Творецъ земли и неба, перваго человека и перваго червя окончили свой божественный замыселъ и взглянули на твердь земную съ высоты, то его поразили удивительный видъ гигантскаго Китая. Все въ немъ выглядело тускло, блѣдно. Казалось, будто израсходовавъ на другія страны яркость и силу творчества, для Китая на Господней палитрѣ, вмѣсто красокъ, осталась лишь безцвѣтная мутная жижица. Безплодная пустыня хмура несла къ небу тучи мельчайшаго песка; самыя высокія въ мірѣ горы танулись въ Всенугуму своими оголенными хребтами и было похоже, словно это косящая рука огромнаго томага тѣла моляща о милосердіи. Богъ справедливъ. Онъ сказалъ: «Добро! Я не хочу потрясать цвѣтущій міръ передѣлками, но Я дамъ Моему Китаю такую провинцію, какой нѣтъ на землѣ. Залита солнцемъ и счастьемъ, она, какъ радуга, отразитъ все самое красивое, что есть въ Моемъ созданіи. Пусть водосторгъ, удивленіе и зависть всѣхъ народовъ будутъ утѣшеніемъ несчастному, обиденному Китаю». И появилась Маньчжурія...

Въ своей первобытной простотѣ легенда очень красива, но стократно краше сама Маньчжурія. Второй подобной страны нѣтъ въ мірѣ! Только непостижимая щедрость божественнаго размаха могла разсыпять такое множество богатствъ. Тамъ нивы такъ тучны, что урожан самъ-триста, самыя чистѣйшаго сѣна считаются обыкновенными. Тамъ чистѣе золото брошено прямо въ песокъ и при первобытныхъ способахъ промысла

процентная выдача превосходитъ наши богатѣйшіе слоборскіе прииски, оборудованные новѣйшими машинами. Высокопробный уголь тамъ лежитъ на поверхности и пласты его настолько мощны, что у современной техники нѣтъ способовъ ихъ исчислить. Лѣса занимаютъ сотни тысячъ квадратныхъ верстъ. Въ дѣственныхъ дѣбрахъ еще не ступала нога человека. До сихъ поръ тамъ водятся и бобръ, и соболь, и ставшая зоологической рѣдкостью бѣлая лисица, и тигръ, и барсъ. Въ минувшую войну наша милліонная армія поѣдала фазановъ, рябчиковъ, тетеревовъ, куропатокъ въ колоссальныхъ количествахъ — и всетаки цѣна за пару фазановъ, напимѣръ, не поднялась выше 40 коп., а норма — гривенникъ. Самодѣльными камнями, драгоценѣйшими рудами и, наконецъ, правдивѣе, сиренному трудолюбію населенія — этому наивысшему благу каждой страны — тамъ нѣтъ числа и нѣтъ границъ!..

Но если бы у меня спросили: «что же самое красивое, самое лучшее, самое чудесное въ Маньчжурин?», то я не задумываясь, отвѣчу:

—Утра!

Ахъ, какъ хороши маньчжурскія утра, когда солнце только что поднялось надъ зубчатымъ гребнемъ сонокъ, когда ввысь и ширь нѣтъ предѣла глазу, когда воздухъ, какъ хрусталь, чистъ и звонокъ, и напоенъ ароматомъ, и чувствуете вы, какъ просто, радостно, чинно становится на вашей душѣ, отягченной въ жизни чортъ знаетъ чѣмъ.

Слово «ахъ» устарѣло. Навѣрное и жеманное, оно напояняетъ намъ милую, но такую смѣшную пору нашихъ бабушекъ, съ криволиніями, физмами, буллями, съ цѣлымъ арсеналомъ условностей одинаково прелестныхъ и въ оригинальномъ простодушіи, и въ старомодной чопорности. Барствениный секретъ утонченной манерности нами невозвратно утерянъ и изысканно-сентиментальное «ахъ», какъ и все прочее, отдающее старосвѣтскостью, нынче безнадежно осмѣивается. Но сѣть вещей, о которыхъ возможно говорить только изумительнымъ языкомъ нашихъ бабушекъ. Не боюсь обвиненій въ манерности, я готовъ сотни разъ повторить:

—Ахъ, какъ хороши, какъ непередаваемо хороши маньчжурскія утра!

Кто ихъ знаетъ, тотъ не усмѣхнется... Впрочемъ, въ разсказѣ рѣчь не о томъ. Я хотѣлъ лишь пояснить, что по эталону Маньчжурин и этакий утронъ фхалъ штабъ-ротмистръ Андрей Яковлевичъ Погожевъ, направляясь отъ Янтая къ рѣкѣ Ялу.

Душевное настроеніе Андрея Яковлевича, какъ не издо быть лучшимъ, подходило къ яркому утру. Жизнь — штука прескучная. Высокій подвигъ героизма приноситъ иногда, вмѣсто награды, безконечную дѣнь

исечастій, а какой нибудь северный анекдотъ завершается благозвучнымъ, даже счастливымъ, концомъ.

Отъ порта-артурскаго ссыла Погожевъ не ждалъ ничего хорошаго. История съ обыскомъ квартиры Золотницкаго на слѣдующій же день огласилась и не было гостиней, гдѣ не хохотали бы надъ опростоволосившимся Шорлокъ-Хоамсами. Но всеильный артурскій генералъ весьма обрадовался этому происшествію. Тяжелое и позорное подозрѣніе съ офицера было снято. Выяснилось, что Золотницкій давно находится съ Бертой Людвиговной Пиргелъ въ связи и что барышка эта не прочь порою попутить тайкомъ отъ мужа. Въ Хабаровскомъ переулкѣ поручикъ съ товарищемъ и двумя боами-китацами дѣствительно настѣлъ и водворилъ въ себя въ квартиру женщину. Но это была не г-жа Тринклеръ, а Берта Людвиговна, хвастившая за ужиномъ лишній бокалъ и, по мнѣнію Бориса Золотницкаго, не имѣвшая права въ такомъ состояніи возвращаться подъ супружескій вѣвъ. Такъ какъ она сопротивлялась, то ее усадили въ экипажъ силой. Пиргелъ же случайно набрелъ на эту сцену и получилась сложная комбинація, построенная на недоразумѣніи.

Посмѣявшись, генералъ высказалъ желаніе, чтобы штабъ-ротмистръ Погожева назначили командиромъ сотни и вотъ, прокутивъ прогонимыя денги, отдохнувъ двѣ недѣли въ Артурѣ, Андрей Яковлевичъ ѣдетъ къ мѣсту новой службы.

На душѣ штабъ-ротмистра отанчно. Шалостями городской жизни онъ пресыщенъ, даже утомленъ. Впереди чувствуется нѣчто очень интересное, связанное съ неизвѣданной ролью самостоятельнаго сотеннаго командира. Предвкушеніе тревожной кордонной службы не пугаетъ, а бодритъ и заставляетъ фантазію рисовать узоры возможныхъ происшествій, опасныхъ приключеній, неожиданныхъ случайностей, которыми полно существованіе пограничной воинской части въ странѣ, плохо замуреной и киншаней хунхузскими шапками.

Но три въ рядѣ, за Погожевымъ слѣдуютъ пятнадцать солдатъ. Не молодые, давно отслужившіе обязательный срокъ, а теперь состоящіе въ сотнѣ по вольному найму, они держатся въ слѣдѣ, какъ въ удобномъ креслѣ. Лошадь, винтовка, повинное офицеру и обиходъ службы для нихъ стали второй природой. Они бьются плечомъ въ плечо не дробью, а пулей. Поднять съ земли трубку или кисетъ, не сосканивая съ лошади — для нихъ не джигитовка, а шутка. Лишь десять — пятнадцать случайныхъ неудачниковъ изъ ста пятидесяти человекъ сотни не георгиевскіе кавалеры. И поголовно всѣ великолѣпно изучили, чѣмъ пахнетъ хунхузскій, корейскій и монгольскій порошокъ и какъ мерзко рветъ тѣло

рубленные гвозди, которыми, вмѣсто пуль, зарижены пражескіе ружья и фальконеты. Ихъ боевое прошлое околело собственной кровью и обильно полило кровью всегдашняго, непереводимаго, нестерпимаго прага-хунхуза. Итъ кричите утъ, чѣмъ ихъ товарищескія. Своего они не выдадутъ и равнаго на полѣ не оставятъ. Они глѣдѣли смерти въ глаза и безстрашіе для нихъ не героическій инстинктъ, а обычная служебная подробность: какъ саножнику необходимо уметь соучить драву, такъ пограничнику нужно обладать неустрашимостью. Изъ десяти тысячъ людей, ежегодно въ кавалеріи мѣняющихся, сами собою отбирались единицы, которымъ военное «ремесло» наибольше родственно. Распорядясь въ вѣкахъ и исчезая въ безчисленныхъ «штатскихъ» побѣдѣхъ, воинственный духъ Святославовыхъ соратниковъ возраждается въ одномъ на тысячу потомковъ. Они жаждутъ битвы, тоскуютъ по кровавымъ потѣхамъ. И если на земномъ шарѣ, ополсанномъ полицейскими широтами и жандармскими меридіанами, остался еще уголокъ, гдѣ таковыя люди раздолье — то это, конечно, пограничная служба въ Маньчжурин.

Погожевъ все это прекрасно знаетъ — онъ увѣренъ въ своихъ солдатахъ и самъ такой же. У него есть сложившіяся привычки, усвоенныя которыми можно лишь въ Маньчжурин. Къ каждой деревнѣ онъ подъѣзжаетъ, какъ къ непріятельскому окопу, всякое ущелье или внезапная заросль для него вражеская засада. Глаза зорки, рука на эфесъ и весь, какъ породистый конь за секунду до стремительнаго барьера.

А утро, мирное и чудесное, насквозь пронизывается бодростью. Хочется движеній, тѣло словно бы не въ состояніи такъ избытокъ силы, которую вливаетъ это изумительное маньчжурское солнце.

—Рысью ма-а-а-а-а-а! — командуетъ штабъ-ротмистръ.

Что за голосъ у Погожева! Грудь ли стала вдругъ такъ широка, воздухъ ли состоитъ изъ невидимыхъ звонкихъ струнъ, или это сонни творятъ чудеса? Кажется, будь сзади не пятнадцать человекъ, а дивизія, корпусъ, армія — всѣ отчаянно услаивали бы команду. И копыта по каменистой дорогѣ стучатъ четко, ясно. Чуть замѣтнымъ уклономъ путь бѣжитъ съ перекла вины. Впереди поворотъ. Какъ только Андрей Яковлевичъ обогнулъ спазу — открылся видъ на долину и близкія сонки, на долины, ущелья, деревни, лѣски и пахоти. Все въ дымкѣ и въ утренней розѣ — точно въ бриллиантахъ и подъ газовой чадрой.

—Ого! Что бы это такое? — вслухъ произнесъ штабъ-ротмистръ и сдержалъ коня.

Кое-кто изъ солдатъ приложилъ козырькомъ ладонь и пристально всматривается.

Погожевъ досталъ бинокль, лошади послѣ рывка отфыркиваются.

—Драгуны, что ли? — удивленно говоритъ офицеръ.

Старый вахмистръ Андроновъ возражалъ увѣренно:

—Никакъ нѣтъ, китаицы, ваше благородіе.

—Почему ты думаешь?

—Посадка ихняя.

Далеко впереди, за вторымъ уваломъ, отчетливо видна группа всадниковъ. Трудно опредѣлить, сколько верстъ до нихъ. Воздухъ такъ прозраченъ, что ошущеніе дали совершенно утрачивается. Но въ бинокль видно, что всадники идутъ правильнымъ строемъ, что ихъ не меньше пятидесяти человекъ и что одѣты они въ темно-красную форму — сплосъ темно-красную — отъ фуражекъ до лошадиныхъ попонтъ.

—Что за факусы! — съ недоумѣніемъ говоритъ Погожевъ. — Откуда здѣсь взялось красное войско? Эй, ребята, осмотрите-на на всякій случай винтовки.

Два отряда сближаются. Когда красные ряды показались изъ-за недалекаго увала, то и Андрей Яковлевичъ разсмотрѣлъ, что это китаицы. Безбоязненно они фхали рысью на встрѣчу пограничникамъ и отъ кроваво-краснаго цвѣта одежды солнце отсвѣчивало, какъ отъ драгоценнаго камня. Не дожидая шаговъ пятидесяти штабъ-ротмистръ высоко взмахнулъ стокмъ и крикнулъ:

—Стои! кто такте?

Китаицы остановились, подровнялись по четыре въ рядѣ. Впередъ выскочилъ одинъ и рысью направился къ офицеру, держа надъ головой какую-то бумагу.

—Это отрядъ Лян-Чи, — сказалъ китаецъ, мастерица осадить коня предъ Погожевымъ.

—Принца Лян-Си-Г?

—Нѣтъ, Лян-Чи.

Андрей Яковлевичъ вдругъ покраснѣлъ, надулъ щеки и крикнулъ съ внезапнымъ бѣшенствомъ:

—Что ты врешь! Лян-Си, а не Лян-Чи... Ты кто? Переводчикъ?

—Я переводчикъ, но только отрядъ это Лян-Чи, а не Лян-Си. Вотъ бумага...

Сбитый съ толку, не зная, какъ слѣдуетъ поступить въ этомъ необыкновенномъ случаѣ, Погожевъ взялъ бумагу и прочелъ:

«Штабъ командующаго войсками просятъ начальниковъ русскихъ отрядовъ не чинить никакихъ препятствій всадникамъ полковника Лян-Чи, снабженнымъ симъ документомъ. Секретно».

Съ недоумѣніемъ штабъ-ротмистръ смотрѣлъ то на переводчика, то на штабный пропускъ. Что бы это могло означать? Еще недавно по всѣмъ частямъ пограничной стражи было циркулярно объявлено, что шайка хунхузскаго атаманъ Лян-Чи съ-

маи опасная и отчаянная въ округѣ, что китайское правительство общается за голову это разбойника 50.000 ланъ и что русскіе обязаны принять всѣ мѣры въ поимкѣ хунхуза. Теперь же, вдругъ, Лян-Чи именуетъ полковникомъ и — не чинять никакихъ препятствій! —

—Не морочать ли мнѣ голову? — соображалъ Погожевъ. — Можетъ быть бумага подложная?

Онъ внимательно осматривалъ подпись и печать. Все правильное, настоящее. Пожавъ плечами, штабъ-ротмистръ передалъ пропускъ переводчику и спросилъ:

—Полковникъ Лян-Чи далеко ѣдетъ?

—Полковника нѣтъ. Это только одинъ изъ его отрядовъ дѣлаетъ прогулку.

—Прогулку?

—Да, для проѣздки лошадей.

—Гдѣ же находится полковникъ Лян-Чи?

—Это намъ неизвѣстно. Полковникъ намъ никогда не сообщаетъ, гдѣ онъ находится.

—Гм... Ну, ладно. Поѣжайте.

Пограничники поспорились съ дороги и пропустили китайскій отрядъ. Эти страшные кавалеристы были одѣты дорого и вычурно. Короткія куртки, маленькія шапочки и средней ширины штаны по ширинѣ ку сшиты изъ шифонаго бархата, какой употребляется для обивки мебели. Национальные китайскіе саногі, тоже изъ того же матеріала, вышиты красными же шелками. За синими короткими шарбами, черезъ плечи патронташи, вокруг пояса перевязь короткихъ сабель, на подобіе двустороннихъ мечей.

Отрядъ промѣлъ стройно, легкой рысью. Въ головѣ отряда, улыбался и не безъ любознательности поглядывая на офицера, фхалъ молодой человекъ, безусый, очень красивый. Его не китайское лицо бросалось въ глаза. Хотя онъ былъ бритъ, но кожа матово-бѣлая, безъ малѣйшаго налета желтизны, говорила за то, что это европеецъ. И волосы его не были зачесаны въ косу, а, подобранные большимъ узломъ, покоились въ сѣткѣ.

Штабъ-ротмистръ пристально смотрѣлъ на молодого предводителя красныхъ всадниковъ и что-то такое мѣшало ему оторвать взглядъ. Китаицы промѣли и скрылись за уваломъ, а Погожевъ все глѣдѣлъ имъ въ слѣдъ и лицо молодого человека все стояло предъ глазами.

—Итъ, баба, а куда же — впереди войска, сказалъ вахмистръ Андроновъ, прерывая задумчивость командира.

—Какая баба? — удивленно переспросилъ Андрей Яковлевичъ и, внезапно осянненый, вскрикнулъ: — Баба! Честное слово, баба! Какъ я раньше не догадался... Чудеса, братъ ты мой, въ рѣшетѣ!..

(Прод. слѣд.).

Х.

Штаб-ротмистр. Погожев сидит на невысоком заборе и задумчиво покачивает ногой, задвигая шпору за шпору, отчего он мягко позванивал — точно плли. Но громадному китайскому двору там и здесь группами расположились солдаты. Некоторые возмизли у коновязей и громко окрикнули: «шпу!» Другие разбрелись по дальним углам двора, чистили коней шетками, обтирали лоснящуюся шерсть мокрой тряпкой. Пронеслась обычная утренняя уборка, для кавалериста столь же привычная, как рюмка водки к завтраку.

Старший офицер в сотии — поручик Блэотканов — дымил папирсой и говорил скучающе:

— Оди глупости. Если бы наш генеральный штаб не обабился, то никак бы сдлаз с хунхузами не понадобилось бы. А то напиль на грудь значок, через плечо ансельбант и стали не офицерами, а дипломатическими атташе при армии. Именно атташе. У них страсть к дипломатии, честное слово. Со венкой, с позволения сказать, дрянью входят в переговоры, заключают глубокомысленные конвенции. Бывало мы, не мудрствуя лукаво, дули эту китайскую рвань в хвост и в гриву — и было отлично. Запаху нашего боялись, за сто верст от нас бегали. Теперь же не только солдаты, а я сам теряюсь. Не знаю, кто наш друг, кто враг, кого бить, кого не надо. Хунхузы — разбойники. Совершенно ясно для каждого, что хунхузы сдлазть зовут, брать за шиворот, при сопротивлении — рубить. Ант, шашки. То было раньше. Ничего же мы с хунхузскими атаманами в союз, они наши приятели, не угодно ли здороваться с этим подполком за руку и говорить ему «господин полковник». Они якобы очень нужны и выполняют какую то таинственную задачу, данную нам нашим штабом.

— И вы не знаете, какая это задача? — спросил Погожев, не выходя из задумчивости.

— Как то у меня почевал генерального штаба подполковник и рассказывал, но для меня все это туманно. Уж очень много вышней полноты. Мол, русская войска непосредственно воздйствовать на мйетное китайское чиновничество не имеют права, ибо это может вызвать международный осложнение. А хунхузы, как разбойники, стоять вне закона. Обладают солидной боевой силой, они могут диктовать доталм, дифангуанить и даже самим дзянь-дзяням свою волю. Если ты не послушаешь — атаманы, в род Лян-Чи, спалить твой город, выржут поголовно любую канцелярию и повешат любого губерниатора. Так как в Маньчжурии японское влияние борется с влиянием русским, то генеральный штаб заручился помощью хунхузов. Подполковник уверял, что китайское чиновничество стало несравненно стоворничей под угрозой хунхузского кулака.

Андрей Яковлевич в некоторое время молчал, а затм вышел из задумчивости и возразил:

— Что-ж, может быть это сдлазано не без смысла. В такой слабой стране, как Китай, хунхузы большая сила. Она буйна и неорганизована, а потому опасна для всякого законного порядка. Но если ее взять в руки, то при помощи двух-трех хороших шашек можно длазть крупная длаз.

— Позвольте, но вды они — разбойники, сназат Блэотканов, начиная горячиться.

— Разбойники они только до тех пор, пока не подчинятся никаким законам, пока грабят. Но раз они будут у нас на службе и станут дйствовать по нашим инструкциям — они становятся нашими агентами, лужными нам людьми.

— Ну, уж, знаете, это теория не про меня писана. Что-то, а с вышлымиками и ни за каки блага не вошел бы в сдлаз!

— Мораль международных отношений состоит не то, что мораль общественная... — проговорил Погожев наставительно и хотел продолжать, но обсеял, так как ему вдруг стало скучно.

Вот уже дв недли Андрей Яковлевич командует сотней и с каждым днем все больше убеждается, что в мир с хунхузами пограничная служба стала прйсной. Вооруженным бест безбоязненно шмряют вокруг бивака, а их не тронь. Ни экспедиций, ни спячек, ни бйшенных погонь. Так, кислота какая то — не служба. Стоит сотня за дйети верст от желйзной дороги, а затм стоит — невбйтно.

— Прикажете поедзат, Иван Иванович. Сдлазат хоть пробзду, говорит Погожев своему старшему офицеру и лйвно идет в фанзу.

Через двадцать минут первая полусотня рысью выезжает из деревни. Мирные китайцы в синих куртках и штанах стоят за глинобитными заборами и наблюдают. Они привыкли к пограничникам и даже рады им. Многие солдаты говорят по-китайски, двое даже женились на китайских дйушках, у всех есть в деревн друзья. За весь годовой постой сотни в сел не было ни одного хунхузского грабежа, ни разу население не подвергалось сбору экстренной дани ни со стороны чиновничества, ни в пользу атаманов. Присутствие русских застраховало жителей от вторжений и, кроме того, сотня покупает за наличный деньги припасы, фураж, мясо, дичь — множество всяких

мелочей, обыкновенно не пьющих сбыта. Деревня благоденствует. Есть, правда, некоторые неприятности, связанные с постоем полустараста молодых мужчин, но что такое неприятность для темного, безправного, забитого китайца? В своем сельском быту он нравствен, честен, трудолюбив и чистота семейного очага для него священна. Однако, за всю свою трудовую жизнь китайский крестьянин не знает того часа, в который он был бы уверен, что его жилище не сожгут, добро не ограбят, жену и дочерей не увезут в позор. Когда близко хунхузы или, еще того хуже, китайский чиновник, то вся деревня прячет красных женщин и дйушек в тайники, а дороги таяны и утварь зарывает. От хунхуза спастись легче, потому что хунхузы ищут сами или входят с жителями в любовную сдлзку относительно размйра дани. Чиновники же безграмотны, забирают все до чиста и шарты с специально дрессированными собаками.

Погожев и Блэотканов ддут рядом. Солнце уже обсушило ночную росу и потому утро не юное и не сверкающее. Предчувствуется знойный день. Верстах в десяти от деревни длазут на четверть часа привал. Поручик отстегивает флажку с водкой, его фздовой подает яйца вкрутую и холодного фазана.

— Отличный вид, говорит Андрей Яковлевич. Вот тут художнику бы... Раздолье!

— И-да, цдлнт Блэотканов.

Обоим скучновато. Каждый день они длазут прогулку сюда на вершину перевала, в эту маленькую тйнистую рошу. Поручик предлагает поехать в другую сторону, к берегу Ялу — там тоже великодушная мйста. Но командир промолчал и упрямо фздит на этот перевал.

— Однообразный человек. Скучный, думает поручик о новом командире.

Лйвно пережевывая разсыпчатый отрезок фазана, Погожев лежит на траве, облокотился на руку и смотрит вниз, в ту заросшую густым лйсом котловину, которая прйтилась далеко в стороне от пробзжей дороги. Сквозь зелень и многоверстную даль слабо намйчается что то желтое, как то строения.

— Вы не знаете, кака у него женщина? — спрашивает штаб-ротмистр.

— У кого? — не понял Блэотканов.

— У Лян-Чи.

— Разные женщины должны быть. Эти разбойники живут, как турки. Чуть похвйе — забирают в гарем.

— Нтъ, не китайка, а европейская женщина.

— Откуда же у него европейская?

— Я встрйтил его отряд и уверн, что предводительствовала женщина... не китайка

Блэотканов помолчал и отбйтил равнодушно:

— Может быть. Лян-Чи богатый. Говорят, он сын принца Лян-Си и когда то был при пекинском дворе чуть ли не командиром богдыханского конвоя. Потом что то случилось, его предали суду и, бжав из тюрьмы, он стал атаманом хунхузов... За деньги все покупают.

— Красивая.

— Маньчжурки тоже есть красивые.

— Эта не маньчжурка, тип не тот.

Помолчали, прожевывая. Погожев смотрел в глубокую, заросшую котловину и мысли тихо кружились над смутно желтющими строениями. Что за жизнь там? Почему молодая прекрасная женщина отутилась среди сопек, в компании красных полуразбойников, полудикарей? Какая тайна окружает эту котловину?

— У нее породистое лицо, умное и интеллигентное. Она не простолудника, тихо и задумчиво сказал Андрей Яковлевич, не обращая внимания на поручика, а словно бы размышляя вслух. Тонкая черта и в них что то особенное. На нее достаточно раз взглянуть, чтобы запомнить на десять лтъ.

— Да вы когда ее видли?

— Когда фхал в сотню, дв недли тому назад.

— Гм... Странно... Ничего не слышал.

— Она ничтъ не отличается от красивых хунхузов. Лйнь вмсто косы — узел. Но вахмистр Андронов сразу догадался и я понял, что это женщина... Да... Удивительная женщина!

Помолчал, штаб-ротмистр страхнул мечтательность, почему-то засмйлся и командовал:

— Садись!

Лйвно поехали обратно в деревню, котловина скрылась, солнце начинало припекать.

— То-то вы и фздите все на этот перевал, лукаво сказал Блэотканов, когда въехали во двор.

Андрей Яковлевич покраснел, отвернулся и сдлаз вид, что не слышит.

В фанзе, занятой офицерами, лежал большой корнет Брыжовский — второй офицер сотни. Он вывихнул ногу и цдлыми днями читал старые, давно знакомые романы.

Кое-как скоротали время до обда, но каждое блюдо или немного водки и заснули сверлимым, утомляющим сном. Встань к заходу солнца, Погожев чувствовал себя отвратительно и думал о том, что завтра он ни каки не будет пить. Мало того, что сам не будет, но и на товарищей воздйствует.

— Нужно придумать какое-нибудь занятие, разсуждал штаб-ротмистр, прохаживаясь в растянутом виде по двору.

— В китайском языке совершенствоваться, что ли?

Он вспоминал, как плую зиму

зубрил китайскую грамоту, как практиковал в разговорах с китайцами и как все это наскучило, когда ртъ туземцев стала понятна.

— Пожалуй, лучше взяться за английский... Или лаун-теннис устроить.

Солдаты, собравшись в кружок у невысокого забора, плли заунывную малоросийскую пйсию. Погожев думал, досадовал, чувствовал необходимость что то такое приобрести, тм то скрасить время-препровождение и заполнить пустые, однообразные дни. Сквозь все эти мысли неуловимо проходило сожалние о том, что лучшая пора жизни бжйть, бжйть, бжйть... Когда наступили сумерки и замаячил странный дразнящий отсвет дня, все облекающий в полутантвенность, не дающий вполне рассмотреть ни одного предмета, но наталивающий воображение на самые неожиданные видйи — Погожев вдруг ни с того, ни с сего крикнул сердитым голосом:

— Андронов! Прикажи мй еию минуту поедзат коня. Живо!

По деревенской улице он проехал рысью, а затм дал шпоры и поскакал. Похоже было, будто одинокий призрачно-блйный офицер мчится выше и выше, к далекой шапке перевала, в надежде догнать уходящий день, настичуть солнце. Но вершина меркла. Сзади тусклая взошла луна. И, как в сказке, было красиво, как в сказке же — жутко. Казалось, что вот сейчас, найди на перевале хмурую почную тнь, этот блйный всадник упадет на землю и забьется в рыданиях. С суровой безстрастностью необходимая ночь примет еще одни рыдания и также без отклика похоронит новую пригоршню слез, как схоронила миллиарды раньше.

Если бы соединить цбью все руки, простирившиеся ногами к уходящему, недосягаемому счастью — их хватило бы тысячу раз опоздать мйр. Если бы собрать все слезы, лившиеся ногами по несбывшимся мечтам — они сплошь окропили бы землю. Но ночь осталась все такой же немолчаливой, холодной, таинственной что то запойное и не дающей людям ничего из своих сокровищ.

Вплоти понятно, ничего не намель и Погожев. Перевал был томень, конь задыхался, хрипел. Андрей Яковлевич лег на траву, намель по памяти глубокую котловину и стал смотреть в том направлении. Луна поднималась, разгораясь серо-блестящим голубым сиянием. Штаб-ротмистру казалось, что в котловине сйтится огни, и он думал:

— Вот сдз на лошадь и поехать, постучать. Если Лян-Чи наш союзник, то значить должен мей впусить, оказать гостеприимство. Скажу, что скучно мй, что я рад поближе с ним познакомиться, что мои офицеры тоже скучают... Ну, и, конечно, увижу ее.

Холодок травы пробрался под китель

возбуждение быстрой фзды прошло. Погожев встал и закончил думы вслух:

— Чорта-сь два! Туда теперь с собаками не доберешься и протурать... Эх, жини, чтоб ей скиснуть!

Тихо он пошел домой, вея лошадь в поводу. Огоньки деревни то исчезали за неровностями, то появлялись, лав собак доносили все лветепйи. Сдлаз пйшком верст шесть, Андрей Яковлевич поехал немного усталый, но успокоившийся и умиротворенный.

— Ваше благородие, пожалуйста в фанзу, — встрйтил его у ворот Андронов. — Поручик Блэотканов приказал вас на деревн размйивать. Полковник Лян-Чи прйхал.

— Кто?

— Полковник Лян-Чи, хунхузы этого.

Последние слова вахмистр проговорил шепотом. Погожев вошел в комнату не без волнения. С складного табурета поднялась высокая, широкоплечая фигура хунхузского атамана. Штаб-ротмистр прежде всего поразил костюм Лян-Чи. Сшитый из желтоватой чесучи, он был до мелочей скопирован с формы английских офицеров колониальной армии. Застегнутые на три пуговицы узкие рукава, два кармана на груди тулурки, ременный желтый пояс с револьверной кобурой и двумя маленькими кармашками для запястных обоев. На этом же поясе длинный, блестящий, кавалерийский сабл. Рейтузы широкие сверху и в обтяжку на пуговицах от колена. Кожаные жесткие гетры и широкопоные башмаки со шпорами. Лицо начисто бритое, выразительное, с умными большими глазами. Пытательный подбор посередин и рука породистая, с тонкими холеными пальцами.

— Гм... Однако! — подумал Погожев.

Лйнь чуть замйнал раскосость и легкий налет желтизны — позволил догадываться о китайском происхождении Лян-Чи.

— Позвольте представиться вам: предводитель так называемых хунхузов Лян-Чи, — сказал он по-русски без малйшего акцента, выговаривая каждый слог, каждую букву.

— О, вы даже по-русски! — не удержал Погожев восклицания и протянул руку.

— Да, я очень люблю русских. Я был у вас.

— Где?

— В Петербурге. Прекрасный город!

Корнет и поручик, беседовавшие с атаманом, больше часа, оставались свободны, Погожев же замйтно волновался. Этого удивительного главаря китайских разбойников он представлял себе совершенно иным.

(Прод. слд.)

Сначала сидели в фанзэ и разговор был чрезвычайно официален, точно бы каждое слово подчеркивало, что между офицерами и этимъ объявившимся китайцемъ жить и не можетъ быть возможности сближения. Затѣмъ Линь-Чи захотѣлъ посмотреть, какъ расположились его хунхузы, прихавшие въ качестве конвоя. Погожеву изъ учтивости сопровождалъ атаманъ. Они вышли со двора кола. Въ китайскихъ фанзахъ не слышалось ни одного огня и лишь луна призрачно озарила тихую деревню.

Линь-Чи сказалъ задумчиво и, какъ показалось Погожеву, скорбно:

— Вы думаете, они сняты? Боже сохрани. Матери тѣзави своими примерами ребяти, отцы чутко прислушиваются. За каждой дверью страхъ. Подумайте только: предводитель хунхузовъ врѣзалъ въ русскому начальнику!.. Совѣщаются!.. О чемъ совѣщаются? Что добраго можетъ ждать несчастный китаецъ отъ совѣщанія хунхуза и внозеннаго начальника?.. Запратили добро свое и дѣлушны—ждутъ, тренутъ... Несчастный народъ!

Штабъ-ротмистръ всматривался въ лицо атамана. Оно казалось безразличнымъ

и холоднымъ, но, должно быть, это луна обманывала.

— Что это вамъ вздумалось? спросилъ Андрей Яковлевичъ.

— Такъ.

Когда проходили мимо послѣднихъ фанзэ, Линь-Чи приостановился и проговорилъ:

— Вы, вѣроятно, удивились моему безпринципному приѣзду. Но я не хотѣлъ говорить въ присутствіи вашихъ офицеровъ. Цель моего посѣщенія—передать вамъ вотъ эту бумагу и столкнуться по поводу того, что въ ней сказано. Вы сами, если нужно, посвятите своихъ подчиненныхъ.

— Какая бумага? съ удивленіемъ спросилъ Погожеву.

— Отъ вашего начальника, если не ошибаюсь.

Линь-Чи назвалъ фамилію очень популярнаго въ Маньчжуріи молодого офицера генеральнаго штаба, управлявшаго на Ялу нашими концессіями и энергично распространявшаго русское вліяніе и въ чиновничьихъ сферахъ, и въ населеніи края. Здѣсь же, прислонившись къ забору, при свѣтѣ луны и электрическаго фонарика Линь-Чи, штабъ-ротмистръ пробѣжалъ бумагу. По формѣ это было не предписаніе, а частное письмо, интимное, написанное товарищески. Писавшаго Погожеву зналъ лично, встрѣчался съ нимъ, симпатизировалъ, даже восторгался порой его кипучей дѣятельностью.

— Я не понимаю, какимъ же образомъ мы съ вами можемъ сообщать дѣйствовать? спросилъ Андрей Яковлевичъ, окончивъ чтеніе и спрятавъ письмо.

— Официально мы, конечно, не имѣемъ возможности соединиться,—отвѣтилъ Линь-Чи.— Но нужно поставить дѣло такъ, чтобы было понятно безъ словъ. Вашъ начальникъ хотѣлъ, чего бы это ни стоило, выжить изъ Фынъ-Хуанъ-Чена вынѣшваго даотая. Приверженецъ японцевъ, онъ дѣлаетъ русскимъ много непріятностей и изъ-за каждого пустяка поднимаются громкія исторіи. Нужно вопросъ поставить ребромъ. Вы обострите съ нимъ отношенія, а съ своей стороны пригрожу. Я знаю этого генерала давно. Онъ мой сверстникъ. Но только я получилъ воспитаніе въ Лондонѣ и Петербургѣ, а онъ въ Токио, въ японской военной школѣ. Съ нимъ трудно сдѣлать.

— Гим... Это шекотливая миссія.

— Какъ сказать... Да, конечно. Но шекотливая она больше для него, чѣмъ для васъ. На вашей сторонѣ сила. Вашъ начальникъ лишь не хотѣлъ широкой огласки. Русскіе вообще боятся и придаютъ чрезвычайное значеніе тому печатному шуму, какой неизбѣжно и постоянно поднимается въ заграничной прессѣ. Даотай это отлично понимаетъ. Поэтому онъ неустанчивъ, заносчивъ. Однако, если вы и я ничего не сможемъ съ нимъ подѣлать, то у вашего начальника есть иной планъ. Уже тотъ то воздѣйствуетъ!—Линь-Чи коротко и жутко засмѣялся.

Хотя Погожеву не зналъ, какою это «иной планъ», но по смѣху атамана догадался, что даотай придется, пожалуй, плохо.

Тотчасъ за крайними фанзами, не разсѣлывая лошадей, остановились хунхузы Линь-Чи. Ихъ было не больше пятидесяти и штабъ-ротмистръ призналъ въ нихъ тѣхъ же красныхъ всадниковъ, которыхъ онъ встрѣтилъ на дорогѣ.

— Обострите отношенія!—думалъ онъ, идя рядомъ съ гостемъ.— Что это значитъ—обострите отношенія? Никакихъ отношеній у меня съ даотаемъ не существуетъ—что же я обострю? Довѣ ему поджечь, что ли? Или жену увести, натравить на него солдатъ? Чортъ знаетъ, что за порученіе!

Крайній хунхузъ что то крикнулъ, громко и громко, вѣроятно «смирно». Лежавшіе и сидѣвшіе вскочили на ноги. Линь-Чи наклонился, посмотрѣлъ, что дѣлаютъ кони, и вдругъ загремялъ на своихъ людей бѣшеннымъ голосомъ. Погожеву зналъ языкъ, но атаманъ съ такой быстрой и свирѣпостью выбрасывалъ слова, что Андрей Яковлевичъ понялъ лишь общій смыслъ. Линь-Чи ругался и страшно грозилъ за потраву. Дѣло въ томъ, что хунхузы нарѣзали для лошадей не травы, а чумизы съ пества.

— Знайте, въ слѣдующій разъ виновные будутъ мною выгнаны со службы безъ жалованья,—пѣсколько остывши, закончилъ атаманъ.— Старшій! Разбуди немедленно старшину деревни и позови ко мнѣ. Я ему заплачу за потраву и вытчу изъ вашего содержанія.

Погожеву съ изумленіемъ слѣдилъ за этой сценой и думалъ:

— Въ чемъ дѣло? Рисуется онъ предо

мною или бѣжать на популярность среди сельчанъ?

Когда шли обратно къ биваку сотни, Линь-Чи тихо, но горько говорилъ:

— Я понимаю, если бы была нужда. А то травы кругомъ сколько угодно. Они портятъ посѣвы только потому, что густую и пышную чумизу, конечно, легче нарѣзать. И вѣдь какіе мерзавцы! Еще вчера сами были такими же хлебобашнями, дрожали надъ добромъ... Вотъ оно—воспитаніе народа. Съ одной стороны чиновники, съ другой хунхузы. И тѣ и другіе одинаково жадны и безчеловѣчны. Отъ верховъ и до вотъ этихъ смердовъ никто не увѣренъ въ неприкосновенности своего добра и ужъ, конечно, не шадитъ добра чужого. Право собственности попирается—это кесано въ быть въ ками!.. Что съ ними сдѣлаешь? Какъ переначить это?

Линь-Чи такъ взволновался, что не хотѣлъ остаться ужинать и, давши старшину деньги за потраву, уѣхалъ.

— Я въ вамъ приѣду завтра,—сказалъ Погожеву на прощанье.

— Очень радъ, но...—китаецъ замаялся.— Не знаю, будетъ ли это удобно пока. Если дойдетъ до даотая, то игра раньше времени отерется.

— Но вы же рѣшили, ко мнѣ приѣхать?

— Я другое дѣло. Я принялъ ябры.

— Намъ нужно встрѣтиться и обсудить.

— Вы приѣжайте завтра днемъ на тотъ перевалъ, куда вы ѣдите обычно. Тамъ увидимся.

Андрею Яковлевичу эта осторожность

Линь-Чи не понравилась. Онъ хотѣлъ побывать въ таинственной потопи, въ глубинѣ души онъ не переставалъ думать о прекрасной незнакомкѣ, командовавшей красными всадниками. Поэтому онъ сказалъ простоудушно:

— Признаюсь вамъ, я очень хотѣлъ побывать у васъ.

— Какъ знаете,—отвѣтилъ хунхузъ.— Лично для меня это честь и большое удовольствіе... Какъ знаете,—и крѣпко пожалъ руку офицеру.

Всю ночь Погожеву снился Линь-Чи. Засыпая и просыпаясь, Андрей Яковлевичъ думалъ о немъ и о его прекрасной спутницѣ. Какіе они оба необыкновенные! Какая красота души свѣтится въ глазахъ, въ словахъ, въ поступкахъ этого сказочнаго разбойника! Смыслъ ли онъ принца, въ самомъ дѣлѣ? Если онъ занималъ при богдыханскомъ дворѣ блестящее положеніе, то какой рядъ немытаній пережить имъ? Сколько фатальной контрастности въ этомъ превращеніи начальника императорскаго конвоя въ атамана хунхузовъ!

Фантастическія размышленія Андрея Яковлевича перемѣнились съ фантастическими образами и снами. Онъ не въ состояніи разобраться: что ему видится и что имъ передумано. А ночь жаркая и въ фанзѣ душно. Тѣло разметалось. Ленивое и палившее сильное, оно подобно праздному уму, хотѣть грѣзъ, жаждалъ необыкновенныхъ видѣній—заманчивыхъ, драматическихъ. (Прод. слѣд.).

В. Д. Козлова.

(Продолжение).

XII.

Утром штаб-ротмистр Погожев был нервный и колебался — ехать ему в Линь-Чи или не ехать? Повидимому, опытный атаман не просто предостерег. Если даотай узнает о столь дружественных сношениях командира русской сотни с хунхузом, голова которого оцпеина, то это может сильно повредить русскому делу. Но с другой стороны, Погожеву совершенно невмочь бороться с охватившей его тревогой, с псевдоуверенным желанием увидеть наконец эту таинственную и загадочно-влекущую женщину.

— Пустые страхи! Поеду! — сказал он себе в душе.

Четыре бравых пограничника уже сдвинули лошадей, чтобы сопровождать командира, но в последнюю минуту из бивака подыехали неизвестные три всадника. Еще из окна фанзы Погожев рассмотрел, что двое из них китайцы, один европеец. Солдаты обступили приехавших и расширяли. Командир вышел недовольный на задержку и крикнул через двор:

— Что надо? Кто это?

Разступившиеся пограничники пропусти-

* См. «Киевлянин» № 143.

ли маленького человечка, одетого в легкую городскую поджакту.

— Ба! Господин Пиргель! — вскрикнул штаб-ротмистр.

Именно тоже узнать офицера.

— Я очень рад, г. офицер, что встретил в вас знакомого. Не вы ли командир этой сотни?

— Я.

— Следовательно, к вам я и приехал. Дело серьезное и секретное.

— У нас это просто. Пойдите, — сказал Погожев и, взяв Рудольфа Германовича под руку, отвел в сторону. — Что скажете?

— Меня пригласил к вам полковник Линь-Чи. Он просит вас приехать к нему, но только не днем и не на виду у всех, а вечером, соблюдая осторожность и без шума.

— Но позвольте, почему вы очутились вдруг у Линь-Чи?

— Я поступил к нему на службу.

— Не может быть! Давно?

— Около полугода.

— Что же вы делаете?

— Есть работа, — уклончиво ответил Пиргель. — Полковник Линь-Чи послал со мною двух человек. Одного я оставляю вам — он весь вечер проводит. Согласны вы?

— Да, конечно.

— В таком случае я возвращаюсь. До свидания.

— К чему вам слышать, г. Пиргель? Оставайтесь позавтракать, — предложил По-

гожев. — Сколько версты до ставки полковника?

— Около двадцати.

— Ну, вот видите. Оставайтесь. Сами перекусите и кони отдохнут. Чего торопиться.

Пиргель колебался и согласился. Так как водки он не пил, то за завтраком офицеры усиленно подливали в его рюмку коньяк, а предлагая пиво, приговаривали:

— Для переговоров, Рудольф Германович. Нельзя все валить в одну кучу — нужно разглагольствовать.

Принтер ли офицеров был заражен, или подошла такая минута, но именно пил и хмелел. При оторванности сотни гости были таковой редкостью, что даже больной Крыловский принимал деятельное участие в угощении и в разговорах. Пиргеля расширяли про Порт-Артур, про последние новости. Он хмурился, отбивался незнанием, а когда стал совсем пьян, то начал рассказывать различные истории, которыми жизнь Артура была богата. Сидели офицеры, сидели Рудольф Германович, сидели избитые старые анекдоты и ждали то приключения, вероятно, наполовину вымышленные, наполовину слышанные, но плагиатом приписанные себе.

Андрей Яковлевич был разбит, почти не касаясь рюмки и все хотевший навести болтливость Пиргеля на Линь-Чи и скрывающуюся у него незнакомку.

— Да вы расскажите, как вы очутились

у Линь-Чи, чуть ли не в десятый раз спрашивать он.

Пока время соображал — отмалчивался или отвечал уклончиво. Но наконец прорвался.

— Как поступил на новую службу? Ха, ха, ха!.. Ведь вы же знаете мою историю с женой. Она ушла в Золотницкому — что же мне делать? Не тонуть же из-за скверной бабы! И этот главный американец взялся за меня. Не дал обещанных пяти тысяч, стал придираться. А тут приглашает меня к себе полковник Линь-Чи и предлагает прекрасное место. Я не дурак, чтобы отказываться.

— Разве полковник был в Порт-Артуре?

— Да, приехал некогда по какому-то делу. Ему понадобился человек, знающий Дальний Восток и владющий языками. Я, кроме четырех европейских, знаю китайский, японский и корейский. Вот мы и сошлись.

— И вы у него живете?

— У него.

— Кто такая та европейская дама, что живет у полковника и развлекать с красными хунхузами?

Лучше сознания мелькнуло в отуманенных глазах Пиргеля. Он ответил резко:

— Никаких дам я не знаю... А если бы и знал, то нельзя выдавать секреты хозяина.

Потом он совсем озабочен, его уложили спать и, проснувшись к сумеркам,

ему волею-неволею пришлось ехать вместе с Погожевным.

К котловин, в которой располагалась главная штаб-квартира хунхузского атамана, вел узкий проселок. По сторонам хмурились сонки и открытая дорога сбилась лѣсными зарослями. Проспавшийся Пиргель был молчалив, Погожеву тоже не хотелось говорить о пустяках. Весь путь проехали молча. Уже недалеко от цели путешествия из зарослей появилось вдруг несколько темных фигур и громкий голос окликнул по китайски:

— Кто идет?

Хунхузы проводники ответили какой-то паролем.

Погожев думал:

— У этого изумительного атамана совсем как в военном лагере, в виду неприятеля. Инквизиторы, секрет, патрули и условный пароль... Отлично.

Он всматривался в темноту между деревьями и, казалось, будто глаза различают еще и еще типы людей. Затѣм лѣс внезапно окончился и показался невысокий строения, обнесенный стѣной, мрачные при лунном свѣтѣ. Ворота открылись раньше, чѣм въ них постучали. Первый двор был пуст. Въѣхали под арку и очутились во втором дворе. Несколько человек в красных костюмах кланялись. Штаб-ротмистр хотѣлъ было соскочить на землю, но оказалось рано. Его конь пугливо перебирал ногами и храпѣлъ. Один из хунхузовъ взялъ его под уздцы и повелъ. Такъ миновали третій дворъ, четвертый. Со всѣхъ сторонъ дворы были застроены фан-

зами, но онѣ стояли темныя, точно пещеры.

— Спать, подумалъ Погожевъ и досталъ часы. — Ого, половина одиннадцатаго. Не поздно ли я явился?

Наконецъ, серия дворовъ окончилась. Предшествующий двумя огромными бумажными фонарями, появился Линь-Чи и его громкій энергичный голосъ нарушилъ тишину, становившуюся таинственной и неприятной.

— Пожалуйте, милости прошу. Это хорошо, что вы, Рудольф Германович, остались до вечера и лично проводили Андрея Яковлевича, говорилъ атаманъ, здороваясь и ведя гости въ домъ.

Какъ раньше дворы, такъ теперь потянулись комнаты. Одна, другая, счетов шесть, освѣщенные убого и обставленные просто, какъ въ обыкновенныхъ фанзахъ зажиточныхъ китайцевъ. Переступая порогъ седьмой комнаты, Линь-Чи говорилъ приветливо, какъ и полагается хозяину:

— Вотъ сюда. Это мой кабинетъ... Васъ ждетъ сюрпризъ, г. штаб-ротмистръ. Держу пари, вы не отгадаете, какую я приготовилъ вамъ встречу. Попробуйте-ка.

— Знаю! Прекрасная дама, которую я встрѣтилъ во главѣ нашего отряда, хотѣлось сказать Погожеву.

Но изъ-за письменнаго стола поднилась невысокая, плотная фигура русскаго офицера и Андрей Яковлевичъ разочарованно узналъ въ ней того подполковника, которому была подчинена его сотня.

(Прод. слѣд.).

В. Д. Козлова.

(Продолжение *).

XIII.

Кабинетъ былъ, какъ кабинетъ. Необычный для китайца, но совершенно средний для русскаго. Большой письменный столъ, американскій столъ-бюро и конторка для работы стоя. Кожаная мебель, обои не изъ дорогихъ, коверъ не пышный, чучело огромнаго тигра, убитаго, какъ оказалось, самимъ Линь-Чи, портреты какихъ-то важныхъ китайцевъ—вотъ и все.

Подполковникъ генеральнаго штаба, которому подчинился Погожевъ и который являлся, повидимому, начальникомъ Линь-Чи, серьезно и долго поясняя свой планъ относительно Фынъ-хуанъ-ченскаго даотая. Основывался этотъ планъ на томъ, что Андрей Яковлевичъ обязанъ былъ перенести столнику сотни поближе въ городу Фынъ-Хуанъ-Чену и въ возможно короткий срокъ написать своему начальству какъ можно больше жалобъ на даотая. Подполковникъ эти жалобы будетъ передавать мукденскому генералъ-губернатору и въ концѣ концовъ явятся обоснованные мотивы требовать смѣщенія вежельскаго китайскаго генерала, настроеннаго враждебно къ русскимъ. Все это было скучно и, кроме клеветныхъ исторій, ничего не сулило въ будущее.

—А если это не поможетъ, то докончите дѣло вы,—сказалъ подполковникъ атаману.

* См. „Космополисъ“ № 144.

Линь-Чи безъ словъ кивнулъ и его холерные пальцы перстно хрустнули. Нѣсколько минутъ помолчали.

Подполковникъ раскуривалъ папиросу, Погожевъ думалъ:

—Стоило ли вѣхаться!.. Неужели я не увижу ее?..

—О, я докончу это дѣло!—проговорилъ вдругъ Линь-Чи.—Я, собственно, не понимаю, зачѣмъ тянуть его? Почти навѣрное могу сказать, что добровольно генералъ не увидѣть и его не смѣнать. Въ Пекинѣ существуетъ сильная партія, поддерживающая ставленниковъ Японіи и незавидная русскимъ. Эта партія не допуститъ, чтобы фынхуанченскаго даотая смѣнили... А я... Гм... Я бы живо заставилъ его уйти по доброй волѣ. У меня есть съ этимъ генераломъ старые счеты. Никто и не подумаетъ, что я действую за одно съ русскими. Право, вы поручите мнѣ это теперь же.

—Итъ, Линь-Чи. Будемъ послѣдовательны,—сказалъ подполковникъ миролюбиво.—Если можно обойтись безъ насилія...

—Нельзя;—рѣзко перебилъ атаманъ.

—Но мы обязаны попытаться.

Линь-Чи снова хрустнулъ пальцами, но промолчалъ.

—Значитъ, съ этимъ вопросомъ покончено,—сказалъ подполковникъ.—Съ завтрашняго же дня принимайтесь действовать, Андрей Яковлевичъ.

—Слушаю-съ,—официально отвѣтилъ Погожевъ.

Хозяинъ пригласилъ въ столовую ужинать и пока шли туда, пока лакей-хун-

хуэ подавалъ легкій ужинъ, а за нимъ чай, Погожеву думалось:

—Вотъ, сейчасъ... Вотъ, сію минуту!..

Онъ нервничалъ, поглядывалъ на дверь, старался по обстановкѣ или по какому-либо случайному признаку безповоротливо опредѣлить, что незнакомка действительно здѣсь, близко. Но ничто ни о чемъ не говорило. Столовая была проста, гостиная тоже; штабъ-ротмистръ загладилъ въ полуоткрытую дверь слѣдующей комнаты и увидалъ, что это спальня—небольшая, скудно обставленная спальня одинокаго человѣка.

—Мнѣ говорили, неожиданно произнесъ Погожевъ за чаемъ,—что у васъ, Линь-чи, живетъ какая-то красавица—европейка. Правда это?

Атаманъ недовольно поморщился.

—Не вѣрьте слухамъ. Про меня вообще рассказываютъ много неблаговѣстныхъ,—отвѣтилъ онъ равнодушно.

Штабъ-ротмистръ понималъ, что вообще вопросъ его неумѣстенъ и не деликатенъ. Но ему во что бы то ни стало хотѣлось выяснитъ: есть, или нѣтъ этой женщины.

—Неужели я ошибся и обыкновеннаго хунхуза принялъ за красавицу?—думалъ онъ на обратномъ пути къ своей деревнѣ.

Уже свѣтало, когда злобный, въ отвратительномъ расположении духа, Андрей Яковлевичъ укладывался спать на пышную постель изъ душистой травы. Рядомъ храпѣлъ Бѣлотазовъ. Утомленный мозгъ Погожева работалъ вяло и раздраженно. Сонъ былъ тяжелый, безъ видѣній, и проснулся

штабъ-ротмистръ поздно, съ настроеніемъ еще хуже, чѣмъ вчорашнее.

Давъ на сборы два часа, онъ вывелъ сотню изъ деревни, построилъ повзводно и—слѣва по четыре—пограничники двинулись къ Фынъ-Хуанъ-Чену. Корнета Брыжовскаго возли въ китайской фудутунѣ.

Такъ какъ хунхузскій лагерь Линь-Чи находился приблизительно на половинѣ дороги между Фынъ-Хуанъ-Ченомъ и стоянкой сотни, то новый бивакъ пограничниковъ оказался ближе къ котловинѣ атамана, чѣмъ старый. Проѣзжая мимо сѣрыхъ строевнхъ хунхузскаго лагеря, Погожевъ даже не смотрѣлъ въ ихъ сторону. Въмѣсто тревоги и сладостнаго томленія онъ чувствовалъ теперь лишь досаду и скуку. Въ душѣ словно бы опустѣло. Миражъ, созданный воображеніемъ, исчезъ. За мечты вчерашнихъ дней было стыдно.

—Какъ ты его ни верти, а онъ все-таки хунхузъ. Никакихъ прекрасныхъ женщинъ у него нѣтъ,—думалъ Андрей Яковлевичъ.—Пусть напаянъ не только англійское, а хоть и испанское платье—ни одна синь-окая донна за нимъ не побѣжитъ. Нужно будетъ присмотрѣть себѣ маньчжурку поинтереснѣе, а то лѣзетъ всякій вздоръ въ голову.

Когда спалъ полуденный жаръ, Погожевъ взялъ четырехъ солдатъ и поѣхалъ въ городъ.

Фынъ-Хуанъ-Ченъ представлялъ собою обыкновеннѣйшій провинціальный городишко, какихъ въ Маньчжуріи десятен. По сравненію съ Мукденомъ и даже съ Ляояномъ, онъ казался большою деревней.

Войска русскихъ здѣсь бывали часто, а потому появленіе штабъ-ротмистра не произвело почти никакого впечатлѣнія. Лишь праздные ребятишки глазѣли, засунувъ грязные пальцы въ носъ или въ ротъ—смотря по наклонностямъ.

—Гдѣ домъ даотая?—спросилъ Погожевъ у перваго взрослого китайца.

Тотъ не понималъ. Русскіе такъ рѣдко объяснялись самостоятельно по китайски, что обыватели принимали китайскую рѣчь за какую-то непонятную иностранную. Пришлось повторить. Обрадованно закивавъ, китаецъ подробно рассказалъ: вѣхаться прямо, свернуть по улицѣ вправо, будетъ площадь, на которой расположены казармы и домъ генерала.

Еще подѣвжая къ площади, Андрей Яковлевичъ услышалъ звуки фанфаръ, а затѣмъ громко и рѣзко грянулъ настоящий духовой оркестръ.

—Эге, да здѣсь русскіе!—пробормоталъ Погожевъ.

Однако, оказалось, что это подъ музыку маршируетъ китайская пѣхота. У домовъ толпились любопытные горожане.

—Какъ найти даотая?—спросилъ штабъ-ротмистръ у китайца въ формѣ, повидимому, полицейскаго.

Тотъ указалъ на группу, стоявшую посреди площади. Погожевъ сѣвшился и, войдя въ первый попавшійся дворъ, вызвалъ хозяина. Тотъ испугался, долго не хотѣлъ пускаться къ себѣ русскихъ, но когда на него прикрикнули, а затѣмъ посулили золотой—нехотя согласился. Оставивъ двухъ солдатъ у лошадей, приказавъ разсѣдлать

и хорошенько выводить, Андрей Яковлевичъ пошелъ на площадь.

Китайской пѣхоты было человѣкъ шесть-сотъ. Вѣроятно, даотай дѣлалъ имъ смотръ, такъ какъ въ строю развѣвалось много знаменъ, огромныхъ, расшитыхъ золотыми драконами по желтому полю. Длинно и неровно выстроенная въ двѣ шеренги, пѣхота вразрѣбъ, какъ попало, производила эволюціи. Опытный глазъ офицера видѣлъ, что обучены солдаты северно. Ничего похожего на европейскую строевую выучку въ этомъ войскѣ не было. Однако, это не мѣшало начальству быть такимъ же, каково оно повсюду. Окруженный офицерами, стоялъ даотай и важно смотрѣлъ на маршировку. Погожевъ его узналъ по генеральскому розовому шаріку на шапочкѣ, украшенной павлиньими перьями.

У Андрея Яковлевича былъ выработанъ такой планъ: онъ попроситъ даотая посодѣйствовать въ покупкѣ провіанта и фуража. Молъ, не зная мѣстныхъ цѣнъ и опасаясь недоразумѣній съ жителями, проситъ вась указать способы пріобрѣтенія. На этой почвѣ, конечно, тотчасъ же произойдутъ скандалы и непріятности. Даотай, говорятъ, занесчивъ и даже грубъ съ русскими. Въ тому—другому можно будетъ придаться—и рядъ бумагъ полетитъ начальству.

Такъ думалъ Погожевъ и, поклонившись стокомъ по сапогу, медленно шелъ къ группѣ китайскихъ офицеровъ.

(Прод. слѣд.)

В. Д. Козлова.

(Продолжение).

XIV

Даотая, очевидно, предупредила. Онъ, великомъ взглянувъ на штабъ-ротмистра и когда тотъ былъ шагахъ въ пяти, проговорилъ громко и брезгливо:

— Что надо этой русской собаке?

Погожевъ остановился. Онъ готовъ былъ ко всякому приему, но не къ такому. Бровь прилипла къ лицу и схлынула. А даотай, нарочно не оборачиваясь къ офицеру, уверенный, что русский по обыкновению не знаетъ ни слова по-китайски, сказалъ также громко и также брезгливо:

— Переводчикъ, спроси у этой сволочи — что надо? Скажи, что только русские неучи могутъ лезть безъ приглашеній и не предупреждая. Я занятъ.

Онъ оглянулся въ полъ-оборота, сморщилъ Погожева презрительнымъ взглядомъ, и глаза ихъ встретились. Нѣсколько секундъ двѣ пары глазъ словно бы боролись и, вдругъ, Андрея Яковлевича толкнуло что-то впередъ. Онъ шагнулъ разъ, другой, третій. Озадаченная свита разступилась. Характерно и жестоко извизгнувъ въ воздухѣ гибнѣй стѣкль. Розовощекое лицо дернулось вправо, потомъ влево, а твердая шапочка покатила по пыльной землѣ.

И точно подъ ногами взорвалась бомба — такъ стремительно бросилась свита вразсыпную.

— Взять его! — рванулся на всю площадь штабъ-ротмистръ. — Крути руки!.. Такъ!.. Веди во дворъ!..

Двое дворовыхъ пограничниковъ привычно и легко подхватили даотая. Шелковая куртка, вышитая богато и нарядно, разорвалась. Китаецъ опѣшилъ, жалко съежился и покорно зашагалъ, подстегиваемый болью въ вывернутыхъ за спину рукахъ и налитыми кровью глазами Андрея Яковлевича.

Шестисотъ солдатъ и человекъ тридцать офицеровъ, разинувъ рты, смотрѣли на эту картину и не шелохнулись. Ихъ генерала, имѣющаго надъ ними чуть-ли не право жизни и смерти, схватили три человека, а они стояли, загнипотизированные какими-то страннымъ испугомъ и внезапностью происшествія. Молчали фанфары, безмолвствовали оркестры.

Погожева же било какъ въ лихорадкѣ. Нащупавъ въ карманѣ револьверъ, онъ думалъ:

— Пусть бросятся... Пусть!

И подобритый затылокъ съ длинной черной косой казался неизъяснимо желанной цѣлью для первой пули.

— Тоже, войско! — презрительно бурчали вахмистръ Андроновъ, водворяя совершенно притихшаго китайскаго генерала въ чистую

Войско!... Эй, Федоровъ. Становись здѣсь съ винтовкой и карауль. Чуть захочетъ бѣжать — вали прикладомъ, а то и пулей. Чтобы смирно сидѣлъ.

Даотай закрылъ глаза, что то мычалъ неразборчиво и покачивался изъ стороны въ сторону, сидя на деревянной лавкѣ.

Въ соседней комнатѣ Погожевъ быстро ходилъ изъ угла въ уголъ. Отъ оскорбленія и злобы онъ все еще кипѣлъ, губы сохли и онъ то-и-дѣло облизывалъ ихъ сухими же языкомъ.

— Кажись собираются, ваше благородіе, — тревожно доложилъ Андроновъ, появившись въ дверяхъ.

— Кто собирается?

— Ихніе офицеры. Войско шумитъ. Надо бы спосылать за подмогой, а то задавятъ — пикнуть не дадутъ.

— Да, да. Пошли кого-нибудь. Пусть скачетъ карьеромъ. Сказать поручику Бело-тавану, чтобы не жалѣлъ лошадей. Молъ, секунда дорога! — отрывисто бросилъ Андрей Яковлевичъ и все бѣгалъ, точно въ ногахъ была заведенная пружина, не позволявшая остановиться. — Коня-то посѣдланъ хоть?

— А какъ же. Всѣ посѣдланы.

— Заведи въ конюшню... Сами идите въ фанзу и запереть двери.

Шумъ приближался. Кричали сотни людей, ревели фанфары, кто-то стрѣлялъ въ воздухъ, должно быть, для воодушевленія. Андроновъ нащупалъ лазейку на чердакъ и ткнувъ оттуда большую толпу, въ кото-

Потихоньку и съ опаской они подвигались къ фанзѣ, занятой русскими. Шумѣли все сильнѣе, стрѣляли чаще, потрясали надъ головами ружьями и саблями.

— Ваше благородіе, дозвольте мнѣ съ Храновымъ залезть на чердакъ, а Федоровъ останется при въѣзномъ. Съ чердака лучше отстрѣливаться, если они ползутъ, — сказалъ Андроновъ.

— Сколько у васъ патроновъ?

— Штуку по тридцать на винтовку.

— Ладно. Ползай.

Черезъ нѣсколько минутъ Андроновъ тихо проговорилъ сверху

— Малый то поскакалъ, ваше благородіе. Лунить на гору что есть духу, только пылъ вихоремъ!..

— Куда на гору?

— А въ сотню. Съ крыши видать. Б. рсть двѣнадцать будетъ, я полагаю.

— Меньше.

— Нѣ, не меньше!.. Одно званіе, что дороже. Здорово подобьются коня!

— Хорошо, иди къ окошку.

Захлопали ворота, толпа загудѣла на дворѣ. Сотни голосовъ сливались въ одинъ гулъ и нельзя было разобрать выкрикиваемыхъ словъ.

— Что-жъ, пусть убьютъ! — проносилось въ разгоряченномъ мозгу штабъ-ротмистра. Пусть убиваютъ!.. Но раньше я собственными руками прикончу этого мерзавца. Пускай!.. Посмотримъ!.. Могутъ убить, но

городъ живьемъ спалить. Ого! Иванъ Ивановичъ имъ покажетъ, какъ убивать русскихъ офицеровъ!..

Снаружи шумѣли. Кажется, кто то пробовалъ крѣпость дверей. Погожевъ крикнулъ на чердакъ:

— Эй, Андроновъ! Я выйду и поговорю съ ними, а ты смотри — не зѣвай. Чуть-что — пали имъ прямо въ рожу.

— Будьте благонадежны, ваше благородіе, отвѣтилъ вахмистръ, и по голосу можно было догадаться, что душа его наполнена отнюдь не страхомъ, а жгучестью момента, и что меньше всего онъ думаетъ въ эту минуту объ опасности.

Широко, со стукомъ, распахнулись двери и штабъ-ротмистръ вышелъ на крыльцо.

— Что вамъ нужно? — громко спросилъ онъ по-китайски.

Слишкомъ близко подошедшіе къ фанзѣ бросились назадъ. Толпа сжалась у надворныхъ стрѣній и у оградъ. Часть топталась на улицѣ.

— Я спрашиваю, чего нужно? — еще громче выкрикнулъ Андрей Яковлевичъ.

Запикали, замахали руками, стало тише.

— Да не кричите такъ. Пусть объяснитъ кто нибудь одинъ, начальнически скомандовалъ Погожевъ и сразу наступила тишина.

Вышелъ съдой, полный китаецъ, съ простодушнымъ хорошимъ лицомъ, и ска-

— Я помощникъ даотая. Мы пришли просить васъ отпустить нашего начальника.

Погожевъ отвѣтилъ такъ, чтобы всѣ слышали:

— Я отпущу даотая какъ только придетъ въ городъ мое войско. Отпущу черезъ полчаса.

— Я васъ понимаю, конечно, криво улыбался и глядя въ сторону, говорилъ простодушный чиновникъ. Я понимаю, что они не желаютъ ничего знать. Требуютъ, чтобы сію минуту освободить, и онъ указалъ на толпу.

— Вадоръ! Подождутъ!.. крикнулъ Погожевъ. — Пусть спокойно разойдутся по домамъ, и тогда я объясню, что вся исторія окончится мирно. Иначе, смотрите, вы плохо знаете насъ, русскихъ!..

Толпа загудѣла, заволиновалась. Покрывая нарастающій шумъ, Андрей Яковлевичъ опять крикнулъ:

— Если осмѣлитесь напасть, то сожгу весь городъ! Камня на камѣй не оставлю!..

Въ ту же минуту грохнуло нѣсколько выстрѣловъ. Злобно ударились пули въ стѣну возлѣ Погожева и руку выше локтя ожгло острой болью. Въ отвѣтъ слуховое окно фанзы вспыхнуло огоньками и закурилось димомъ. Толпа шарахнулась, штабъ-ротмистръ захлопнулъ дверь и съвозъ палубы и ревъ визгливо понеслись крики раненыхъ.

(Прод. слѣд.).

В. Д. Козлова.

(Продолжение *).

XV.

—Ах, чорт их дерн, кажется озверели, — тревожно говорил Андронов и с сазобоченным видом вынул пистолет за пазухой. — Валай, Храпов. Чего возишься? Жарь прямо в кучу!

У Погожева по рукам текла кровь и, валя с тыла ладони, образовала в желобок между двумя пальцами темный и липкий сгусток. Он вынул револьвер и вошел в чистую горюху.

—Иди в Андронову на чердак. Этого я сам покараю, — приказал он солдату.

Толстые стены фанзы представляли хорошую защиту от пуль, но окна, обтянутые прозрачной бумагой, заставившей стекла, уже сплошь походили на решето. По комнатам пули проносились, громко шелкая, разбивая мебель, круша дерево в щепки.

Погожев смотрел на бледного даотая и думал со злобой:

—Обострил отношения!

Потом со стороны китайцев пальба стала рже. Штабс-ротмистр выглянул в окно и увидал, что на дворе вылетает десяток полтора тьл, а остальные спрятались за ограды, за строения, в сараи — и оттуда стреляют.

—Продержись или пть? — размышлял Погожев, смотря на часы. — А вдруг они бросятся сразу и выломают двери!... Гим... Тогда пши пропало...

Кровь все капает. Погожев ощущает боль, смотрит на рукав, ставший темно-красным, переводит взгляд на треснувший подбородок даотая — в пть опять вскидывается злоба.

—У—у, подлец! — бурчит он.

Есть сильное желание павести дуло погану и... Но штабс-ротмистр сдерживается.

В фанзе начинается туснть — зашло солнце. Тревога растет. Если Блотканов не успеет до темноты — конец. Эту сбрдь притаился и три мтивх винтовки зажали их в нору. Но стоит наступить мраку — они тотчас же вынуты.

—Наши идут! — во все горло орет Андронов. — Шибко скажут, ваше благородие.

—Ладно. Прекратить огонь! — отдает штабс-ротмистр распоряжение и чувствует, что голова начинает кружиться, а пред глазами замигают желтые огни.

Снаружи поднимается невообразимый гвалт. Наступающая сумерки позволяют рассмотреть, как множество людских тгней шмыгают через заборы, ползут по крышам, ходко ударяют вдоль площади. Глухо гудит земля под полутораста связанными всадниками, тяжело хрипят полутораста лошадиных грудей.

Но Андрей Яковлевич ничего этого не видит и не слышит. Тьло его покачнулся, голова упала на плечо рядом сидя-

щего даотая. Тот испуганно отшатнулся и с мягким стуком Погожев свалился сначала на лавку, а послв мшмом на пол, в ту лужу черной крови, которая набилась из раны.

—Что же с этой китанзой длат? — с недоумением говорил Блотканов, глядя на сидящего все в той же позе китайского генерала.

—Повесьте бы за озорство, — тихо роняет вахмистр Андронов и плотоядно скоблится.

—Повесьте? Гим... Это, конечно, правильное разсуждение. Однако, спшить не к чему. Все таки генерал.

—Генерал! — презрительно цдит вахмистр. — Генерал!... Пшито такие генералы-то!

—Ну-ну, помолчи, братец. Тебя не спрашивают. Если его надлежит повесить, то, не бойся, вздернем в лучшем виде... как командир?

—Ложить. Фермалъ примочки кладет.

—Значит, заночует здесь. Разставь дозоры, да гляди у меня — не спать!

Вскоре Погожев пришел в себя и даотай под охраной взвода отвел в его губернаторский дом и сдал с рук на руки помощнику, для втрности взяв расписку. В полночь сотия ушла из города, а утром Андрей Яковлевич командировал к подполковнику Блотканову, чтобы тот лично доложил обо всхх событиях.

Оттого ли, что рана долго не была перезахана и загрязнилась, или оттого, что крови вытекло черзчур много, но у Погожева появилась лихорадка. Он лежал на охапке сена и то кутался в бурку, то сбрасывал с себя все ршительно. Выбег с тьлом и мысли его перекивают поочередно озноб и жар. Минутами история с даотасм рисовалась в комическом свтл. Огфл зазнававшегося китаец по физиономии — скажите, какая важность! Пусть не ругается. Русский офицер ему, чорт возми, не китайская пшка, с которой можно поступать, как вздумается. И в штаб похочут. Еще бы! Грзу Маньчжурин, «желтого даотая», как его прозвали японские газеты — и вдруг быть в присутствии всего гарнизона!... Перестрелка и кутерьма — это, конечно, вздор. Не отдаваться же штабс-ротмистру Погожеву в руки разлрившейся толпы! В Порт-Артур во всем этом отлично разберется и стануть на сторону Андрея Яковлевича...

Но воспаленная лихорадкой кровь мутит и смущала работу мозга. Ни с того, ни с сего появилась вдруг страшная предчувствия и страшные картины. Штабс-ротмистру мерещилось, что его обязательно должны арестовать, что гд то здесь, близко, за дверями, уже ждут и подстерегают тюремщики. Поступок его с даотасм рисовался мрачным и тяжелым преступлением. Погожев вскакивал, кричал, звал вахмистра Андронина, хватал фельдшера за руки, умолял защитить его и спрятать.

Посл снова наступало облегчение, вид-

ция исчезала, Андрей Яковлевич успокаивался.

Так шло три дня. Блотканов уже подумывал об отправлении командира куда либо в лазарет. Поручик доложил начальству о случае в Фын-Хуань-Чен и, кажется, подполковник генерального штаба весьма этому происшествию обрадовался. Он подробно расспрашивал Блотканова и приказал, чтобы сотия ничего не предпринимала и ожидала дальнейших событий на новом постое в двенадцати верстах от Фын-Хуань-Чена.

На четвертый день состояние Погожева стало особенно тревожным. Ни на минуту не приходи в сознание, он метался и кричал, ища спасения от каких-то невидимых преследователей. Блотканов ходил по двору нахмуренный, в соти царил тревожное настроение.

—Глушйшее положение! — говорил Блотканов корнету Крыжовскому. — Отправлять его в таком состоянии в Япония или в Порт-Артур невозможно. Это втрная смерть. Если бы был хоть экипаж какой-нибудь, а то неудобно ли трястись в фулутанг двести верст по сопкам и оврагам. На нашего же фельдшера надежда плохая.

—Вызвать врача, — советовал Крыжовский.

—Легко сказать. Пока вызовешь, пока он прйдет — пройдет дв недл.

Вечером неожиданно явился Линь-Чи. Узнав, что Погожев ранен и лежит без сознания, атаман опечалился. Он внимательно осмотрел больного и предложил:

—Отдайте его мне.

—То-ест, как это? — не понял Блотканов.

—И возьму его к себе и буду пользоваться. У меня есть врач, есть медикаменты. Отдайте, словно бы в лазарет.

Поручик колебался, но атамана подержал Крыжовский:

—Это, по-моему, прекрасная мысль. Если подполковник так добр, то ничего лучшего не придумать.

И вот однажды ночью Андрей Яковлевич Погожев очнулся в страшной незнакомой обстановке. Первой его мыслью было, что это лонин даотая. С преступившим на лбу холодным потом, штабс-ротмистр поднялся с постели. Голова закружилась, ноги отказались идти.

—Фельдшер!.. Эй, кто есть! — хрипло проговорил Погожев.

На столе горела лампа, кругом тишина.

—Что же это такое? Неужели меня захватил даотай? Что за комедия! — соображал Андрей Яковлевич и ему вдруг съезало страшно.

—Фельдшер!.. фельдшер! — крикнул он громко.

Никто не отзывался. Комната убрана дорожно, но начиная от красивых циновок на полу и кончая картинами, коврами, занавесами окон и потолком, затканым шелковой материей — все типично-китайское. У маньчжурских крестьян ничего подоб-

ного пть — очевидно, Погожев в плену у даотая.

И вдруг мелькнула мысль:

—Вжик!... Вжик! пока ночь, пока надзор слаб, пока его считают умирающим и лежащим без сознания. Вжик сию минуту!

Рядом с лампой на столе кавя то стилистики и бутылки. Держась за стул, за стол, колебавшийся и трясущийся от волнений и слабости, Андрей Яковлевич берет первую попавшуюся бутылку и по запаху узнает херес. Прямо из горлышка пьет. Сухое вино живым пламенем проходит по тлу, сразу ударяет в голову.

—Вжик!... Гд одежда?...

Торопясь, боясь дышать, штабс-ротмистр надевает рейтузы, натягивает сапоги, китель, предусмотрительно отстегивает шпоры, чтобы не звенли. Каким удача — револьвер, старый испытанный Погань в карман! Это придаст Погожеву столько силы и отваги, что он готов хоть в бой.

Тихо, с массой предосторожностей открывается окно, тушится лампа. На дворе свтло и безмолвно. Луны из-за строений не видно, но и в тни можно отлично разобратся. Дворик квадратный, имет нть несколько выходов, но все они ведут в жилые дома. Как быть? Как узнать ту дверь, за которой меньше опасностей? А не лучше ли осмотреть комнаты, смежные с его темницей?..

Погожев протрывает двери, заглядывает — никого. Комната большая и тоже богатая, но в ней ни души. Безшумно офицер ступает по мягким циновкам и прикладывает ухо к стдующим дверям. Тшнна такая, словно бы дом не обитаем. Он — проникает в полутемную, слабо освещенную прихожую. На полу у стны спит китаец, возл него винтовка. Повидимому, это караульный. Погожев крадется дальше. Вот огромный покой, втротно, высокий и неуютный, потому что в нем прохладно. В окна глядит луна и озаряет блистающими цинками и коврами дорожки, убгающие вглубь, теряющиеся в тни. И вдруг доносится голоса. Штабс-ротмистр прислушивается. Не галлюцинация ли это? Не шалит ли его лихорадочная фантазия, возбужденная вином? Пть, ясно, отчетливо слышится русская рчь. Гд то близко, за тонкой стной. Приятный тенорный голос, красиво картава на «р», проносятся:

—Значит вы не хотите подчиниться?

Ему отвечает рзкий баритон и Погожев кажется, что гд то он его слышал раньше:

—Если бы вы мне указали закон, основываясь на котором, вы требуете подчинения — я согласен был. Но вы хотите продлать со мною еще больший произвол, чм позволяю себе я.

—Нам ставить вину, что мы дали в Маньчжурин хунхузам полную волю. В Америке и в Японии по этому поводу кричать на всех перекрестках, грозить.

—Пусть кричат. Отвтите, что Маньчжуря русскими не оккупирована и русская юрисдикция в стран этой не имет силы. Пусть предъявляют обвинения ка-

тайскому правительству, говорят знакомый голос.

—Кто это? — старается припомнить Погожев. И о чем они говорят?

В стдующую минуту тема беседы для штабс-ротмистра становится понятной.

—Не упорствуйте, мой милый, говорит тенор, произносящий «г» вместо «р». Похитив эту г-жу Тринелер, вы столько надбляли нам хлопот, что право же наши условия неслаженно мягки. Выдайте ее и длау конец.

—Вы шутите. С какой стати я выдам вам женщину, которая не желает быть выданной. Она пришла по своей воле и уйдет только тогда, когда сама этого захочет.

—Берегитесь! Я принужден буду прибгнуть к силе, твердо выговорил картаваый.

—Попробуйте! — рзко и вызывающе отвился баритон и Погожев чуть не вскрикнул, узнав, наконец, атамана Линь-Чи.

—Подумайте, удобно ли вам ссориться с русскими. Русские дают вам убежище. Ваша голова оцнена, за вами повсюду следят.

—Чепуха! Для меня весь Китай — убежище. Я переберусь со своими людьми в любую провинцию и везд буду такой же хозяин. Моя голова оцнена, но стоит мне показаться в Мукден, Тянь-Цзинь, Чифу, Шанхай — как высшя правительственная власть бгуть меня встречать. Вице-король поднесет мне хлбь-соль и устранивать в честь моего посещения народные празднества. Зачем вы говорите заведомую неправду? Русским я больше нужен, чм они мне. Но я плачу вам за союз с вами, а вы мне. Не я искал дружбы с вами, а вы ея искали. И не бойсь ваших угроз и мне не страшна дряблая китайская администрация.

—Но вы забываете, что с одной стороны стоит русская казачья бригада, а с трех остальных наши пограничные сотии. Вы окружены, вам не дадут уйти.

—Ха, ха, ха! — разсмился Линь-Чи. — Бригада! Сотия! Оставьте, почтенный! Во-первых, у меня тоже бригада. Да-с, не улыбайтесь. Испытанная, втрная бригада, европейски обученная и прекрасно снабженная оружием. А главное, моя бригада — из руги. Помните, она неуловима, моя бригада. По моему слову, бригада эта растает через час. Была и пть ея. Смйшлетел с мирным населением, разсыпется, как горсть песку на рчном берегу. А через недлю — минута вы минуту — мы вынырнем за соти верст, гд либо по ту сторону Ляо-хэ, или возл Шанхая, под стнами Невина.

—Мне надбло спорить с вами, Линь-Чи. Отвтите прямо: согласны вы выдать похищенную американку, или не согласны?

—Пть, не согласен.

—Слдовательно, разговор мой окончен. Прощайте. Завтра я убжаю в Артур и доложу результаты переговоров начальству.

Погожев не знал, что ему длат: войти-ли в комнату разговаривающих или потихоньку удалиться. Он еще не успел принять того или иного ршения, как почувствовал, что в обширном зале он не один. От темной стны отделилась невысокая свтлая фигура и, как привидние, пошла на штабс-ротмистра.

—Кто это? Кто здесь? — вскрикнул он, сжимая рукоятку нога.

—Тшше, не кричите. Что вы здесь длате? Зачм встали с постели? — шепотом говорила фигура.

Она вышла на освещенное луной место и Андрей Яковлевич рассмотрел женщину.

—Моя незнакомка! Американка! — сообразил штабс-ротмистр.

—Как вам не стыдно подслушивать, — шептала она. — Идите скорй в свою комнату. Они сейчас выйдут и будет плохо, если застанут вас. Идите-же.

Было все это так внезапно, так чудесно и так походило на сказочный сон, что Погожеву захотелось стать на козл и молитвенно протануть руки на встречу женщине.

—Я люблю вас. Не гоните меня, — слышала проговорить Андрей Яковлевич, но губы его беззвучно шевелились, а голова кружилась.

—Ну, идите-же, повторила г-жа Тринелер.

Голоса Линь-Чи и его собеседника послышались совсем близко. Кажется, они шли в темный зал. Погожев желал послушаться и не мог. Прислонившись к стне, он ощущал разливающуюся слабость, головокружение и неясно-приятную беспомощность. Мutilось соображение и подкашивались ноги.

—О, да вы еле стоите! — проговорила американка, всмотревшись в поблвшее лицо офицера. — Вам дурно, да?

Мягко Андрей Яковлевич опустился на одно козл, послв на другое и коснулся лицом ея платья.

—Что вы говорите?.. Громче. Я не слышу.

Губы Погожева все шевелились. Тринелер нагнулась к самому его лицу и разобра:

—Не гоните меня... Я люблю...

—Бредит. Ну, что я буду с ним длат. Эй, кто есть! Люд! Сюда, ко мне!

Распахнулась дверь, вошли заспаные китаики и на руках унесли штабс-ротмистра. Он все слышал что-то невозможное, губы шевелились, кривились в улыбку, а глаза были закрыты.

—Кто дежурит у него? Почему не досмотрели и позволили больному встать? — сердито говорила американка, — помогая укладывать раненого.

Андрей Яковлевич слышал ея голоса, но не понимал смысла слов. И оттого, что она была близко, оттого, что он был ребячески беспечен — охватило блаженное состояние истомы, словно бы тысячи ангелов, свтзарных и прекрасных, облевали крылами его начинающееся забытие.

(Прод. слд.).

В. Д. Нозлова.

(Продолжение).

XVI.

Утром Андрей Яковлевич был разбужен звоном шпора — по комнате ходил поручик Блутканов.

— А, это вы, Иванъ Ивановичъ. Какъ дѣла? — бодро спросилъ командиръ.

Поручикъ не на шутку обрадовался.

— Батюшка, отецъ родной! Снимите, ради Создателя, тяжесть эту. Ну ее къ дьяволу! Замотался я, не знаю, какъ быть.

— Въ чемъ дѣло?

— Да какъ же! Нашъ подполковникъ прислалъ предписание, строжайшее и секретнейшее, чтобы и я, и сотня закрыли глаза на поступки Линъ-Чи. Какъ бы онъ себя ни велъ, что бы онъ ни дѣлалъ — мы словно бы не видимъ, не слышимъ. Понимаете? Никакъ, Линъ-Чи взялся раскатыть окончательно даотай — такое я, по крайней мѣрѣ, вывелъ заключение. Ну, и значить, чтобы мы не совались. Пусть лупитъ...

— Такъ что же? Сидите и молчите.

— Въ томъ то и штука, что не даютъ сидѣть. Вчера прѣхалъ изъ Портъ-Артура дипломатическій чиновникъ. У него полномочія отъ главнаго начальника и конвой въ 12 человекъ. Явился онъ съ какой то миссией къ Линъ-Чи...

— Ну, дальше, — перебилъ Погожевъ.

— О чемъ они говорили, — чортъ ихъ знаетъ. Только прѣзжаетъ чиновникъ сегодня утромъ и, какъ бы вы думали, какое онъ отдастъ мнѣ приказаніе?

— Ну?

Блуткановъ, говорившій и раньше въ полголоса, теперь тревожно осматривался и зашепталъ на ухо командиру.

— Онъ приказываетъ арестовать Линъ-Чи. Захватить и его, и какую то женщину, якобы нѣтъ украденную и содержащуюся здѣсь въ плѣну. Изъ-за этой бабы, будто бы, происходитъ множество недоразумѣній между нашимъ правительствомъ и Соединенными Штатами...

Андрей Яковлевичъ приводнился на локтѣ, глаза его заблестали и онъ спросилъ въ волнении:

— Вы говорили, что наша сотня ничего подѣлать не сможетъ, что шайка Линъ-Чи очень многочисленна и отлично вооружена, имѣетъ пулеметы и даже четыре горныхъ орудія?

— Говорилъ.

— Ну, и что же?

— Онъ настаиваетъ, чтобы обманомъ взять.

— Какимъ образомъ?

— Вся бавда хунхузовъ должна произвести какую то оперцію и здѣсь ее не будетъ. Этимъ я долженъ воспользоваться, напасть и захватить въ плѣнъ, послѣ чего спѣшно двгаться въ Ялунъ.

— Глухости, — рѣзко проговорилъ Погожевъ. — Мы не имѣемъ права нападать на Линъ-Чи, такъ какъ онъ — нашъ союзникъ. Пусть чиновникъ переговоритъ съ нашимъ непосредственнымъ начальствомъ. Когда подполковникъ, которому мы подчинены, отдастъ намъ такое приказаніе — тогда другое дѣло.

— Но у этого бумаги подписаны главнымъ начальникомъ.

— Хотя кѣмъ угодно — меня это не касается.

Блуткановъ, видимо, колебался, Андрей Яковлевичъ это замѣтилъ и проговорилъ, вскакивая:

— Да и вообще — я командиръ сотни. Скажите этому чиновнику, что пусть со мной поговоритъ. ЭВ, прислуга! Бои!... Одѣваться!

Вся слабость ночи моментально исчезла. Погожевъ чувствовалъ легкую боль въ рукѣ — и только. Что то подсказывало ему, что готовится важная событія и ихъ слѣдуетъ взять въ свои руки.

Одѣтый, съ лѣвой рукой на перевязи, онъ, какъ вчера, выпилъ хересу прямо изъ бутылки и приказалъ китайцу:

Доложи полковнику Линъ-Чи, что я немедленно хочу его видѣть. Скажи: я сейчасъ уѣзжаю.

Блуткановъ отъ удовольствія потиралъ руки.

— Вотъ это здорово! Это я понимаю!... А то, чортъ ихъ знаетъ, кого слушать.

— Гдѣ этотъ чиновникъ?

— Въ сотнѣ. Я оставляю его завтракать съ корнетомъ Брыжовскимъ, а самъ поспекаю доложить вамъ... Очень чванная бестія!

— Кто, чиновникъ то?

— Ну-да. Не вступаетъ ни въ какія объясненія. Приказываетъ, будто генералъ — и никакихъ.

— Полковника Линъ-Чи нѣтъ. Уѣхалъ съ утра и неизвестно, гдѣ онъ, — сказалъ вернувшійся китаецъ.

— Хорошо. Когда полковникъ вернется, то передай, что очень благодарю его за пріютъ и леченіе. Это на тебѣ...

Одѣлавъ прислугу, Погожевъ уѣхалъ. До деревни, гдѣ стояла сотня, было верстъ шесть.

Всю дорогу офицеры молчали. Андрей Яковлевичъ думалъ о томъ, что планъ измѣническаго нападенія на Линъ-Чи — порочный планъ. Всѣ его симпатіи тянулись къ атаману и къ той красивой женщинѣ, которая такъ странно появилась ночью и которую будто сквозь сонъ вспоминалъ штабъ-ротмистръ. Чиновникъ же былъ неприятенъ и, если представится хоть малѣйшая возможность не исполнить его требованій, то Погожевъ, конечно, ихъ не исполнитъ. Пусть столкнется съ подполковникомъ. Ужъ навѣрное тотъ не выдастъ своего пріятеля и союзника Линъ-Чи!

— Командиръ сотни, штабъ-ротмистръ Погожевъ. Чѣмъ могу служить? — холодно-вѣжливо сказалъ Андрей Яковлевичъ, здороваясь съ гостемъ.

Чуть-чуть близорукій, молодой, высокій, выхощенный, блондинъ, въ высокихъ сапогахъ и почему то со шпорами, чиновникъ отвѣтилъ:

— Прибылъ къ вамъ по приказанію вышшаго начальства въ край. Чиновникъ русской дипломатической миссии, баронъ фонъ-Кройфъ. Очень радъ познакомиться.

Брыжовскій, кое-какъ передвигавшійся съ палкой по комнатѣ, угощалъ Кройфа чаемъ и коньякомъ. Видя, что гость не спѣшитъ сообщать о цѣли пріѣзда, Погожевъ приказалъ сдѣлать себѣ личину и съ аппетитомъ сталъ ее уничтожать. Баронъ присматривался къ командиру, прихлебывалъ душистый чай и вдругъ спросилъ:

— Послушайте, какъ же вы это рѣшили?

— Что?

— А этого даотай. Вѣдь они могли растерзать васъ! При войскахъ, при офицерахъ!

— Ну, вотъ еще! — безпечно улыбувшись отвѣтилъ штабъ-ротмистръ.

— Когда мнѣ рассказали корнетъ Брыжовскій — я не повѣрилъ. Думалъ, преувеличиваетъ.

— Развѣ до васъ это не дошло?

— Нѣтъ еще. Въ Артурѣ противъ этого даотай измышляютъ дипломатическія козни... Однако, это интересно. Вы расскажите.

— Что жъ тутъ рассказывать. Я подошелъ, а онъ ругается. Сволочь, говорить, собака, говорить. Я его стѣкомъ и приказалъ скрутить.

— Неужели по лицу стѣкомъ?

— А какъ же. Будь это не китаецъ, а французъ, англичанинъ, нѣмецъ — все равно съблизилъ бы. Какъ же иначе? Только и остается — въ морду!

— Гм... Да-а-а! — протянулъ чиновникъ.

Европеецъ ничего подобнаго себѣ не позволилъ бы, а азіатецъ зазнается и оставлять этого нельзя.

— Все-таки, знаете, круто. Еще ударить — я понимаю. Оскорбленіе за оскорбленіе. Но крутить руки и брать подъ арестъ!.. Гм... Это — сильно.

— Для самозащиты. Ударь я его и остань на свободѣ — онъ, пожалуй, повѣсилъ бы меня на площади вмѣстѣ съ моими солдатами.

— Даже навѣрное повѣсилъ бы, — подтвердилъ Блуткановъ.

— Вы именно такой человекъ, какой мнѣ нуженъ. Вамъ говорилъ поручикъ о моемъ планѣ относительно Линъ-Чи? — спросилъ фонъ-Кройфъ.

— Не ясно говорилъ. Я многого не понималъ.

— Этого хунхуза нужно захватить. Помните того, что мы обязаны освободить плѣннику американку, имѣю похищенную въ Артурѣ, но есть еще другія причины.

— Именно?

— Гм... Онъ не удобенъ для насъ и дружба эта русскихъ очень компрометируетъ. Линъ-Чи не просто хунхузъ, а глава тайной партіи, мечтающій произвести въ Китаѣ государственный переворотъ. Мы не можемъ такимъ господамъ покровительствовать и, тѣмъ болѣе, входить съ ними въ союзы. Это ошибка нѣкоторыхъ офицеровъ генеральнаго штаба изъ увлекающихся и молодыхъ.

— Я все же не уясняю себѣ вашего плана.

— Онъ простъ. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что сегодня — завтра Линъ-Чи долженъ напасть на одного мѣстнаго туземнаго правителя и свести съ нимъ какіе то свои личные старые счеты? Этимъ мы воспользуемся и, въ его отсутствіе, нападѣмъ на лагерь. Тамъ намъ сопротивленія конечно, не окажутъ. Забравъ американку, мы пошлемъ къ атаману гонда, спѣшно его вызовемъ для переговоровъ и захватимъ. Хитрость должна удался, ибо все будетъ сдѣлано быстро и подъ покровомъ ночи.

— А затѣмъ, какъ вы думаете поступить съ Линъ-Чи?

— Этого я ужъ не знаю. Я лишь доставлю его въ Портъ-Артуръ. Вѣроятно его выдадутъ японскому правительству.

— Будьте добры, баронъ, показать мнѣ предписание.

— Какое?

— О томъ, что моя сотня отчисляется изъ распоряженія подполковника, и переходитъ въ подчиненіе къ вамъ.

Баронъ фонъ-Бровфъ подаль Погожеву казенную бумагу съ печатью и подписями. Внимательно прочитавъ, штабъ-ротмистръ сказалъ:

— Здѣсь сказано, что всѣ начальники отрядовъ и частей войскъ, отъ генераловъ до нижнихъ чиновъ, обязаны оказывать вамъ всестороннее содѣйствіе и поддержку. Но здѣсь ни слова не говорится о вѣрноподданной мнѣ сотнѣ. Поэтому я не возьму на себя отвѣтственности за столь крупное дѣло, какъ арестъ полковника Линъ-Чи. И это могъ бы сдѣлать лишь по точному и категорическому предписанію своего непосредственнаго начальства.

— То-есть, вы отказываетесь? — спросилъ чиновникъ и привскочилъ съ табурета.

— Рѣшительно отказываюсь.

— Гм... Я знаю причину, — криво усмѣхался, проговорилъ баронъ. — Кажется, вы позволите состоять въ очень близкихъ личныхъ отношеніяхъ съ этимъ хунхузомъ?

— Нѣтъ, не состою. Вы не знаете причину, баронъ фонъ-Кройфъ, — отчеканило выговаривая слова, отвѣтилъ Погожевъ. — Но если угодно, я скажу вамъ эти причины. Во-первыхъ, въ вашей бумагѣ чересчуръ туманно и общо сказано, что вамъ надлежитъ оказывать содѣйствіе. У меня же есть только что полученное отъ ближайшаго начальства предписание, которое даетъ точныя и недвусмысленныя инструкціи относительно моихъ сношеній съ Линъ-Чи. Мнѣ вѣдѣно въ обязанность помогать ему, жить въ мирѣ и дѣйствовать, какъ полагается доброму союзнику. Во-вторыхъ, оперція, вами придуманная, очень опасна. У Линъ-Чи прекрасно организованное войско, которое можетъ начисто уничтожить мою сотню. Согласитесь, что на подобную авантюру я не могу идти безъ ясно формулированнаго приказа. А дайте, если вамъ угодно откровенности — извольте. Мнѣ, какъ строевому кавалерійскому офицеру, не по душѣ ваши планы. Это, въ случаѣ успѣха, не битва и не побѣда, а измѣническаго засада. Въ нее Линъ-Чи попадетъ не потому, что я и моя сотня храбры, а потому, что мы оказались бы слишкомъ подлы. Мы выиграли бы ставку на доверіи хунхуза къ честности русскаго офицера, оказавшагося безчестнымъ. Вотъ въ силу чего я отказываюсь исполнить ваше требованіе, баронъ фонъ-Кройфъ.

Пока Погожевъ отчитывалъ дипломата, тотъ сидѣлъ съ застывшимъ лицомъ. Андрей Яковлевичъ отдалчно понималъ, что наживаетъ себѣ неприятнаго и, можетъ быть,

опаснаго врага — въ этотъ баронъ, по рѣшительности до конца.

— Такъ-съ, — проговорилъ чиновникъ, помолчавъ. — Чтожъ, каждая точка зрѣнія хороша, если она достаточно обоснована. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я, конечно, поступилъ бы такъ же.

Онъ улыбался, и по любезному выраженію его лица нельзя было догадаться, что отношенія Погожева обозлила его и обезкуражила.

— Если я и моя сотня смогли бы оказать вамъ содѣйствіе какимъ-либо инымъ способомъ, то я сочту за удовольствіе, — добавилъ штабъ-ротмистръ.

— О, нѣтъ! Къ чему же. Вотъ развѣ дадите мнѣ проводника, чтобы указалъ дорогу въ Ялу, къ вашему начальнику.

— Съ удовольствіемъ.

Чиновникъ остался у пограничниковъ обѣдать, его угощали коньякомъ, даже шампанскимъ, добытымъ у маркитанта-китайца. Уѣзжая, баронъ шутилъ, еще и еще хохоталъ надъ исторіей съ даотаемъ и криво жалъ офицерамъ руки. Но Погожева все это не обмануло.

— Надѣждь, онъ мнѣ навостерилъ! — думалъ штабъ-ротмистръ, глядя въ свѣдѣ непрощенному гостю. — А интересно все-таки знать — какимъ образомъ нашли американку Гринелеръ? Не Пиргезъ ли выдалъ, желая получить, наконецъ, не дающіеся пять тысячъ?

И какъ только мысль перескочила на молодую женщину, то Андрей Яковлевичъ съ неудержимой силой повлекло въ котловину Линъ-Чи. Онъ осматривалъ лошадей, давалъ подчиненнымъ различныя хозяйственныя указанія, подробно знакомился съ мѣстомъ новой стоянки, переваливаясь съ помощью фелдшера рану — а размышлялъ все же не о томъ и хотѣлось ему все-вѣмъ не этой нудной, неинтересной возни.

Когда отъ деревень легли длинныя тѣни, Погожевъ пошелъ въ рощицу на вершина холма и оттуда сталъ смотрѣть внизъ, на свѣрл стѣны хунхузскаго лагеря. Три дороги, ведущія съ разныхъ сторонъ въ котловину, были оживлены. То группами, то въ одиночку по нимъ двигались конные и пѣшие. Если бы штабъ-ротмистръ не былъ разсѣянъ и поглощенъ своими думами, то, конечно, онъ понялъ бы, что это оживленіе не сирота и что вмѣстѣ съ вечеромъ надвигаются какія то новости.

(Прод. слѣд.).

См. «Кисляничъ» № 147.

Сдвижная покатошь крыши съ западной стороны была убрана, образуя родъ балкона. Въ изголовье сидѣла молодая женщина, на парпетѣ, устланномъ коврами, прилегла Линь-Чи. Чай, по-китайски заваренный прямо въ чашкахъ, стоялъ на треножникахъ миниатюрныхъ столикахъ. Столъ и курился дурманящими сильными запахомъ зеленыхъ чайныхъ листьевъ. Заходило солнце и надъ огромнымъ мѣстомъ, занятымъ старыми, причудливыми крышами китайскихъ построекъ, нависла сторожная тишина. Было похоже, словно бы это не лагерь хунхузовъ, а монастырь, и всѣ обитатели его молятся предъ кончиной дня—торжественно и безмолвно.

Повидимому продолжал начатое раньше, Линь-Чи не громко говорилъ:

—Да, я былъ увѣренъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Пылила головы на то и созданы пыльными, чтобы до времени терять ихъ. А зря далеко...

Онъ замолчалъ и задумался. Женщина медленно покачивалась, врядъ ли слыша слова атамана. У ней была наружность изъ тѣхъ, которая надолго остается въ памяти даже послѣ мимолетной встрѣчи. Въ частности ничего особеннаго и ни одной черты лица строго правильной. Но въ общемъ характерный профиль, рѣзко намѣченный, словно бы всегда неподатливый, всегда вызывающій, всегда готовый дать отпоръ. И какъ это постоянно бываетъ въ женскихъ лицахъ, останавливающихъ на себѣ внимание, впечатлѣніе красоты создавали глаза—большие синіе глаза.

Пусть у женщины будутъ идеально правильны всѣ черты, пусть будетъ лучезарный цвѣтъ лица, но если глаза недостаточно велики, если они не выразительны, если ими, какъ сіяніемъ души, не озарена вся фигура женщины—ее не назовутъ красивой. И наоборотъ, черты, созданныя Богомъ кое-какъ, плохо подобранныя, будто выхваченныя на-силье изъ разныхъ растъ и разныхъ стилей, черты съ явными изъянами, но освѣщенные красивыми глазами—производить неотразимое впечатлѣніе. Княжна Марья Волконская, такъ изумительно созданная Львомъ Толстымъ, благодаря чудеснымъ глазамъ могла казаться красавицей, имѣя старое, почти уродливое лицо, въ пятнахъ, съ дряблой кожей, въ веснушкахъ. Женщина, сидѣвшая на балконѣ, была отнюдь не уродъ, а огромные, синіе, тревожные глаза дѣлали ее красавицей.

Линь-Чи задумчиво говорилъ:

—Конечно, я не пойду на поклонъ въ Портъ-Артуръ. Что я лишусь дружбы русскихъ—конечно плохо. Но если бы мнѣ предложили на выборъ: вернуть жизнь Ланжентуну или потерять покровительство Портъ-Артура—я, конечно, выбралъ бы Ланжентуна. Такихъ помощниковъ нѣтъ не замѣнишь... Ты, Клара, кажется меня не слушаешь?

Встряхнувши зябко плечами, она отвѣтила:

—Нѣтъ, я слышала, только думала о другомъ... Ты говоришь о Ланжентунѣ.

—Да, это пыльная голова. Вѣсть о его смерти поразила всѣхъ насъ.

—Тебѣ известны подробности?

—Нѣтъ, но ихъ легко возстановить. Попался съ моими бумагами, неосторожно обронилъ лишнее слово—и отрубили голову. Безъ суда...

—Если ты зналъ, что онъ неостороженъ,

не нужно было посылать его въ такое опасное мѣсто, равнодушно проговорилъ молодая женщина и добавила громко:—Заху! Подай горячаго чаю.

Вошелъ мальчикъ-слуга и обмѣнилъ чашки.

—Но какъ я отомщу за Ланжентуна!—выразительно проговорилъ Линь-Чи. Какъ отомщу!

—Ты такъ часто говоришь о мести, что это перестаетъ казаться страшнымъ,—протянула недовольнымъ тономъ Клара.

Полковникъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо и отвѣтилъ тихо:

—Местъ—мечта. Чтобы наши мучители современемъ въ свою очередь помучились—нужно сдѣлать китайскій народъ болѣе счастливымъ. Это будетъ высшей мекъшей нашей.

—Но нужно же достигать. Нельзя только желать, говорить и мечтать.

—Ты строга сегодня.

—За то вы всѣ стали къ себѣ черезчуръ снисходительны.

Линь-Чи хотѣлъ что то возразить, но сдержался и промолчалъ. Она тоже молчала долгое время, а затѣмъ сказала съ ноткой раздраженія:

—Местъ, местъ!... Безправный народъ!.. Мучители и мученики!.. Сегодня ложка крови, завтра ложка... Одного вы растерзали, другого—растерзали въ застѣнѣ... Что же это такое? Видѣ это колесо вертится въ Китаѣ сотни лѣтъ. Неужели всѣ вы такіе жалкіе, что можете лишь мечтать, а не способны сдѣлать что-либо крупное?... Скучно это, Линь...

—Но вѣдь тебѣ извѣстенъ всякій мой шагъ, ты знаешь, чего я хочу и что дѣлаю. Если не хорошо—научи

—Я—научи! Ха, ха, ха!..

Смѣхъ ея пронесся обидно и больно.

Линь-Чи вскочилъ съ парпета и сказалъ, мѣняясь въ лицѣ:

—Не смѣйся, Клара. Я не заслужилъ этого. Если я не силенъ, если переоцѣнилъ свои способности, то ты же знаешь, что въ любой моментъ я готовъ отдать жизнь начатому мною дѣлу. Развѣ это заслуживаетъ смѣха.

—Кажется, ты обращаешься къ моей жалости?—спросила она попрежнему насмѣшливо.

—Нѣтъ, къ справедливости,—отвѣтилъ онъ рѣзко и пошелъ съ балкона.

Клара даже не повернула головы ему вслѣдъ. Губы ея были сурово сжаты, огромные глаза смотрѣли строго въ темнѣющую даль, отчего казались не синими, а черными. Но мало-по-малу строгость уступила мѣсто какому-то другому чувству, явившемуся съ другими мыслями. Рѣзкость профиля и суровость сжатыхъ губъ таяли вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтомъ и лицо становилось женственнымъ, мягче. Если за полчаса раньше казалось, что эта женщина могла бы безъ дрожи подписать любой смертный приговоръ, то теперь было ясно, что и заска ея способна скрасить жизнь, вернуть къ жизни—стояла жизни.

Смерлось. Гдѣ то призывно и жалобно прокричала полевая курица. На одномъ изъ безчисленныхъ двориковъ лагерь заворопились, зашумѣли и стихли люди.

—Линь,—тихо позвала женщина.—Линь! Иди ко мнѣ... Линь!..

Онъ не отзывался и вскорѣ его громкій, рѣзкій голосъ пронесся внизу. Она улыбнулась, успокоенная. Страшны и убиваютъ нашу совѣсть молчаливыя страданія ближняго отъ нанесенной нами обиды. Но если распоряжается, кричитъ, подаетъ признаки жизни—корящая насъ совѣсть и жалость смолкаютъ. Значитъ все отлично, значитъ обида не такъ ужъ велика.

На многочисленныхъ дворикахъ скученнаго и тѣснаго хунхузскаго городка затоптались. Поднялся шумъ, крики. Выводили лошадей.

—Прощай, Клара,—сказалъ Линь-Чи, появляясь на балконѣ.

—Ты уѣзжаешь? Надолго?

—Нѣтъ, вѣроятно, лишь на нѣсколько дней.

—И это секретъ—куда?

—Не секретъ, но такое неприятное и... и пустое дѣло, что лучше я расскажу о немъ послѣ.

—Ну, прощай, мой Линь.

Она встала, потянулась къверху—къ его голови—закинула руки ему за шею и прижалась. Такъ они простояли нѣсколько минутъ.

—Не сердись на меня, Линь.—тихо сказала она.

—Ты соскучилась здѣсь, Клара,—проговорилъ онъ серьезно.—Я вижу—тебѣ скучно.

—Нѣтъ, это не потому.

—Я вижу—тебѣ скучно,—повторилъ онъ.

—Отъ Пиргея скоро получатся вѣсти. Ты поѣдешь въ Шанхай, въ Америку, въ Европу—и развлечешься. Потерпи немного, Клара. Пока Пиргаль не устранитъ препятствія—тебѣ лучше побыть здѣсь.

—А ты?

—Не знаю еще. Можетъ быть, и я поѣду.

—Почему не знаешь?

—Вѣдь ты же видишь: начались неудачи. Все шло хорошо и вдругъ всюду возникаютъ недоразумѣнія. Ланжентунъ казненъ, русскіе грозятъ разрывомъ и преслѣдованіемъ. Можетъ быть, мнѣ снова предстоитъ бурная полоса и придется спасать людей своихъ и дѣло. Развѣ можно въ моемъ положеніи загадывать о будущемъ?

Въ тихомъ голосѣ атамана хунхузовъ звучала не жалоба, а такая то суровая отреченность отъ всего личнаго, что то монашеское.

—Ну, прощай, Линь!

Руки Клары порывисто стиснули его шею, губы обожгли.

—Прощай, Линь!..

Изъ-за строеній не было видно, какъ уходилъ отрядъ, но по густому топоту лошадей женщина догадалась, что хунхузовъ много, можетъ быть нѣсколько сотъ. Опершись на парпетъ балкона руками, она всматривалась въ сумракъ. Вотъ на дорогѣ, змѣнявшейся межъ холмовъ, показалась вереница движущихся всадниковъ. Неясно, силуэтно, подобно тѣнямъ на худощавомъ экранѣ, они шли и шли—долго шли, скрываясь за поворотомъ на холмѣ, а появившись изъ-за гребешка соседней крыши. Наконецъ, послѣдніе исчезли, ниточка дороги опустѣла и вскорѣ совершенно слилась съ ночнымъ мракомъ.

Женщина отошла отъ парпета, зѣвиво потянулась и безъ всякой видимой причины тихо засмѣялась. Пришелъ бой и, пыхля отъ усталости, закрылъ балконъ. Отлогая крыша со скрипомъ стала на свое мѣсто, лампа тускло освѣтила большую и пустоватую чердачную комнату.

—Подай, Заху, огонь внизъ,—сказала женщина.

Она прошла по темнымъ комнатамъ, Заху зажегъ лампу подъ цвѣтнымъ абажуромъ. Удобно улегшись на диванъ съ ногами, Клара открыла книгу, но чтеніе, надо думать, не отвлекло отъ какихъ то своихъ мыслей. Страницы переворачивались, лобъ слегка морщился въ сосредоточенномъ выраженіи однако, временами рука съ книжкой откидывалась далеко въ сторону и такъ на долго замирала. Синіе глаза широко открывались, глядя въ одну точку, губы складывались въ подобіе улыбки. Потомъ снова продолжалось чтеніе.

(Прод. слѣд.).

В. Д. Нозлова.

(Продолжение).

XVIII.

—Ужинать въ столовой будете? спросил Заху.

—Накрой въ столовой.

—Одинъ приборъ?

—Фу, какой ты дуракъ, Заху,—засмѣявшись сказала женщина.—Конечно, одинъ, вѣдь полковникъ уѣхалъ.

—У полковника сидитъ русскій офицеръ.

—Какой?

—Тотъ, что лежалъ у васъ, раненый.

Клара быстро поднялась и рѣзко проговорила:

—Почему же ты не сказалъ мнѣ? Давно онъ ждетъ?

—Часа два.

—А теперь сколько?

—Около полуночи.

—Что ему нужно?

—Полковника нужно. Онъ сказалъ, что будетъ ждать.

—Попроси его во мнѣ,—сказала женщина и добавила громко въ слѣдъ:—Накрой два прибора.

Привычнымъ жестомъ она поправила волосы, потомъ прошла по комнатѣ и, какъ давеча, безпримечательно засмѣялась.

Погожевъ вошелъ взволнованный, счастливый одною лицъ возможностью увидѣть незнакомку, о которой онъ столько думалъ.

—Отчего вы такъ внезапно насъ покинули?—спросила она, здороваясь.—Я не успѣла даже познакомиться съ вами какъ слѣдуетъ.

Онъ пояснилъ, шелкая шпорами. Рука его была горяча и дрожала. Лицо и глаза казались такими, словно бы лихорадка вернулась въ прежней силѣ.

—Вы рано встали,—сказала она.—У васъ каръ.

—О, нѣтъ! Увѣряю васъ, я здоровъ.

Начавъ такъ, они говорили о неинтересномъ и дальше.

Ожидая прихода русскаго офицера, она пережила что то въ родѣ легкаго нервнаго волненія, почему то этотъ приходъ казался значительнымъ. Подъ вліяніемъ же ненужнаго разговора это прошло.

Сидя за столомъ, она спросила, не скрывая любопытства:

—Это правда, что мнѣ разсказалъ про васъ полковникъ Линъ-Чи? Вы побѣди и арестовали даюта въ присутствіи его войскъ?

—Да, это было. Онъ оскорбилъ меня.

Она тихо, какъ бы для себя только, обронила:

—Какой это даръ—рѣшительность! Какъ быстро онъ завершаетъ борьбу побѣдой!—и вздохнула.

Имъ прислуживалъ Заху, появляясь и исчезая безъ малѣйшаго шума.

—Я слышалъ о васъ и видѣлъ васъ задолго до нашего знакомства,—говорилъ Погожевъ.—Это странно, но я даже васъ разыскивалъ, какъ настоящій сынчикъ, и имѣлъ изъ-за васъ много непріятностей, ваше имя заставляло меня много волноваться. Удивительно, не правда ли?

—Какъ такъ? Разскажите, пожалуйста.

—Я разыскивалъ васъ въ Портъ-Артурѣ вмѣстѣ съ мистеромъ Тринклеромъ. Вышелъ довольно глупый анекдотъ. Вмѣсто васъ мы высладили другую даму... Развѣ Пиргель вамъ не разсказывалъ?

—Нѣтъ.

—Мы съ мистеромъ Тринклеромъ сыграли такую шутовскую и неприличную роль, что стыдно говорить... А видѣлъ васъ я въ первый день моего приѣзда въ эти края. Вы катились верхомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ конвой.

—Ахъ, да! Помню. Мой маскарадъ не обманулъ васъ?

—Нѣтъ. Я почти сразу догадался.

—И вы тогда же узнали, кто я?

—Что вы г-жа Тринклеръ, я узналъ прошлой ночью.

—Въ залъ?

—Да.

Замѣтивъ, что признаніе это произвело на нее непріятное впечатлѣніе и боясь показаться ей со стороны плохой, онъ торопливо добавлялъ:

—Вы не подумайте, что я шпионилъ. Сохрани Богъ! Я очнулся, подумалъ, что въ плѣну удаюта, и рѣшилъ бѣжать. Я даже не помню, какъ попалъ въ эту залу. И кромѣ того, сегодня утромъ о васъ мнѣ все разсказалъ тотъ дипломатъ, который ночью былъ у Линъ-Чи.

—А онъ почему обо мнѣ знаетъ?

—Но вѣдь вы причина его приѣзда.

—Я?

Штабъ-ротмистръ осксся. Ему стало очевидно, что Линъ-Чи скрывалъ отъ Клары условіа барона фонъ-Кронфа. Андрей Яковлевичъ сбивчиво пробормоталъ:

—Простите меня, но это, вѣроятно, секретъ... То-есть, секретъ отъ васъ... Должно быть есть причины...

—Что вы говорите? Я ничего не понимаю.

—Я не имѣю права вамъ объяснять... Фу, Господи, какъ же я болтливъ, однако!—вырвалось у Погожева съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ.

—Нѣтъ, ужъ если вы начали,—прошу говорить. Отъ меня Линъ-Чи что-то скрывалъ?

—Хорошо, я скажу,—рѣшительно произнесъ штабъ-ротмистръ.—Но только потому, что вы этого хотите, а я не могу отказать вамъ... Баронъ фонъ-Кронфъ приѣзжалъ требовать вашей выдачи, такъ какъ изъ-за вашего похищенія произошли какія то дипломатическія непріятности.

—Но меня никто не похищалъ,—воскликнула она, волнуясь и повышая голосъ.—Что за вздоръ! Я сама ушла въ Линъ-Чи. Я съ нимъ давно знакома, еще въ Петербургѣ познакомилась, когда онъ учился въ офицерской школѣ. Потомъ встрѣчалась въ Пекинѣ. Если бы не ложный слухъ, будто Линъ-Чи казненъ, я, конечно, не стала бы госпожей Тринклеръ. Но мнѣ изъ Пекина дали знать, что ему отрубили голову за организацію дворцоваго мятежа. Я четыре года носила по немъ трауръ и, при-

хавъ въ Артуръ, вдругъ встрѣтила его на улицѣ. Все вышло такъ внезапно, что я согласилась не возвращаться къ мужу и, во избежаніе скандала, просто не подавать о себѣ вѣстей. Теперь Пиргель занялся устройствомъ моихъ дѣлъ, онъ уполномоченъ подробно разсказать все г-ну Тринклеру. Здѣсь моя свободная воля, мой выборъ—Линъ-Чи совершенно ни въ чемъ не виноватъ. Линъ-Чи изумительный человѣкъ, ему предназначено сыграть огромную роль въ жизни китайскаго народа. Неужели его можно подозрѣвать въ такомъ поступкѣ, какъ увозъ женщины насильно!

—Почему знать, кому что предназначено, тихо проговорилъ Погожевъ.

Гдѣ то недалеко послышался шумъ голосовъ. Кто то, видимо, рвался силой, кричалъ. Погожевъ прислушался и сказалъ, вставая:

—Бажется, ко мнѣ. Я слышу своихъ пограничниковъ.

—Заху! Кто тамъ? Въ чемъ дѣло? спросила хозяйка.

—Къ русскому офицеру прѣехали солдаты съ письмомъ. Они хотятъ войти, а караульные не пускаютъ. Они говорятъ, что надо въ руки передать.

Погожевъ вышелъ къ солдатамъ и вернулся въ столовую взволнованный, поблѣднѣвшій.

—Гдѣ полковникъ Линъ-Чи?—спросилъ онъ Клару.

—Я не знаю. Уѣзжая, Линъ не захотѣлъ сказать.

—Какая досада!

—Развѣ чтонибудь серьезное?

Вмѣсто отвѣта штабъ-ротмистръ подалъ американкѣ только что полученную записку.

«Дорогой Андрей Яковлевичъ, писалъ начальникъ Погожева.—Не теряя ни минуты предупредите Линъ-Чи, что сегодня или завтра онъ будетъ окруженъ и атакованъ нашей казачьей бригадой. Пронира Кронфъ уговорилъ бригаднаго генерала. Вамъ тоже могутъ отдать приказаніе помочь казакамъ. Поэтому переименуйте мѣсто стоянки съ такимъ расчетомъ, чтобы это

приказаніе васъ не нашло. Линъ-Чи скажите, чтобы онъ немедленно уходилъ со своими людьми въ лѣса, къ Эрдахъ и дальше, къ Тунхуаньшу. Можетъ даже перейти Ялу на корейскій берегъ. Черезъ недѣлю все уляжется, тогда и ему дамъ знать и онъ вернется. Известную вамъ даму возьмите пока подъ свое покровительство и спрячьте гдѣнибудь въ безопасномъ мѣстѣ. А самое лучшее ей уѣхать. Если-бы вы запоздали и Линъ-Чи будетъ разбитъ, то приложите все усилія, чтобы спасти его и не дать увести въ Портъ-Артуръ. Онъ чрезвычайно нужный намъ человѣкъ! Надѣюсь на васъ и увѣренъ, что вы все возможное сдѣлаете».

—Что же все это значить? Неужели вчерашніе союзники хотятъ выдать Линъ-Чи китайскому правительству.

—Да, хотятъ. Еще сегодня утромъ этотъ Кронфъ предлагалъ мнѣ обманнымъ образомъ захватить васъ и полковника, но я отказался.

Она не сказала благодарности—было не до того. Однако, глаза ея доложили обо всемъ этомъ лучше словъ.

—Что же теперь дѣлать?

—Разспросите своихъ слугъ и оставшихся людей полковника. Они навѣрное знаютъ, въ какую онъ пошелъ сторону. Предупрежденный, онъ навѣрное будетъ захваченъ врасплохъ.

—Заху!—позвала молодая женщина.

—Заху!

Слуга долго не появлялся, а затѣмъ раздался его голосъ, ликующій и громкій:

—Госпожа! Фынъ-Хуанъ-Ченъ горитъ! Горитъ городъ! Все небо въ огнѣ!..

Онъ бѣжалъ красный отъ волненія и захлебываясь радостно кричалъ:

—На дворѣ видно, какъ днемъ. Это наши тамъ, это полковникъ, нашъ полковникъ!

—Пойдемте, сказала Клара, взявъ штабъ-ротмистра за руку.

Заху уже поднималъ крышу балкона. Изъ-за островерхихъ сопотъ поднималось громадное злобщее зарево, охвативъ полнеба.

—Да, это Фынъ-Хуанъ-Ченъ, скажутъ Погожевъ.

Нѣсколько минутъ они стояли рядомъ и Клара не выпускала руки офицера изъ своихъ рукъ, дрожащихъ, страшащихся потерять защиту.

—Какъ же теперь?—шптала она тревожно.—Вѣдь это казаки напали!..

У Погожева голосъ окрѣлъ и каждое движеніе вдругъ приобрѣло какую то внутреннюю, властность.

—Сю же минуту объявите всѣмъ людямъ, чтобы они забрали оружіе и уходили. Скажите, что Линъ-Чи въ опасности. Пусть потихоньку слѣдятъ за нимъ и позже къ нему присоединятся... Бѣдемъ!

—Буда?

—Со мною. Здѣсь вамъ оставаться нельзя. Можетъ быть еще до утра васъ захватятъ. Спѣшите же поспѣйте.

—Подождите меня здѣсь,—сказала она и, быстро на что то рѣшившись, пошла внизъ.

—Заху, позови ко мнѣ старшаго солдата, приказалъ Андрей Яковлевичъ.

Появился Андроновъ и проговорилъ:

—А здорово подпалили городъ, вашбродь. Ишь, жаритъ какъ! Я полагаю, это не иначе, какъ хунхузы, вашбродь.

—Сотни пришла?

—Скоро должна быть. Съ полчаса послалъ.

—Скажи на встрѣчу, скажи, чтобы остановились и ждали меня на дорогѣ къ городу.

—Будемъ бить хунхузовъ, вашбродь?—спросилъ вахмистръ.

—Бить не бить, а чтобы были ко всему готовы.

—Будьте благонадежны.

—Дуй живо.

—Слушаю-съ!

По глазамъ, по плотной фигурѣ Андропова, сразу подтанувшейся и ставшей лише, было видно, что одно предвкушеніе стычки съ хунхузами ему доставляетъ наслажденіе, вдуваетъ бодрость.

(Прод. слѣд.).

В. Д. Нозлова.

(Продолжение).

XIX.

Вскорѣ вышла американка. Одѣтая въ черную амазонку, въ шляпу съ узкими полями и съ чернымъ султанчикомъ, она показала Погожеву еще красивѣй. Длинные подолъ и шлейфъ она держала въ рукахъ, другая была занята хлыстомъ и ридикюльчикомъ.

— Я не одѣла мужского костюма—къ чему маскарады? Я увѣрена, что встрѣтивъ меня вотъ такъ и въ вашемъ обществѣ, ни дипломатъ этотъ, ни казачій генералъ не осмѣлятся взять меня подъ арестъ насильно. Я свободная гражданка Америки, у меня съ собой документы и никто не имѣетъ права заставлять меня ѣхать въ вашъ Портъ-Артуръ. Въдь такъ?

— Я думаю. Хотя...

— Что?

— Баронъ скажетъ, что ему это приказано, и увезетъ силой.

— Посмотримъ!—сказала она вызывающе.— Ну, ѣдемъ мы!

— Вы предупредили здѣшнихъ людей?

— Да, я сказала главному служителю и оставшимся караульнымъ.

— Тогда съ Богомъ. Позвольте мнѣ это, гамъ мѣшаетъ.

Андрей Яковлевичъ потянулся къ ридикюлю, американка отдала и, пытливо глядя на него, сказала:

— Здѣсь мои документы, драгоценности и денежные бумаги на нѣсколько сотъ тысячъ.

Испуганно онъ протянулъ ридикюль обратно.

— О, въ такомъ случаѣ не надо! Возьмите его, пожалуйста, возьмите!

Но она разсмѣялась и уже небрежно бросила:

— Фи, глупость какая! Положите въ карманъ, что ли. Какъ вы боязливы.

— Но... такая сумма!—Погожевъ нерѣшительно мигъ кожанный мѣшокъ въ рукахъ и чувствовалъ, что для своей величины онъ несоразмѣрно тяжелъ.

— Прячьте же. Куда я его дѣлаю,—проговорила она тономъ, не допускающимъ возраженій, и добавила съ хорошей улыбкой: — Ну, проявляйте же рѣшительность, голубчикъ.

Но штабсъ-ротмистръ остался серьезенъ.

— Повѣрьте, я сдѣлаю все, чтобы ваше богатство не пропало. Я положу въ сѣдельную сумку и, пока оно будетъ у меня, не засну спокойно.

— Смѣшной вы,—отвѣтила она безпечно.— Однако, пора.

Они спустились въ комнаты, прошли длинную вереницу фанзъ и дворовъ, видѣли суетливо копошавшихся людей, тревожно между собою перекликающихся.

— Прячутъ добро,—подумалъ штабсъ-ротмистръ и, при выходѣ изъ воротъ, сказалъ караульщикамъ. — Передай своимъ, чтобы скорѣй уходили. Пусть за имущество не беспокоятся—грабить не будутъ.

На дикъ гаубокой котловины зарева почти не было видно, но когда поднялись на вершину холма, оно свѣтило такъ, что можно было читать книгу. Луна казалась красноватой и какой то тусклой.

Клара Тринклеръ ѣздила отлично и конь у нея былъ отличный, лучше лошадей пограничниковъ. Сотня ждала въ полномъ составѣ. Даже корнетъ Крыжовскій сидѣлъ на лошади, хотя одна нога не была обута и болталась безъ стремени.

Офицеры поклонились американкѣ, она молча кивнула и пробѣжала впередъ-рядомъ съ Погожевымъ.

— Люди всѣ?—спросилъ командиръ.

— Всѣ. Сто пятьдесятъ четыре человѣка. Слабаго Кожухова хотѣлъ было оставить на попеченіе старшины въ деревнѣ, но онъ отказался и пошелъ въ строй.

— Садись!—скомандовалъ штабсъ-ротмистръ.— Слѣва по четыре ма-аршъ!

План перемены аллюромъ. Зарево пылало все ярче, вскорѣ сталъ доноситься гулъ, а затѣмъ этотъ гулъ распался на выстрѣлы, шумъ огня и крики людей.

— Тамъ, кажется, настоящій адъ,—сказала Клара.— Неужели это казаки напали на Линъ-Чи.

— Не знаю. Можетъ быть,—отвѣтилъ Погожевъ.

— Какъ все это нелѣпо...

Когда съ послѣдняго перевала открылся городъ, то было въ самомъ дѣлѣ свѣтло, какъ днемъ.

Однако, Фынъ-Хуанъ-Ченъ горѣлъ далеко не весь.

Море огня колыхалось надъ площадью. Яомынь даотая представляла собою громадный костеръ. Казармы, фанзы крупныхъ купцовъ, магазины и постройки богатого чиновничества, расположенные на площади, вокругъ яомыня, тоже горѣли. Въ улицы же огонь проникалъ лишь кое-гдѣ. Шумъ и гамъ стояли невообразимые. Люди металась вокругъ пожарника и издали ихъ суетня походила на изступленный танецъ огнепоклонниковъ.

На минуту сотня приостановилась, а затѣмъ штабсъ-ротмистръ скомандовалъ:

— Первая полусотня рысью ма-аршъ!—и шибко пошелъ къ городу.

Стрѣляли рѣдко, изъ чего Погожевъ заключилъ, что казаки еще не пришли и есть возможность предупредить Линъ-чи. Пограничники влетѣли въ узкую улицу. Всѣ ворота были настежъ, двери фанзъ мѣстами сорваны. Вооруженные китайцы таскали какіе то узлы, кричали женщины, то тамъ то здѣсь гремѣла одиночная пальба.

— Грабятъ, мерзавцы!—пробурчалъ Погожевъ. Женщина разсмѣялась и отвѣтила зло, сквозь сжатія губы:

— Зайри!

— Гдѣ полковникъ?... Гдѣ Линъ-чи?... Въ какой сторонѣ вашъ начальникъ?—разспрашивалъ Андрей Яковлевичъ попадавшихся хунхузовъ.

Большинство не знало. Пугливо они

бросали награбленный скарбъ и прятались отъ русскихъ. Иные должны были сжиться съ мыслью, что русскіе не враги, а союзники, и потому безъ страха встрѣчали приближеніе пограничниковъ, продолжая свою разбойничью работу.

— А говорятъ, будто Линъ-чи не такой, какъ прочіе хунхузы, будто онъ не грабитъ населеніе,—не удержался Андрей Яковлевичъ отъ замѣчанія.

Американка промолчала, еще крѣпче сжавъ зубы. Глаза ея смотрѣли сурово и профиль рѣзко заострился, принявъ неумолимое выраженіе.

Чѣмъ ближе къ площади, тѣмъ больше толпилось народу. Въ одномъ мѣстѣ полусотня наткнулась на дикую сцену. Двое хунхузовъ волокли почти нагую китайку за волосы. Она визгливо кричала и рвалась изъ рукъ. Тутъ же еще нѣсколько человѣкъ привадами и саблями доколачивали какого то мужчину, лишь слабо вскрикивавшего и стонавшего.

— Ахъ, вы скоты!—воскликнулъ штабсъ-ротмистръ и налетѣлъ на разбойниковъ.

Тѣ отбѣжали, но стали въ оборонительную позу, что то крича.

— Это чиновникъ!... Чиновниковъ позлагается убивать!—разобралъ Погожевъ.

— Не трогать женщинъ!—грозио крикнулъ онъ.—Вы должны быть солдатами, а не разбойниками.

Тутъ только онъ и всѣ остальные разсмотрѣли, что у крыльца фанзы валится и хрипло, тоненько пищитъ ребенокъ. Безъ вселенокъ, барахтаясь въ пыли голымъ тѣломъ, онъ въ заревѣ пожара казался какіи то несчастнымъ звѣрькомъ, брошеннымъ на растерзаніе крупнымъ, осирѣвшимъ чудовищамъ. Мать бросилась къ нему и прикрыла своимъ, тоже почти обнаженнымъ тѣломъ. Было въ этомъ зрѣлищѣ столько свѣтлого и вмѣстѣ столько животного, что у Погожева отъ бѣшенства помутилось въ глазахъ и онъ, заглушая невообразимый шумъ, рывнулся:

— Шашки вонъ!... Въ атаку!

Но Клара схватила его за большую руку

и крикнула съ широко открытыми отъ ужаса глазами:

— Сумасшедшій! Что вы дѣлаете! Они поймаютъ разорвутъ насъ!...

Нахмурившіеся пограничники сгрудились тѣсной стѣной. Коня хранили, тяжелая кавалерійскія шапки блеснули грозной щетинной.

— Шашки въ ножны!.. Рысью ма-аршъ!—скомандовалъ опомнившійся штабсъ-ротмистръ.

Тушить пожаръ и отступать еще не загорѣвшіеся фанзы было некому. Горожане больше трепетали за жизнь, чѣмъ за имущество. Огонь побѣдно и гулко гремѣлъ, сухое дерево пылало безъ дыму, какъ хорошо растопленные дрова. У площади стало такъ жарко, что, казалось, одежда вотъ-вотъ вспыхнетъ.

Внезапно встрѣтили Линъ-Чи. Самъ въ сѣдлѣ и окруженный верховыми, онъ что то кричалъ на серединѣ большого двора. Когда подѣхали ближе, то увидѣли картину еще хуже, чѣмъ давшіяся. Три человека валялись на землѣ связанные, а нѣсколько хунхузовъ ловко и изобрѣтательно пытали ихъ огнемъ. Одинъ кричалъ, то-скливно, длинно, безнадежно. Остальные въ корчахъ молчали.

Линъ-Чи замѣтилъ прѣхавшихъ. Измѣнившись въ лицѣ, онъ сильно ударилъ лошадь шпорой, отчего она шарахнулась и встала на дыбы.

— Что тебѣ надо? Зачѣмъ ты здѣсь?—спросилъ онъ женщину и, не ожидая отвѣта, обратился къ Погожеву съ худо скрытымъ бѣшенствомъ: — Потрудитесь, г. офицеръ, объяснить, что это значитъ? Зачѣмъ вы привезли эту даму?

Какъ бы не замѣчая ни тола атамана, ни страшнаго дѣла, которымъ онъ былъ занятъ, Андрей Яковлевичъ подѣхалъ къ нему вплотную и, по-китайски, чтобы не поняли пограничники, сказалъ:

— Я получилъ письмо отъ подполковника. Онъ приказалъ найти васъ и сообщить, что не позже завтрашняго утра васъ окружатъ, разобьютъ и захватятъ въ плѣнъ

казаки нашей бригады. Немедленно спасайтесь, полковникъ Линъ-Чи. Дорога каждая минута. Уходите къ Тунхуаньшу или на корейскій берегъ. О мѣстѣ пребыванія сообщите подполковнику. Отъ васъ дасть знать, когда будетъ возможно вернуться.

— Я плюю на вашего подполковника! Это измѣна!—крикнулъ Линъ-Чи въ лицо Погожеву.

Тотъ осадилъ коня и сдержанно произнесъ:

— Потыше, господинъ Линъ-Чи.

— Если война, то и вздерну на веревку всѣхъ русскихъ, какіе мнѣ попадутся!.. И... и...

— Ну?—угрожающе спросилъ Андрей Яковлевичъ.

— Линъ! Умоляю тебя!—крикнула г-жа Тринклеръ и стала между офицеромъ и хунхузомъ.

Линъ-Чи скрикнулъ зубами и пробормоталъ съ палившимися кровью зубомъ:

— Зачѣмъ ты прѣхала? Кто звалъ тебя? Сию же минуту позжай домой и бери этого непрошеннаго дамскаго кавалера. Не то!.. Слышишь?..

Онъ круто повернулъ коня и что то скомандовалъ. Тотчасъ затрубило нѣсколько сигнальных рожковъ. На огромный дворъ повалили хунхузы, ведя лошадей въ поводу.

Трехъ оваленныхъ истерзанныхъ плѣнныхъ бросили, не добивъ и не освободивъ. Погожевъ взглянулъ и въ одномъ узналъ даотая, въ другомъ помощника. Добродушное старое лицо его кривилось и онъ не могъ сдержать тихихъ стонотъ боли. Особенно мерзкое впечатлѣніе производилъ животъ стараго китайца. Черный, сплошь обожженный, онъ мѣстами зиялъ потрескавшимся, кровоточащимъ мясомъ.

Пограничники поглядывали на собирающихся хунхузовъ мрачно. Клара Тринклеръ, точно замороженная, не могла оторвать глазъ отъ трехъ страдальцевъ, была блѣдая и все плотнѣе сжималась ея губы.

(Прод. слѣд.).

В. Д. Мозлова.

(Продолжение).

XX.

—Пойдемте,—трогая америнанку за рукав, проговорил Погожев.

Она, наконец, оторвалась от страшного зрелища. В глазах, внезапно потемневших, мелькнули жуткие огоньки.

—Дайте мне какуюнибудь бумажку и карандаш.

—Зачем вам?

—Дайте.

Погожев подавал полерую книжку доиссений. Энергично и быстро она написала несколько слов, сложила и подсовывала ближайшего хунхуза.

—Передай полковнику Линь-чи.

Над ближайшей фанзой взвился клуб дыма и пламени. Она долго сопротивлялась надвигающемуся жару, но не устояла и разорвалась, как свеча, вспыхнула. Кони захрипели, шарахнулись.

—Пойдемте,—повторил Погожев.

—Да, да. Пора... И скорбе. Сидите!

Из деора выехали рысью, а американика торопится.

—Пожалуйста скорби. Слышите же, скорби!

По главной улице и дальше, вверх к перевалу, скакали так, словно бы за полусотней гонимых нечестная сила. Повидимому, Трипклер знала, о чем просила. Не достигли еще половины горы, как сзади раздался топот. Несколько пуль промужало над головами, кто то вскрикнул.

—Кого задрало? Опасно?—крикнул Погожев, не убавляя хода.—Передай по рядам голосом!

—Семенчука из второго взвода. В шее,—получился вскрик.

На вершин ждала вторая полусотня. Еще издали Погожев прокричал:

—Поручик Блутканов! Отведите лошадей за прикрытие! Расположите людей цепью! Нас преследуют... Жарьте в рогу!

Взмывших лошадей тотчас же передали коноводам и они увезли их за гребень горы.

—Вам нельзя сюда. Идите за гору,—говорил штабс-ротмистр женщины.

—Что за вздор! Почему вам можно, а мне нельзя?

—Я вас прошу!

—Ах, оставьте меня в покое!

—Я умоляю вас... Клянусь Богом, если я вас не уберегу, если вы будете ранены—я застрелюсь.

Она пристально и близко всмотрелась в лицо Андрея Яковлевича, словно бы стараясь прочесть—серьезно ли это он и почему такое волнение? Затем протянула руку и сказала:

—Хорошо, я уйду,—и добавила:—Спасибо.

Она проводила ее до коноводов, приказав охранять барыню и вернуться к своим солдатам.

Там уже шла форменная перестрелка. Хунхузы снакали по освещенной горь, свивались и осыпали пограничников пулями. Их прибывало больше и больше. Повидимому, Линь-Чи располагал по меньшей мере тремя-четырьмя тысячами человек.

—Не дать ли знать в казачью бригаду?—предложил Блутканов, но командир отверг:

—Все равно до ночи ее не найти, так как она в походе. До утра мы во всяком случае продержимся.

Видно было, что атакой руководил опытный и знающий начальник. По одному, но несколько, хунхузы перебивали от камня к камню, от прикрития к прикритию. Эти перебивки незаметно, но и неотвратимо сближали расстояние.

—Патроны не трать даром,—наставлял штабс-ротмистр солдат.—Бей навстречу. Не хватить запасу—хоть живым отдавайся.

А хунхузы прибывали. Порой они так густо начинали палить, что проносился дождь звенящих и жужжащих пуль. О камни они сплюсывались с характерным остреньким стуком, подобным тому, как щелкает длинный бич в руке виртуоза-погошника.

Андрей Яковлевич лежал за большой глыбой известняка и думал:

—Что она ему написала? Отчего Линь-Чи то хотел отпустить нас с миром, а то вдруг стал преследовать и вступил в бой?..

От города показались ряды конных людей. Они шли таким правильным строем, что Погожев принял их было за казачьи сотни и обрадовался. Но вскоре выяснилось, что это те же хунхузы. Шли они скоро, рысью. На повороте, хорошо освещенном, Блутканов рассмотрел предводителя и тревожно сказал:

—Ого, сам Линь-Чи!

—Приготовиться к атаке! Стой, ребята, спокойно! Не суетись зря, береги патроны, а будет куча—береги секунду!—крикнул Погожев.

Вахмистр Андронов добавил:

—Развѣ это войско, братцы? Так—хунхузы!

Не сходя с коней, поддерживаемые пестрой ватагой пѣших, китайцы бросились вверх. Они кричали, ободряя себя, без усталости и без счета стреляли, рев получился оглушительный. У Погожева же это обстоятельство вызвало хорошее расположение.

—Гим... Я думаю, что Линь-Чи искусный начальник,—говорил он Блутканову.—Чему его учили в Петербурге и в Лондоне? Не войско, а оброть.

Пограничники долго не отвечали наступающим. Ночью делить трудно и они ждали того момента, когда можно бить без промаха. Хунхузов это, повидимому, ободряло. Не отвечают—значит слабы. Но едва расстояние сближилось шагов на двести, как сто двадцать винтовок грохнули сразу. Пѣшие метнулись в сторону, давая дорогу конница. Храли и тяжело ударяя в камни копытами, лошади пошли тем же коротким, не ходким шагом, каким онѣ обыкновенно скачут в гору.

Как пулеметы, затрещали ружья пограничников.

Снокойные, выдавшие виды, рубившиеся не раз в рукопашную, солдаты стреляли с проворством и точностью автоматических машин. Цѣль была так близка и мишень так велика, что ни одна пуля не пропала. Кони бѣшено ржали, вскидывались на дыбы, опрокидывались, образуя груды и пробки на неширокой дороге. Но подоспѣвали пѣшие, расчищали путь и снова тяжело, громоздко плыла снизу лавина живого мяса. Богѣ вѣсть, какими побуждениями подгонялся.

Пожар же охватывал все большее пространство. Сухія крыши, как гигантскій пучок лучины, вспыхивали, заливая небо свѣтом и украшая искрами. На сто шагов пограничники могли рассмотреть даже лица китайцев. И это людское побоище, под зловеще-красным небом, под зловеще-черным несчастьем и стоишь мирного города, было похоже на легендарную страиду, выхваченную из первых вѣковъ человеческой истории.

Китайцы то осѣдали, то снова устремлялись к вершинам. Расстояние сокращалось. Солдаты палили уже, что называется, «в рогу». Неизвѣстно, чѣм это кончилось бы. Штабс-ротмистр Погожев угадывал, что онѣ обязательно отбили бы атаку, а в новую хунхузы сами не сунулись бы. Однако, это вопрос спорный. Вѣ сотни уже было семнадцать человек выбивших убитыми и ранеными. Дойди Линь-Чи до рукопашной—онѣ задавили бы массой. Ни опытность, ни неустрашимость, ни спавка пограничников ничему не помогли бы. Но произошло внезапное обстоятельство, моментально изменившее картину ночного боя. От города послышались выстрѣлы и крики. Огромная гурьба хунхузов, оставшихся для грабежа, бѣжала без оружия, без добычи. Она принесла своих атакующих товарищей вѣсть, что съ тыла идут казаки и, главное, принесла липкую, заразительную, как молнія, стремительную панику. Уже со слѣдующаго мгновения послѣ этой вѣсти не стало упорного, готового на смерть, непріятеля. На горномъ склонах топталась растерявшаяся банда китайскаго отребья, жалкая, трусливая, не бѣгущая только потому, что не успѣла еще сообразить—вѣ какую сторону выгодѣе.

Пограничники это замѣтили тотчас же. Они видѣли, какъ среди забывшихся в испугѣ людей юлилъ и бросался из стороны в сторону высвѣдѣнный на большомъ конѣ. Какъ онѣ кричали что то, жестикулировали, даже стрѣляли в своихъ же изъ револьвера. Они понимали, что это Линь-Чи дѣлаетъ послѣднюю свою ставку. И будь не призракъ освѣщеннаго зарева, а день—хунхузскаго атамана навѣрное выцѣлила бы мѣткая пуля пограничника. Большинство побросало лошадей и пустилось наутекъ в сонки. Другіе бросились обратно къ городу, повстрѣченные казачьими сотнями разбѣгались в стороны. Скрылся и Линь-Чи куда то. Коноводы, успѣвшие далеко за гору, говорили, что при наступающемъ утрѣ они ясно видѣли чело-вѣка тридцать красныхъ всадниковъ, гуськомъ пробравшихся по горной тропинкѣ. Был ли это Линь-Чи со своимъ личнымъ конвоемъ, паридно одѣтымъ в бархатъ, или одна изъ ватагъ его шапки—неизвѣстно.

Утро началось в дымѣ и копоти. Черная гарь летѣла далеко в горы и садилась на зеленѣ траурной пылью.

Пока вѣ сотни перевязывали раненыхъ, Погожев ѣздилъ къ бригадному генералу и официально доложилъ о подробностяхъ ночного дѣла, умолчавъ лишь про тайное порученіе своего начальника. Ему штабс-ротмистр добросовѣстно отписалъ всю историю вѣ частномъ письмѣ и здѣсь же, изъ ставки генерала, отослалъ съ вѣрнымъ Андреевымъ.

Когда Андрей Яковлевичъ вернулся къ сотнѣ, то солнце уже поднялось высоко и, за исключеніемъ дневальныхъ, всѣ солдаты на припекѣ спали.

—Гдѣ барыня?—спросилъ командиръ.—Уѣхали,—отвѣтилъ солдатъ козыряя.—Что ты врешь! Куда уѣхали?—Не могу знать. Поручикъ Блуткановъ проводилъ ихъ. Конвой дали.

Погожевъ вынулъ къ поручику.—Гдѣ она? Куда уѣхала? Тотъ только что успѣлъ заснуть и было ему не до «нея». Потягивался, онѣ от-вѣтилъ равнодушно:

—Куда уѣхала? Чертъ же ее знаетъ, куда она уѣхала.

—Но какъ вы смѣли отпустить!—бѣшено заоралъ командиръ.

Блуткановъ обидѣлся.

—Вы не кричите-съ, господинъ штабс-ротмистръ. Я вѣ сотни состою совсѣмъ не для того, чтобы караулить истеричныхъ бабъ.

Метнувшись на подчиненнаго взглядъ, полный злости, Андрей Яковлевичъ крикнулъ на весь бивакъ:

—Первая полусотня съдай!.. Не копаться! Потомъ онѣ вспомнилъ про ридикюль и съ трясущимся отъ страха лицомъ побѣжалъ къ своей лошади.

—Богатство!.. Господи!..—билось въ головѣ сумасшедшее подозрѣніе.

Но—ффу-у-у—здѣсь оно... Божанный мѣлочекъ дѣловито лежить вѣ сѣдельной сумѣ, оттопыривая ее, немного смывшись.

Погожевъ попробовалъ—отрывается. Заглянуть вѣ одно отдѣленіе, но не нашелъ ничего интереснаго. Тамъ бумажки были и цѣпны. Посмотрѣлъ вѣ другое—и чуть не ахнулъ. Бриллианты, рубины, изумруды, вѣ оправѣ и просто такъ, засверкали на солнцѣ чудесными переливами. Зыблящійся то искрами, то граневыми изломами—блестѣ ихъ былъ нестерпимъ для глаза.

—Гм... Да!.. Это того!..—могъ только промучать Андрей Яковлевичъ.

И бережно, какъ хрупкіе кораблики изъ воска, онѣ закрылъ ридикюль, осмотрѣлъ замочки. Положить снова вѣ сѣдельный кабуръ онѣ не рѣшился. Подумавъ, привязалъ бинтомъ черезъ шею и сталъ носить за пазухой, на груди. Неловко и некрасиво мѣшало топорщился подѣ ките-лемъ, точно казалъ то скрытая опухоль. Но штабс-ротмистръ это не смущало. Зато онѣ ежесекундно чувствовалъ довѣренное ему богатство и былъ покоенъ. Совершенно безъ злобы, даже привѣтливо и примирительно, онѣ спросилъ Блутканова:

—Но послушайте, Иванъ Ивановичъ, куда же она всетаки могла уѣхать?

У поручика еще не прошло чувство обиды.

—Не знаю-съ, не сдѣлалъ-съ,—отвѣтилъ онѣ хмуро.

Доложили, что полусотня готова. Андрей Яковлевичъ топтался вѣ нерѣшимости.

—Однако вы ей давали конвой!..

—Далъ-съ, но ея настоятельной просьбы. Со слезами просила съ.

—Иванъ Ивановичъ, вѣдь это же, наконецъ, жестоко!—взмолился Погожевъ.—Вы видите, я мучаюсь и готовъ сказать чертъ знаетъ куда!

—Уѣхала она, по моему мнѣнію, вѣ резиденцію этого разбойника. Такъ и говорила, что конвой ей надобно вѣреть на пятнадцать. Я далъ десять человекъ подѣ командой унтеръ-офицера Гладкова. Они такъ прямо по этой дорогѣ и поѣхали. А больше что же я знаю?

Безсонная ночь, передышка съ хунхузами и послѣднее извѣстіе объ отѣздѣ г-жи Трипклеръ весьма живописно разрисовали физиономію Андрея Яковлевича. Подѣ глазами обозначились темные круги, отъ крыльевъ носа пошли двѣ глубоки складки, усы повисли. Солдаты клевали носами даже на рыси.

—Эй, молодчики, чѣго пригорюнились?—съ кажущейся бодростью крикнулъ командиръ.—А ну-ка, пѣсню. Да порѣвѣй!

Пѣсенники откашливались. Чтобы подба-вить людямъ куражу, онѣ совсѣмъ весело добавлялъ:

—Еще успѣемъ отоспаться!.. За сегодняшнюю ночь кресты выдадутъ. А отъ меня первой полусотни особенно по дѣлковому на рыло. Вали погромче!..

Но приторная веселость не обманула солдатъ. Попробовали шуточную—не пошла. Тогда не сговариваясь, по собствен-

ному побужденію, теноръ высоко и рывающе затянулъ:

Что ты, сунженецъ, не веселѣ,

Беззаботный удалецъ?

Что ты голову повѣсилъ?

Али пусть твой гаманецъ?

Подхватили семьдесятъ здоровыхъ глотокъ и тяжело, тоскливо, какъ чайка подѣ коршунѣмъ, забилась пѣсня про сунженца, потерявшаго вѣ бою своего отца—атамана Слѣпцова.

Аль сердешная врузина

Завелась у тебя?

Аль измѣнила—дѣвченка

Вѣ часть условный не пришла?

Аль свое коня лишился

Вѣ молоденкомъ зломъ бою?

Али съ другомъ распростился

Вѣ басурманскомъ ты краю?

Это горе—напѣ на горе!

Непривышнымъ мы такъ жать,

Чтобъ по вѣтренной дѣвченкѣ

Сокрушаться и тужить.

Пѣсня шла и шла, рассказывая простыя вещи и простую скорбь. Погожевъ слушалъ и мысли его сами собою настроились на скорбный ладъ.

Что онѣ со своею любовью кѣ прекрасной американикѣ? Смѣшной, полусумасшедшій человекъ. То чуть не уложилъ изъ-за нея всю сотню, теперь, не давъ людямъ вздохнуть, мчится куда-то, можетъ быть снова на смерть. Кожаная сумочка—только предлогъ!.. Чѣго же онѣ ищетъ, чѣго добивается? Кѣ чѣму все мечтаетъ, все муть разума, весь сумбуръ бредовыхъ почвѣ? Она и не взглянуть на штабс-ротмистра Погожева. Уѣхала и не нашла нужнымъ даже проститься!..

А пѣсня все рыдала, рассказывая о томъ, какъ казачью гордость, казачье солнце—генерала Слѣпцова—уложила изъ-за вала вражескаго пуля, какъ его ноги на бурѣ, какъ «собралъ остатки силы», онѣ зашепталъ свою волю вѣрнымъ сунженцамъ.

У простыхъ казачьихъ пѣсень, особенно старо-казавскихъ, есть характерное свойство—онѣ прекрасно обучены анатоміи и, минуя всѣ ваши органы тѣла, хоти-бы весьма важныя, хватаютъ вѣсь прямо за сердце. Не знаю, откуда взялись тѣ композиторы, что кѣ несложнымъ словамъ подобрали еще незамысловатая мелодіи и вдунули вѣ получившуюся пѣсню огромный по силѣ смыслъ. Врядъ-ли они обучались вѣ консерваторіи и сомнительно, что бы простой казакъ или пограничникъ стремился на оперную сцену. Но я самъ видѣлъ, какъ сѣдоусые, обстрѣленные ветераны-офицеры плачутъ подѣ казачью пѣсню. И я не разъ думаю: вотъ-бы записать эти пѣсни, вотъ-бы разучить ихъ Шалипнымъ, Собиннымъ, Кузнецовымъ! Какой-бы это былъ потѣшный памятникъ чисто-русскому народному искусству!

(Оконч. слѣд.).

Погожевъ не сумѣлъ бы точно разобратъ въ томъ, когда окончилась пѣсня и когда начался спускъ въ знакомую котловину, на чемъ окончились его скорбныя думы и изъ чего вытекла тревога, овладѣвшая имъ при видѣ знакомыхъ строеній хунхузскаго лагеря. Трудно человѣческому мозгу услѣдить за той непрерывной смѣной угасаній и зарожденій, которая именуется разумной жизнью. Даже невозможно услѣдить. Востъ давить безысходное горе, вамъ кажется, что ему нѣтъ предѣла, а между тѣмъ кака-то затерявшаяся кѣ-точка подъ вашимъ черепомъ уже зачала радость. Вы этого даже не подозреваете, но въ мозговомъ вашемъ аппаратѣ идетъ борьба, радость растетъ, ширится, побѣждаетъ и, вдругъ, волной заливая весь разумъ вашъ, это ощущение радости начисто сметаетъ тусклые мысли о горѣ. Вы хотѣли бы еще погоревать, можетъ быть, это даже обязательно по правиламъ общежитія, но ликуетъ тѣло, паритъ духъ и все рисуется розовымъ. Не угодно ли разобратъ-ся—откуда что началось.

Впрочемъ, эти разсужденія не волновали Андрея Яковлевича. Онъ смотрѣлъ въ котловину и какое-то предчувствіе бѣды заставляло шпорить копы, даже пускать въ ходъ стѣки.

Дорога на половинѣ спуска дѣлала крутой поворотъ, огибая скалу. Едва полусотня вышла за край поворота, какъ двое бѣдшихъ впереди дозорныхъ крикнули:

—Наши бѣдутъ на встрѣчу.

Погожевъ вихремъ вынесся впередъ. Въ полувѣрствѣ онъ увидѣлъ лѣннее бѣдшихъ пограничниковъ во главѣ съ Глазковичемъ.

—Ну, что—проводили? Гдѣ барыня?—крикнулъ онъ издали.

Унтеръ-офицеръ досталъ изъ фуражки письмо и, подавая, доложилъ:

—Такъ точно, вашбродь, проводили до самыхъ воротъ. Потомъ барыня сама вышла, подали это письмо, сказали, молъ, командиру и пожаловали на водву. Велѣли

подѣлиться со всею сотней. Опосля мы побѣжали.

—Сколько дала?—любопытствовали пограничники, пока штабъ-ротмистръ возился съ письмомъ.

—Здорово братъ. Пятсотъ! Богатая!

—Маршъ—маршъ!—скомандовалъ вдругъ Погожевъ и съ мѣста пустилъ карьеромъ.

То, что написано было на небольшомъ клочкѣ бумажки, наполнило душу Андрея Яковлевича ужасомъ, хотя и заключалось въ нѣсколькихъ словахъ.

«Милый Погожевъ, прощайте. Въ сердцѣ пусто, я умираю, жалѣя лишь васъ и, если буду думать о чемъ нибудь въ мигъ смерти, то о васъ. Любите меня, милый Погожевъ. Право же, я больше заслуживаю этого, чѣмъ мнѣ выпало въ жизни. Любите меня. Клара».

Истомившіеся за ночь кони сказали тяжело. Но вотъ стѣны, вотъ знакомыя ворота.

—Идаты!—коротко кинулъ солдатамъ Андрей Яковлевичъ и скрылся во дворъ.

Покинутой городокъ имѣлъ хмурый видъ. Гулко звучали шаги по плитамъ дворовъ, еще рѣзче по деревяннымъ поламъ. Кое-что изъ утвари было спрятано, убрано, сорвано.

На всемъ лежала печать поспѣшнаго бѣгства.

Погожевъ пролетѣлъ сквозь нѣсколько фанзъ, миновалъ нѣсколько двориковъ и заблудился.

—Заху!—крикнулъ онъ наудачу.

Отвѣтилъ гулъ въ строеніяхъ—и только.

Онъ вернулся, снова пошелъ, припоминая мало знакомую дорогу. Всѣ людскія фанзы и всѣ дворы походили другъ на друга. Но вдругъ штабъ-ротмистръ подвѣтилъ что-то знакомое. Вглядѣлся—большая зала, въ которой онъ случайно подслушалъ разговоръ Линъ-Чи съ дипломатическимъ чиновникомъ. Эту же залу онъ проходилъ, когда впервые былъ у хунхуза. Значитъ сюда. Вотъ, наконецъ, комнаты Линъ-Чи. Кабинетъ, столовая, спальня. Но какъ найти помѣщеніе Клары? У нея крыша сдвижная... Какъ сыскать?..

Наугадъ Погожевъ идетъ то въ одномъ направленіи, то въ другомъ. Теряется истощается. Еслибы помогло, онъ заплакалъ бы. Отъ безплодности поисковъ въ этомъ лабиринтѣ онъ то скрежещетъ зубами, то готовъ завывать, злобно и дико, по-звѣриному.

—Заху! Заху!..

А время бѣжитъ. Боже, какое время! Какъ возвратитъ его!..

И неожиданно, когда ему казалось, что въ эту дверь онъ входилъ уже не разъ, открылись комнаты американки. Какъ безумный Андрей Яковлевичъ пробѣгаетъ гостиную, что-то въ родѣ восточной диванной, столовую, спальню. Постель не смята. Заглядываетъ въ маленькую дверь—ванна. На широкой, обтянутой кожей, скамьѣ брошена черная амазонка—значитъ здѣсь недавно была Клара. Но гдѣ же она, гдѣ?

Онъ еще и еще бѣгаетъ по всѣмъ комнатамъ и, наконецъ, вскрикиваетъ:

—О, болванъ! А балконъ! Балконъ же!.. и мчится наверхъ, спотыкаясь, падая.

Балконъ открытъ на западъ. Погожевъ приостановился, затанъ дыханіе и на носкахъ сапогъ подходитъ къ качалкѣ. —Клара, говоритъ онъ тихо. —Клара, что съ тобой?

«Вы» не пошло бы съ языка. Въ широкой свободной одеждѣ, блѣдая и прекрасная, г-жа Тринклеръ не шевельнулась. —Клара, скажи же мнѣ—что съ тобой?

Онъ опустился на колѣни и дотрогивается сначала рукой, а затѣмъ губами до ея пальцевъ. Они бѣлы и холодны, но онъ чувствуетъ, что это не холодъ смерти.

—Очнись, Клара! Это я, Клара!.. Клара!—вскрикиваетъ онъ громко.

И словно бы отвѣчая на призывъ то-ски и страха, она медленно открываетъ глаза. Губы ея что-то шепчутъ, шевелятся. —Клара, это я. Видѣ мнѣ можно прийти сюда? Клара, ты меня слышишь?

Опять что-то шепчутъ губы.

—Говори же, Клара... Говори! Одѣвай усилие. Что ты приняла? Ахъ, Боже мой, говори же, Клара!..

Онъ наклонился такъ, что ухо его почти касалось ея рта. Губы шевелятся. Андрей Яковлевичъ напрягаетъ всю силу слуха.

—Ми... милый Погожевъ, говоритъ она. Милый Погожевъ. Я рада... Любите меня, милый Погожевъ... Помните обо мнѣ...

Оттого, что качалка неустойчива, штабъ-ротмистръ почти всею тяжестью тѣла склонился къ умирающей. И сквозь легкую лѣтнюю ткань онъ чувствуетъ, какъ холодно ея тѣло.

—Возьмите руки... руки... возьмите, все слабѣй шепчутъ ея губы.

—Что руки? Зачѣмъ руки? спрашиваетъ онъ, силась понять. —Куда руки.

Онъ беретъ, цѣлуетъ, дышетъ на ступни пальцы, но она хочетъ не этого.

—Возьмите же руки... обнять... возьмите... кажется, онъ понялъ: осторожно положилъ ея руки себѣ на плечи и скрестилъ за спиной, сзади.

Дѣлая страшное усилие, она широко открываетъ чудесные глаза и сжимаетъ Андрея Яковлевича, а затѣмъ глаза меркнутъ, тихо закрываются.

—Клара, живи!.. Клара, очнись, скажи мнѣ, что ты сдѣлала, чѣмъ тебѣ помочь?... Клара! Клара!

—Лю... люби... Милый Погожевъ... еще разъ шепчутъ ея губы.

Потомъ онъ еще и еще кричитъ, молить, цѣлуетъ ея лицо, и прислушивается—шепота больше нѣтъ.

Такъ проходитъ много времени. Онъ бонится шевельнуться, чтобы не разбудить спящую. Еще бы! Она такъ утомилась за эту страшную ночь! Ему хочется уснуть... Какое это будетъ счастье: онъ проснется, какъ уснулъ, обнятый ею!.. Только бы—Боже сохрани—не спугнуть ея рукъ невольнымъ движеніемъ...

—Я люблю тебя, Клара! Спи, малютка, ты такъ устала отъ всѣхъ этихъ потрясеній! Спи...

Полусотня прождала командира полдня и пошла на поиски. Шарили долго, почти до вечера, но ничего не нашли. Дали знать Бѣлотканову. Тотъ пришелъ со второй полусотней и стали искать съ лампами и свѣчами. Совершенно случайно солдатъ наткнулся на лѣсенку и доложилъ офицеру. Поднялись—тихо. Мерцають звѣзды, но тихо и никого. Бѣлоткановъ шагнулъ со свѣчей и отшатнулся.

—Андрей Яковлевичъ, что вы дѣлаете здѣсь? Ночь уже!

Командиръ склонился къ чему-то бѣлому въ качалкѣ и махалъ поручику рукой, какъ бы желая сказать:

—Увидите, увидите!—а потомъ что-то зашепталъ.

Бѣлоткановъ наклонился и прислушался. —Клара! Проснись, пора... Проснись, Клара!

Тутъ только Бѣлоткановъ различилъ звѣзды. обнявшія штабъ-ротмистра за

шею, и фигуру женщины въ свѣтломъ капотѣ. Тронувъ—холодная, взглядѣлся—мертвая.

—Андрей Яковлевичъ, опомнитесь!—крикнулъ онъ громко и испуганно. —Это трупъ! Опомнитесь, голубчикъ!

Но командиръ отмахивался рукой.

—Берите сразу на руки,—распорядился поручикъ. —Хватайте и несите внизъ.

Четверо пограничниковъ двинулись и неловко взяли штабъ-ротмистра.

—Прочь! Какъ смѣете! Я—командиръ!—дико вскрикнулъ онъ.

Тогда его взяли.

Слабыя, тонкія, женскія руки на секунду поборолись съ четырьмя сильными мужчинами. Мертвое, слабое тѣло потянулось съ качалки вслѣдъ за Погожевымъ, однако, не выдержало собственной тяжести и, открывъ объятія, упало обратно въ кресло. Голова стукнулась о край дерева и стукъ этотъ страшной болью пронизалъ Андрея Яковлевича.

—Подлецы!!—рванулся онъ и рванулся такъ, что солдаты покатились въ разные стороны.

Но въ слѣдующій моментъ штабъ-ротмистръ и самъ грохнулся на полъ. Изъ незажившей еще раны на рукѣ пошла кровь и омочила рукавъ.

Оробѣвшіе солдаты подняли своего командира, понесли. Бѣлоткановъ до того растерялся, что ушелъ съ сотней, даже не снявъ покойницу съ кресла. Только на четвертый день трупъ ея былъ найденъ и преданъ землѣ.

Тутъ и конецъ сему экзотическому повѣствованію, слабѣйшимъ мѣстомъ котораго было то, что весь онъ взятъ изъ жизни и авторъ, считавшій съ исторіей фактовъ, боялся давать волю фантазіи.

XXII.

Нѣтъ, не конецъ, впрочемъ.

Въ одномъ изъ богдыханскихъ указовъ отъ конца 1901 или начала 1902 года вы можете найти финалъ біографіи Линъ-Чи. Суть указа такая.

Извѣстный атаманъ хунхузовъ Линъ-Чи, голова котораго была дорого оцѣнена, поднявъ возстаніе на югъ Китая, но былъ разбитъ правительственными войсками и бѣжалъ. Тогда, имѣя въ своемъ распоряженіи четыре вооруженныхъ лиратскихъ набохата и свѣтла тѣло, наводилъ

джонгль, Линъ-Чи явился въ Чифу. Блокированный этой флотиліей портъ, конечно, выказалъ атаману всевозможную покорность. Поднялась масса черни, начался грабежъ. Линъ-Чи посадили въ золоченное кресло и носили по городу, съ громомъ фанфаръ, литавръ и пушечнымъ салютомъ. Чифусскій даотай со всѣмъ чиновничествомъ участвовалъ въ торжественномъ чествованіи хунхузскаго предводителя. Однако, это былъ лишь дипломатическій маневръ. Ночью Линъ-Чи былъ схваченъ и ему въ его постели отрубили голову, которая и красовалась въ Пекинѣ на главной площади въ теченіе мѣсяца. Флотилія же его была частью потоплена, частью разбѣгана имперскими крейсерами.

Это Линъ-Чи.

Что касается Погожева, то онъ за отличія въ японской войнѣ недурно двинулся въ чинахъ и до нашихъ дней продолжаетъ находиться въ строю. О своей любви и вообще о томъ періодѣ, когда онъ служилъ въ пограничной стражѣ—разсказывать рѣдко и лишь задушевноѣйшимъ друзьямъ.

Знавшіе его раньше утверждаютъ, что маньчжурскій романъ оставилъ неизгладимый слѣдъ въ его характерѣ. Подавляющее большинство людей, слышавшихъ разсказанную мною исторію, называютъ одинъ день въ жизни Погожева—днемъ феноменальной глупости. Это когда онъ вручилъ министру Тринклеру все богатство, хранившееся въ сумочкѣ умершей Клары Тринклеръ. Тамъ было свыше полумилліона на наши деньги и одѣтъхъ драгоценностей на полтора тысячъ. Но онъ—отдалъ, все отдалъ. Странный человѣкъ!..

Нашлись и убійцы двухъ боевъ министра Тринклера. Оказалось, что Клара подарила имъ за услуги денегъ, кошелекъ и кое-какія бездѣлашки. Этотъ подарокъ сперва навлекъ на нихъ подозрѣніе американца, а затѣмъ послужилъ приманкой для убійцъ въ опіекуринѣ.

Что же касается остальныхъ дѣйствующихъ лицъ, то большинство изъ нихъ благополучно здравствуетъ понынь, а потому пускаться въ подробности о ихъ судьбѣ нужно съ большою осторожностью.

Вообще, писать о живыхъ—неблагодарный и тяжелый трудъ.

Примечания

Виктор Данилович Козлов (? – ?) — журналист, беллетрист. Автор книг *В тылу у японцев: (Набег партизанов в Корею)*. *Дневник военного корреспондента* (СПб., 1904, 1905), *Очерки и рассказы из минувшей войны* (СПб., 1906), сборников *Пустышные рассказы* (СПб., 1907), *Морские рассказы* (СПб., 1910), *Рассказы* (СПб., 1911), *Под грозой* (Пг., 1915), романов *Шпион* (СПб., 1910), *Счастье* (СПб., 1915) и т.д.

Повесть *Страна экзотики* публиковалась с перерывами в №№ 126 (1912, 6 мая) — 156 (1912, 7 июня) газеты *Киевлянин*. Сканы выполнены Национальной библиотекой Украины им. В. И. Вернадского. В главке XIV при сканировании обрезана нижняя строка текста.

Произведение обнаружено А. А. Степановым.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.